

К 335-летию со дня рождения
светлейшего князя
А.Д. Меншикова

MENSHIKOV MEMORIAL READINGS

2008

Proceedings of the Conference

Volume 6

St. Petersburg
«Istoricheskaya illustratsiya»
2008

МЕНШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2008

Материалы чтений

Выпуск 6

Санкт-Петербург
«Историческая иллюстрация»
2008

Меншиковские чтения – 2008: Сб. науч. ст. / Отв. ред. П.А. Кротов. —
СПб.: Историческая иллюстрация, 2008. Вып. 6. — 128 с.: ил.

ISBN 978-5-89566-079-9

Ответственный редактор П.А. Кротов

*Издательство и коллектив авторов выражают глубокую
признательность С.В. Филиппову — президенту
и Г.В. Губенковой — вице-президенту Фонда памяти
светлейшего князя А.Д. Меншикова
за материальную поддержку выпуска сборника.*

На обложке:

Памятник А.Д. Меншикову в пос. Берёзово. *Скульптор А.Г. Антонов;*
Берёзово. Острог. *Рисунок Т. Кёнигфельса (1740). Фрагмент*

© Коллектив авторов, 2008

© А.В. Спиридонов: макет и оформление, 2008

© Фонд памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова, 2008

© «Историческая иллюстрация», 2008

От ответственного редактора

Последние годы отмечены существенным прогрессом в исследовании феномена такой значимой фигуры российской истории, как Александр Данилович Меншиков (1673–1729). Историки всё глубже постигают разные грани этого масштабного явления Петровской эпохи, значение его личности и деятельности в ходе становления российского абсолютизма при Петре Великом. В первую очередь нужно назвать монографию Ю.Н. Беспятых «Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность» (2005). Н.В. и Е.А. Калязины – авторы монографии в двух частях «Александр Меншиков – строитель России» (2005–2006). После появления брошюры В.А. Артамонова «Калишская баталия 18 октября 1706 года» (2007) стало ясно: перечень великих полководцев России следует пополнить ещё одним славным именем – Александр Данилович Меншиков. Немало ценных статей появилось в опубликованных материалах конференции «Петровское время в лицах», ежегодно проводимой в Меншиковском дворце – Отделе Государственного Эрмитажа. В общем потоке изданий, посвящённых Петровской эпохе и личности А.Д. Меншикова, определённое место занимают и сборники «Меншиковских чтений», издающиеся с 2004 г. Фондом памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова.

В ваших руках очередной шестой выпуск: «Меншиковские чтения – 2008».

Сборник открывается статьёй Е.А. Андреевой «„Полудержавный властелин“ или балансирующий на краю пропасти?». Автор изучает многочисленные отзывы современников о деятельности царского любимца и приходит к любопытному заключению. По мнению Е.А. Андреевой, одной из ипостасей А.Д. Меншикова было служить неким «громоотводом» для претворения в жизнь жёстких мер, для отказов, которые монарх не желал делать лично, для конфискации и т. п. Именно А.Д. Меншикова в этом случае можно было делать мишенью для выражения общественного недовольства. В сложных условиях радикальных преобразований в стране недовольных действительно было слишком много, и монарху крайне выгодно было перевести стрелку общественного негодования на конкретное лицо из собственного окружения, используя глубоко укоренённую в народном сознании формулу «добрый царь, но злые бояре».

В.Н. Балканова изучила деятельность токаря Петра Великого, механика и изобретателя А.К. Нартова по подготовке обученных тонкостям ремесла рабочих. Вклад А.К. Нартова в эту область деятельности, оказалось, был весьма заметным.

Найдёт своего читателя статья И.Г. Дурова, посвящённая спектру вопросов, связанных с введением стандартов поставлявшихся при Петре Великом

Российскому военно-морскому флоту и в торговую сеть продуктов. В этой статье приведён большой материал, извлечённый из архивохранилищ России.

П.А. Кротов обратился к малоизученному сюжету о реальных потерях российской и шведской армий в Полтавской битве 1709 г. Этот вопрос важен, в том числе и для выяснения эффективности действий воинов противоборствовавших сторон в знаменитой баталии.

Е.А. Савельева знакомит читателей со служебными взаимоотношениями А.Д. Меншикова и другого яркого российского деятеля той эпохи — Я.В. Брюса, главы артиллерийского ведомства, видного учёного, одного из самых образованных людей из окружения Петра Великого.

История сооружения и наполнения церковным убранством соборного Троицкого храма города Сургута с высокой степенью подробности воссоздана в статье Н.В. Сухоруковой.

Как и в прошлом, пятом выпуске «Меншиковских чтений», в сборнике снова присутствует раздел публикаций исторических источников. Публикуется уникальный материал, обнаруженный Т.А. Базаровой. Это письма первых строителей Санкт-Петербурга, крестьян монастырских вотчин, относящиеся к 1703 г. Эти источники проливают новый свет на самое начало строительства «парадиза» Петра I, в том числе из исторического забвения извлекаются ранее неизвестные крайне любопытные подробности об организаторской деятельности А.Д. Меншикова в качестве первого губернатора будущей российской столицы.

Другой интересный блок материалов — публикуемые М.М. Дадыкиной и Т.А. Базаровой письма русских солдат из-под Нарвы, относящиеся к осенним месяцам 1700 г. Эти письма были перехвачены шведами и сохранились до наших дней в Государственном архиве Швеции (Стокгольм). Каковы были бытовые заботы солдат, общее состояние российских войск, осадивших пограничную шведскую крепость и ожидавших баталии с полками юного короля Швеции, — об этом позволяют судить издаваемые в настоящем сборнике солдатские письма.

Остаётся пожелать читателям очередного сборника «Меншиковские чтения» увлекательного путешествия в мир российского прошлого XVIII столетия.

*Директор НИЦ «Меншиковский институт»,
член редакционной коллегии
издательской программы «Библиотека Фонда памяти
светлейшего князя А.Д. Меншикова»,
доктор исторических наук, профессор,
академик Академии военно-исторических наук*

П.А. Кротов

А.Д. МЕНШИКОВ – «ПОЛУДЕРЖАВНЫЙ ВЛАСТЕЛИН» ИЛИ БАЛАНСИРУЮЩИЙ НА КРАЮ ПРОПАСТИ?

С личностью А.Д. Меншикова до сих пор связано много тайн: нет достоверных сведений о его происхождении, родителях, неясно, сколько же было у него сестёр и братьев (и были ли последние вообще); покрыто завесой тайны начало его карьеры, неизвестно, как и когда он попал к Ф.Я. Лефорту, когда его заметил Пётр I и с какого момента началось его возвышение¹.

Знаменитое Великое посольство Петра I 1697–1698 гг. оставило много источников, по которым, в частности, можно судить о том, что А.Д. Меншиков, несмотря на скромную должность, официально занимаемую в штате посольства², уже был одним из приближённых царя. Так, он заведовал царской казной, повсюду сопровождал Петра I, в частности, был в числе 8 (по другим сведениям – 6) волонтеров, находившихся с царём в Заандаме с 8 по 15 августа 1697 г. Позднее, с 30 августа 1697 г. по январь 1698 г., работал на амстердамской верфи Ост-Индской компании плотником. Это зафиксировано в свидетельстве корабельного мастера этой компании Г.К. Поля, выданном А.Д. Меншикову, по всей видимости, единственному, не считая царя. В «Книге посетителей профессора Фредерика Рюйша за 1695–1730 гг.» ниже царского автографа стоит ещё только одна подпись – Александра Меншикова. Кроме того, по просьбе Петра I проезжая грамота для поездки в Венецию и в другие итальянские города за подписью императора Леопольда I была выдана «дворянину» Александру Меншикову для проезда «с семьёю персонами», в числе которых был и сам царь³.

Находившийся при русском дворе с 1705-го по 1709 г. датский посланник Г. Грунд подмечал: «Такие полномочия царь едва ли бы мог предоставить кому-либо ещё из своих бояр... да и вообще трудно

было бы найти кого-то, кто бы поддерживал такой фавор с равным усердием и успехом»⁴. При этом известно, что Пётр I изначально не испытывал иллюзий о пороках своего любимца. К примеру, несколькими годами ранее, в 1698 г., согласно свидетельству И.Г. Корба⁵, при ходатайстве перед царём одного из вельмож (имя которого иностранец не указал) о возведении А.Д. Меншикова в дворянское достоинство и присвоении звания стольника, Пётр I ответил категорично: «Александр уже и без того присваивает себе почести, на которые не имеет права, и честолюбие следует более унимать, чем поощрять»⁶.

Позднее русский дипломат князь Б.И. Куракин в своей «Истории о царе Петре Алексеевиче» писал: «Александр Меншиков почал приходить в великую милость и до такого градуса взошел, что все государство правил... И токмо ему единому давалось на письме и на словах — „светлость“»⁷.

Как отмечает Н.И. Павленко, А.Д. Меншиков был единственным, кому царь позволял в указах и распоряжениях использовать близкий к царскому формуляр⁸. Так, «данная» государственному канцлеру графу Г.И. Головкину на вечное потомственное владение усадьбой в Ревеле от 3 августа 1718 г. подписана нашим героем так: «Мы, Александр Меншиков, светлейший Римского и Росийского государств князь и герцок Ижерский, наследный господин Арани-Бурха и иных, его царского величества всероссийского верховный командующий, генерал-фелт-маршал и генерал-губернатор губернии Санкт-Питербурхской и многих правинцей, его императорского величества ковалер святого апостола Андрея и Слона, Белого и Чорного Орлов, от флота российский шаутбенахт и прочая, и прочая... и сию даную дали, и для вящей силы нашу рукою подписали, и нашу инжерскою печатью утвердить повелели...»⁹.

С чем же связан тот факт, что Пётр I, человек рациональный и не склонный к сентиментальности, двигавший как локомотив свои преобразования и сметавший всех и вся встававших на пути, держал А.Д. Меншикова возле себя, прощал ему многие проступки и позволил ему возвыситься как никому другому из своих приближённых? Ответ на этот вопрос связан не только с личностью или качествами Меншикова, а с теми преобразованиями, которые задумал самодержец, и с тем, как он их реализовывал.

Обратимся вновь к свидетельству Г. Грунда: «Царю нравится придерживаться того правила, что он через этого фаворита (А.Д. Меншикова. — *Е.А.*) приводит в исполнение все дела, которые согласуются более с его пользой, нежели с щедростью. Например, когда он вопреки привилегиям, данным его отцом и дедом, хочет урезать до-

ход Строганова от русских солеварен, отнять у Розенбуша (А.И. Бутенант фон Розенбуш. — *Е.А.*) железные заводы, принизить и привести в покорность того или иного боярина, губернатора провинции, начальника приказа и тому подобное, то в таком случае сам царь не подает и виду, кажется весьма милостивым, а князь Меншиков делает все необходимые распоряжения»¹⁰.

Сменивший Г. Грунда в 1709 г. Юст Юль отмечает: «Вообще он (Пётр I. — *Е.А.*) только прикидывается сторонником законности, и, когда совершается какая-нибудь несправедливость, **князь должен только отвлекать на себя ненависть пострадавших...** А про царя говорят, что сам он добр, на князя же падает вина во многих вопросах, в которых **он нередко невинен...**»¹¹. (Здесь и далее выделено автором статьи.) Датский посланник на страницах своих «Записок...» приводит и схему, позволяющую Петру I поступать так, как диктует необходимость, и при этом оставаться в глазах подданных «добрым царём»: «Когда царь не хочет заплатить заслуженного содержания какому-либо офицеру или не хочет оказать ему защиты, то говорит, что сам он всего генерал-лейтенант, и направляет офицера к фельд-маршалу князю Меншикову; но, когда проситель является к князю, последний уже предупреждён и поступает так, как ему кажется выгоднее. Если бедняк снова идёт к царю, то его величество обещается поговорить с Меншиковым, делает даже вид, что гневается на князя за то, что нуждающийся остаётся без помощи, но всё это одно притворство»¹². Такова, по мнению датского посланника, была роль А.Д. Меншикова в колесе истории, которое уверенно крутил Пётр I.

Итак, царь для реализации своих идей по изменению государства, во избежание недовольства и гнева всех слоёв общества, от родовитых дворян до крестьянства (которые могли вылиться и в заговоры знати, и в повсеместные волнения простолюдинов и свести на нет всё то, что удалось уже сделать, и то, что ещё предстояло), так вот, во избежание этих последствий Пётр I успешно реализовывал известную в истории формулу: хороший, справедливый и добрый правитель и при нём плохой, злой и несправедливый главный советник (плохой боярин, первый министр или визирь, в общем, «правая рука»). Без сомнения, на эту роль царь определил человека, на которого мог целиком положиться и которому полностью доверял¹³. Мы не будем затрагивать вопрос о том, как же А.Д. Меншиков смог заслужить расположение всегда подозрительного и никому не доверяющего Петра I. На наш взгляд, это тема, требующая отдельного изучения. В настоящем исследовании предпримем попытку ответить: какова же была цена (если таковая была) царского доверия?

Г. Грунд говорит о прямой зависимости судьбы А.Д. Меншикова от успехов России в Великой северной войне и настроений внутри страны: «Вероятно, пока жив нынешний царь, Меншикову не придётся опасаться каких-либо превратностей, и **царь часто уверял его в этом многими клятвами...** Однако многие ещё по-прежнему полагают, что было бы величайшим несчастьем для князя, если бы шведы разбили русских и вторглись в пределы их государства, ибо тогда у царя не нашлось бы иного средства для примирения со своими подданными и подавления мятежей, как, приписав вину за многочисленные новые предприятия алчности и недомыслию другого, **пожертвовать им** (Меншиковым. — *Е.А.*) **по желанию подданных»**¹⁴.

В то время обстановка действительно была далеко не блестящей. Так, 1706 год начался осадой части русской армии в Гродно, длившейся с января по март, и поражением союзного русско-саксонского войска 3 февраля возле Фрауштадта. Кроме того, силы отнимало Астраханское восстание, длившееся с конца июля 1705 г. по середину марта 1706 г. и оттянувшее с театра военных действий 20-тысячный корпус под командованием генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева. Серьёзность положения внутри страны в то время описал английский чрезвычайный посланник при русском дворе Ч. Уитворт (Витворт): «Мятеж этот... мог повлечь за собою крайне опасные последствия, так как **недовольство русских всеобщее**». В следующем 1707 г. ситуация для русских была настолько серьёзной, что царь, опасаясь, что Карл XII предпримет попытку вторгнуться в пределы России и пойти на Москву, отправил в столицу бомбардирского поручика В.Д. Корчмина, поставив ему задачу укрепить Кремль и Китай-город. В то же время противнику чуть не досталась царская казна, отправленная из Москвы к войску. Её захватил и увёз в Быхов переметнувшийся на шведскую сторону литовский генерал-поручик Синицкий. Для вызволения казны и наказания изменника был отправлен генерал-поручик Р.Х. Боур (Бауэр)¹⁵, который после четырёхнедельной осады взял крепость, вернул казну и пленил Синицкого. В то же время шведы неоднократно пытались захватить Петербург с моря и с суши. Последняя попытка была предпринята в 1708 г.: каролинцы, как и в предыдущие годы, действовали одновременно и с суши (13-тысячным войском под командой генерал-майора Г. Любеккера), и с моря (флот под командованием адмирала К.Т. Анкершерны, состоящий из 22 кораблей). Но эта попытка, как и более ранние, окончилась для шведов неудачно. И, как известно, коренной перелом в Великой северной войне произошёл в 1709 г., когда русские одержали блестящую победу в Полтавской

битве, в результате которой в русский плен попали ударные силы шведской армии.

Современники-иностранцы отмечают, что А.Д. Меншикова не любили все: и простой народ, и родовитая аристократия, и иностранцы, приехавшие на русскую службу¹⁶. И во время Астраханского восстания среди бунтовщиков ходили следующие мысли: «Не сила Божия ему (царю. — *Е.А.*) помогает, ереси он силен, христианскую веру поругал и облаынил, обменный (подменённый в детстве. — *Е.А.*) он царь... **все те ереси от еретика Александра Меншикова**»¹⁷. Позднее в 1717 г. французский консул по морским делам А. де Лави (находившийся в России с 1714 г.) в одном из донесений своему правительству подчёркивал, что А.Д. Меншиков «обязан всем своим состоянием милости царя, который его любит, между тем как он служит предметом зависти и ненависти русского дворянства, не имея противопоставить ему ничего, кроме покровительства своего государя»¹⁸. Итак, по свидетельству иностранных дипломатов А.Д. Меншиков пребывал в достаточно шатком положении и в первые годы Великой северной войны, когда ещё было неизвестно, на чьей стороне окажется военравная дама Фортуна, и во второй половине 10-х годов XVIII в.

Осознавал ли своё положение Светлейший? Понимал ли он, что Пётр I в случае неудач на театре военных действий или массовых народных волнений отдаст его на растерзание разгневанной и жаждущей крови толпе? Дадим слово самому Меншикову, который 18 апреля 1706 г. делился мыслями с арестованным по распоряжению саксонского Тайного совета и заключённым в Кёнигштейнскую крепость лифляндским графом И.-Р. Паткулем: «Я сам имею много неприятелей. Чтоб погубить меня, чего б не в состоянии была сделать императрица¹⁹ Евдокия; и в самом заключении своём она не перестает меня преследовать. В чём не подозревают меня! Сколько раз был я жертвою неблагодарных, которых устроил щастие! Я на один только шаг стою от пропасти... Сын его (Петра I. — *Е.А.*) презирает меня, стрельцы гнушаются мною. Патриарх почитает меня единственным виновником своего падения; духовенство опасается и проклинает меня; бояре ненавидят, несмотря на то, что, по-видимому, за все благоденствия мои оказывают мне привязанность свою. Я бываю виноват. Есть ли мы проиграем сражение; есть ли у царя недостает ни войск, ни денег, то все говорят, что я внушил ему употребить солдат на другое, а деньги истратил на себя. Они даже осмеливаются обвинять меня и в построении Петербурга (! — *Е.А.*), как бы основание города в таком государстве, которое известно только

невежеством и варварством своим, было б преступление. Так, друг мой! Я окружён завистниками, врагами, и **для меня самого будет чудно, есть ли я избегну ссылки**»²⁰. Как видим, А.Д. Меншиков полностью отдаёт себе отчёт в том, насколько он постоянно ходит, образно говоря, по лезвию бритвы. А.Д. Меншиков понимает, что выражение благосклонности и раболепства окружения только маска, что он один среди недругов и злопыхателей. Он предполагает, что в любой момент может отправиться в заключение, а возможно, зная свирепость того времени, и на виселицу. Как известно, светлейшему князю удалось продержаться всё царствование Петра I, однако худшие опасения сбылись в правление внука его друга-самодержца — императора Петра II.

В подобной обстановке единственной надеждой для себя Меншиков считал расположение Петра I: «...к щастию, царь не верит никому, он сам всё хочет знать, видеть, слышать и обо всём судить...». И далее его суждение о Петре I касательно судьбы И.Р. Паткуля: «Царь не из тех обыкновенных государей, которых можно легко обмануть. Он вступится как за свои права, так и за вашу (И.Р. Паткуля. — Е.А.) невинность...»²¹. Заметим, что эта вера Меншикова в царя в отношении самого себя вполне оправдалась.

Итак, Светлейший знал, что у каждого против него камень за пазухой и каждый готов в любую минуту вонзить нож ему в спину. Почему же он согласился играть эту роль? Что он потребовал за это от царя? Безусловно, власти и богатства, что Пётр I ему и предоставлял в таком неограниченном масштабе, который только было возможно представить. Неслучайно английский посол Ч. Уитворт уже в 1710 г. называет А.Д. Меншикова «самой могущественной некоронованной особой в Европе»²². И.Г. Фоккеродт, живший в России с 1712 г. и состоявший 19 лет секретарём прусской миссии в Санкт-Петербурге, отмечает следующее: «...любимцы Петра I брали многие вещи на глазах у Сената, а особливо князь Меншиков, которому **государь много лет кряду дозволял такое самовластие, что он мог делать в краю всё, что захочет**, да при том ещё до того щекоплив был насчёт исполнения своих приказов, что, если только одна из его сестёр вступалась в какое-нибудь дело, весь Сенат не осмеливался отказать в её желании»²³.

Итак, той ролью, которую играл А.Д. Меншиков при Петре I, на наш взгляд, объясняется и его особое положение в государстве и при государе, и также его богатство. Однако в отношении «несметных» богатств светлейшего князя не всё так однозначно. К примеру, Ю. Юль относительно отнятых у А.И. Бутенанта фон Розенбуша же-

лезодельных заводов приходит к следующему выводу: «Очень может быть, что доходами с этих заводов, равно как и с имущества, отнятого князем Меншиковым у многих других лиц, пользуется сам царь... На вопрос, кто пользуется монополией на право торговли царскою рожью и многими другими товарами, вывозимыми морем из Архангельска, всегда слышишь тот же ответ: „Князь Меншиков“. На вопрос, кто пользуется в Москве доходами с того или другого производства, всегда слышишь, что все они принадлежат князю. Короче, всё принадлежит ему, так что он будто бы властен делать, что ему угодно...»²⁴. Продолжая свою мысль, датский посланник полагает: «...если бы князь Меншиков действительно обладал всем, что в России считается его собственностью, то доходы его достигали бы нескольких миллионов рублей. Но на самом деле невероятно, чтобы такой правитель, как царь, крайне нуждающийся в средствах для ведения войны и столь же скупой для самого себя, как какой-нибудь бедняк-простолюдин, решился одарить кого-либо подобным богатством»²⁵. Итак, по мнению иностранного дипломата, то, что наживал А.Д. Меншиков, поступало в собственность царя, а значит – государства.

Тем не менее, легенды о бесчисленных богатствах А.Д. Меншикова продолжали бытовать и в последующее время и существуют до сих пор. Так, князь П.В. Долгоруков (1816–1868), представитель знаменитого рода, чей прапрадед Сергей Петрович и прапрабабка И.П. Голицына застали царствование Петра I, ссылаясь на своих предков, сообщает, что состояние А.Д. Меншикова составляло: 90 000 крепостных, 4 000 000 руб., «изъятых из бочек, наполненных золотом», 9 000 000 руб. лежали, «размещённые в банках Лондона и Амстердама», «бриллианты и предметы, украшенные бриллиантами, на сумму более 1 000 000 руб.». О легендарности и сильном преувеличении этих сведений говорит тот факт, что после ареста и ссылки А.Д. Меншикова при конфискации его городов, сёл и деревень насчитали 30 133 «души» мужского пола, то есть в три раза меньше, чем утверждает П.В. Долгоруков²⁶.

Суждение Ю. Юля косвенно подтверждается и документами так называемого следственного дела А.Д. Меншикова, когда поиски несметных богатств светлейшего князя и его семьи ничего не дали. Попытки же «верховников» обвинить опального князя в «недоимке» государственных средств на сумму свыше 110 000 руб., 1000 ефимков и 100 червонцев золотом тоже потерпели фиаско. А.Д. Меншиков не смог предоставить объяснений только на сумму в 20 000 руб., а также признался, что не вернул в казну 100 червонцев золотом²⁷.

Для человека, якобы владевшего 4 000 000 руб. в золоте и ещё 9 000 000 руб. на счетах в банках, — это ничтожная сумма. В этом контексте становится понятным, почему до сих пор не найдены «несметные» сокровища А.Д. Меншикова: царь позволял своему фавориту пользоваться всем неограниченно, но в итоге бóльшая часть видимых богатств светлейшего князя на самом деле принадлежала царю, то есть государству.

Таким образом, автор настоящего исследования берёт на себя смелость, предлагая пересмотреть устоявшуюся в литературе и в общественном сознании вот уже на протяжении почти 300 лет аксиому, что А.Д. Меншиков — вор и растратчик государственной казны, скупщик заводов, поместий и проч. Мы предлагаем новое понимание роли Меншикова при царе-реформаторе (впрочем, скорее не новое, а учитывая сведения иностранных дипломатов, только хорошо забытое), состоящее в том, что А.Д. Меншиков брал на себя проводимые Петром I мероприятия, так или иначе выходящие за рамки закона, общепринятых представлений, уклада жизни русского общества того времени; а заводами, поместьями и даже домами А.Д. Меншикова²⁸ распоряжался по своему усмотрению сам Пётр I. Здесь можно вспомнить знаменитую фразу, приписываемую «Королю-Солнцу» Людовику XIV: «Государство — это я», которой, по всей видимости, руководствовался и его «коллега» — русский царь.

¹ См. об этом: *Павленко Н.И.* Меншиков: Полудержавный властелин. М., 1999; 2-е изд-е: М., 2005. С. 23–28; *Щербаченко В.И., Бредихин В.Н., Филиппов С.В.* Род Меншиковых в истории России: Историко-биографические очерки. Родословная роспись. Генеалогические таблицы. Меншиковский биографический словарь. СПб., 2000. С. 56–57; *Нарбут А.Н.* Род и потомки светлейшего князя А.Д. Меншикова // Родословные росписи. М., 2003. Вып. 13. Изд-е 2-е, доп. С. 6–10; *Беспятых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. СПб., 2005. С. 47–174; *Калязина Н.В., Калязин Е.А.* Александр Меншиков — строитель России. Ч. I: Александр Меншиков. СПб., 2005. С. 29–60; Ч. II: Строитель России. СПб., 2006. С. 436–437.

² А.Д. Меншиков был волонтером 2-го десятка, возглавляемого десятником Петром Михайловым (то есть царём). — *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство. СПб., 2003. Приложение 3: Состав Великого посольства. С. 266.

³ Пётр I и Голландия: Русско-голландские художественные и научные связи: К 300-летию Великого посольства / Каталог выставки. СПб., 1996. № 135. С. 118; *Долгова С.Р.* Молодой Александр Меншиков в составе Великого посольства // Петровское время в лицах: Краткое содержание докладов научных чтений. СПб., 1999. С. 17–18; *Горбатенко С.Б.* Новый Амстердам: Санкт-Петербург и архитектурные образы Нидерландов. СПб., 2003. С. 44, 52; *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство. Приложение 4: Маршрут Великого посольства. С. 269; Александр Данилович Меншиков. Первый губернатор и строитель Санкт-Петербурга / Каталог вы-

ставки. СПб., 2003. № 54, 55. С. 67; Приходо-расходные книги Великого посольства // Ф. Лефорт: Сборник материалов и документов. М., 2006. С. 378–381, 383–384, 387–390. Сейчас в Заандаме существует возведённый в послевоенное время «Русский квартал», одна из улиц которого названа именем А.Д. Меншикова (Menschikoffstraat).

⁴ *Грунд Г.* Доклад о России в 1705–1710 годах / Перевод с нем., статья и коммент. Ю.Н. Беспярых. М.; СПб., 1992. С. 128–129.

⁵ *И.Г. Корб* – секретарь посольства Священной Римской империи германской нации.

⁶ *Корб И.Г.* Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гварриента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю московскому Петру Первому, в 1698 году, веденный секретарём посольства Иоанном Георгом Корбом // Рождение империи: Неизвестный автор. Иоганн Корб. Иван Желябужский. Андрей Матвеев. М., 1997. С. 127.

⁷ *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Россию поднял на дыбы... М., 1987. Т. 1. С. 389.

⁸ *Павленко Н.И.* Меншиков: Полудержавный властелин. С. 22.

⁹ РГАДА. Ф. 198 (Походная и домовая канцелярия А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 109. Л. 175–176.

¹⁰ *Грунд Г.* Доклад о России в 1705–1710 годах. С. 128.

¹¹ *Наумов В.П.* Послесловие // Лавры Полтавы: Юст Юль, Оттон-Антон Плейер. М., 2001. С. 416; *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711) // Там же. С. 256–257.

¹² *Юль Ю.* Записки... С. 257.

¹³ Тема верности и преданности отражена, в частности, в гербе А.Д. Меншикова в виде сердца, увенчанного короной. – *Калязина Н.В., Калязин Е.А.* Александр Меншиков – строитель России. Ч. I. С. 54.

¹⁴ *Грунд Г.* Доклад о России в 1705–1710 годах. С. 135.

¹⁵ Судьба Боура (Бауэра) Родиона Христиановича (Рудольфа Феликса) (1667–1717) примечательна тем, что он, уроженец Шлезвиг-Гольштейна, будучи ротмистром шведской армии, в 1700 г. (при неудачной для войск царя осаде Нарвы) перешёл на русскую сторону и был принят на службу. В чине генерал-лейтенанта командовал правым флангом русской армии в битве при Полтаве, а также преследовал войска Карла XII до Переволочны. – *Шокарев С.* Указатель имён // Рождение империи... С. 434; *Наумов В.* Указатель имён // Лавры Полтавы... С. 433.

¹⁶ *Уитворт Ч.* Россия в начале XVIII века: Сочинение Ч. Уитворта «An Account of Russia as it was in the Year 1710». М.; Л., 1988.

¹⁷ ПБИБВ. Т. VI. Пг., 1918. Примеч. к № 1915. С. 306.

¹⁸ Письма де Лави к Его Высочеству // Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 34. С. 177.

¹⁹ Письмо издано в переводе с французского, и при переводе был упущен нюанс, что Евдокия была царицей, а не императрицей.

²⁰ Письма несчастного графа Ивана Рейнгольда Паткуля, полководца и посланника российского императора Петра Великого / Перевод с фр. М., 1806. Ч. I. № XXVIII: Меншиков к Паткулю. Вильна, 1706 года 18 апреля. С. 74–75.

²¹ Там же. С. 75–76.

²² Ч. Витворт статс-секретарю Гарлею. Москва 13/24 июня 1705 г. // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 39. С. 125.

²³ *Фоккеродт И.Г.* Россия при Петре Великом, по рукописному известию Иоганна Готтгильфа Фоккеродта / Перевод с нем. А.Н. Шемякина // Неистовый реформатор: Иоганн Готтгильф Фоккеродт. Фридрих Вильгельм Берхгольд. М., 2000. С. 35.

²⁴ *Наумов В. П.* Послесловие // Лавры Полтавы: Юст Юль, Оттон Антон Плейер. С. 416; *Юль Ю.* Записки... С. 256–257.

²⁵ *Юль Ю.* Записки... С. 256.

²⁶ Записки князя Петра Долгорукова. СПб., 2007. С. 55; Примеч. 1. С. 341; РГАДА. Ф. 6 (Уголовные дела по государственным преступлениям и событиям особой важности). Оп. 1. Д. 160. Ч. 1. Кн. 3: «Дело о ссылке князя Меншикова с описью его имущества и составленною на латинском и немецком языках генеалогиею» (Из дел Верховного Тайного совета). Ч. III. Л. 313; См. об этом также: *Овчинников Р. В.* Крушение «полудержавного властелина»: (Документы следственного дела князя А. Д. Меншикова) // ВИ. 1970. № 9. С. 92.

²⁷ *Овчинников Р. В.* Крушение «полудержавного властелина»... С. 92; см. об этом также: там же. № 5: «Запись показаний кн. А. Д. Меншикова на допросе следственной комиссии Верховного тайного совета в Раненбурге 8 января 1728 г.». С. 98–100.

²⁸ Первый деревянный дом А. Д. Меншикова в Санкт-Петербурге на Троицкой площади и деревянный дом на Васильевском острове называли «Посольскими хоромами», поскольку здесь царь принимал иностранных послов. Постоянные приёмы с богато накрытыми столами и фейерверками проходили и в каменном дворце Меншикова на Васильевском острове, за которые царь не платил своему фавориту ни копейки. (См. об этом: *Андреева Е. А.* 1. Петербургские дома А. Д. Меншикова // Меншиковские чтения – 2003: Материалы чтений к 330-летию А. Д. Меншикова, проходивших 6 ноября 2003 г. в школе искусств пос. Берёзово Ханты-Мансийского автономного округа (Югра). СПб., 2004. С. 30–58; 2. Василеостровская резиденция А. Д. Меншикова – первые петербургские «дворцы бракосочетания»: По свидетельствам скандинавских источников // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной научной конференции (14–16 апреля 2004 г.). СПб., 2005. С. 353–360.

УЧЕНИКИ А.К. НАРТОВА И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

С первых лет работы А.К.Нартова в Петербурге в петровской «лаборатории механических искусств» проявилась одна его замечательная черта — постоянная забота о подготовке технически грамотных кадров. Ещё в 1717 г. он взял в мастерскую в «помощь и для обучения механической науке» адмиралтейских мастеровых Ивана Леонтьева, Петра Шольшкина и из солдат Копорского полка Андрея Коровина¹. Как свидетельствуют архивные документы, названные выше ученики принимали участие в создании механических станков в мастерских Петербурга, Москвы, Риги и Выборга².

В июле 1718 г. 25-летний А.К. Нартов со своими учениками был отправлен за границу для усовершенствования в математике и прикладной механике и для ознакомления с новейшими достижениями западноевропейской техники. Из Петербурга механика сопровождал ученик из дворянских недорослей Александр Жураховский, состоявший при Нартове «по именному государеву указу»³.

Первым местом их назначения был Берлин. Русский мастер должен был доставить прусскому королю Фридриху Вильгельму I подарки Петра I, в числе которых были превосходный токарный станок, а также два великорослых солдата (для королевской гвардии). Они должны были в течение двадцати лет служить в королевском полку великанов. Кроме того, А.К. Нартов обязан был учить Фридриха Вильгельма I токарному искусству⁴.

Фридрих Вильгельм, любитель токарного дела, но довольно посредственный мастер, хотел сравниться с Петром I в этом виде ремесла. В течение полутора лет А.К. Нартов с учениками обучал прусского короля, проживая в Берлине и Потсдаме. В результате этого общения шло одновременное обучение и А.К. Нартова на европейских образцах. По всей видимости, и ученики, приехавшие с Андреем

Константиновичем за границу, оказывали ему содействие в обучении короля. Кроме того, обучение А.К. Нартовым прусского короля было ответственным делом. Требовалось расширять познания короля в токарном деле, знакомить с опытом и традициями России, то есть рассказывать о её внутренней жизни. А.К. Нартов же вследствие постоянного контакта с королём также получал от него различную информацию.

20 декабря 1718 г. А.К. Нартов и его ученики выехали из Берлина в Гаагу. Здесь к ним присоединился ещё один его ученик — Василий Безобразов. Он, так же как и Александр Жураховский, происходил из дворян, и перед самым отъездом А.К. Нартова за границу оба они были «даны ему из адмиралтейской школы для обучения», что свидетельствовало об оказываемом А.К. Нартову доверии царя⁵. 8 января 1719 г. А.К. Нартов прибыл в Англию, где изучал технический опыт англичан, приобретал инструменты и «механические» книги и занимался сбором сведений о машинах, чертежи которых отправлял в Россию⁶.

Ученики А.К. Нартова, Василий Безобразов и Александр Жураховский, которых он привёз из России, видимо, были даны ему для обучения и для содействия во всех делах. По всей видимости, в ходе осмотра, изучения технических новинок шло их и А.К. Нартова одновременное обучение. Они, как писал А.К. Нартов, «моим старанием механической науке и обучены»⁷.

Поездка в Англию принесла А.К. Нартову и его ученикам большую пользу: происходил взаимный обмен и накопление опыта как русскими токарными мастерами, так и английскими, хотя мастерство английских конструкторов в области токарного искусства не совсем удовлетворяло А.К. Нартова⁸.

Кроме этого, А.К. Нартов в Лондоне неоднократно осматривал колонну, сооружённую архитектором К. Реном в память о страшном пожаре 1666 г., уничтожившем половину Лондона. Дело в том, что ещё до отъезда из Санкт-Петербурга он знал о намерении Петра I соорудить Триумфальный столп в честь побед русского воинства. Более того, Пётр I поручил А.К. Нартову построить два токарно-копировальных станка для вытачивания на них Триумфального столпа из слоновой кости. Позднее, разрабатывая проект Триумфального столпа, А.К. Нартов умозрительно сопоставлял размеры и пропорции лондонской колонны со своими замыслами⁹.

В 1720 г. А.К. Нартова назначили управляющим всеми токарными мастерскими Летнего дворца. На протяжении пяти лет его деятельность была также связана с Адмиралтейством¹⁰. Основным его

занятием в это время продолжало оставаться сооружение различных станков и механизмов.

Несмотря на то, что конструирование станков отнимало у А.К. Нартова много времени и энергии, он не прекращал своей деятельности по подготовке учеников в этой области. Учениками А.К. Нартова в этот период были новички Иван Леонтьев, Андрей Коровин, Семён Матвеев и старые ученики Александр Жураховский, Пётр Шолышкин, с которыми он совместно работал на протяжении почти десяти лет. Одним из первых его учеников был Степан Яковлев, который особенно выделялся своими способностями. Совместно с А.К. Нартовым он построил два токарных станка (хранятся теперь в Государственном Эрмитаже) и большие заводные часы с курантами¹¹.

Период с 1725 по 1727 гг. оказался наиболее тяжёлым в жизни А.К. Нартова. Смерть Петра I отрицательно сказалась на его дальнейшей деятельности. До 1733 г. он работал в различных местах, продолжая числиться руководителем придворной мастерской, штат которой сократился до 10 человек¹². В ней механик фактически мог работать лишь урывками, и она влачила жалкое существование. По представлению А.К. Нартова в его отсутствие мастерской управляли его наиболее одарённые ученики: Иван Леонтьев и Андрей Коровин¹³.

В архиве сохранился документ, в котором мы находим информацию о том, что ученик механика А.К. Нартова Андрей Коровин принимал участие в доставке из Олонца в Петербург к царскому двору костяного паникадила, «сделанного собственноручно императором Петром I». То, что А.К. Нартов поручил ему такое важное задание, говорило о том, что это был ответственный ученик и учитель ему доверял. В 1727–1733 гг. И. Леонтьев и А. Коровин оставались единственными высококвалифицированными механиками придворной мастерской¹⁴.

Токарный ученик Иван Леонтьев и солдат Андрей Коровин принимали участие в работе над моделью Триумфального столпа. В списке работавших у А.К. Нартова мастеровых было шесть слесарей и два столяра, в том числе слесари Семён Игнатъев и Козьма Иванов, столяры Иван Трифонов и Никита Колпаков. «Мелкоокладными» слесарями были Фёдор Емельянов, Пётр Кобылин, Григорий Григорьев и Пётр Дмитриев. Иван Леонтьев получал 60 рублей, Андрей Коровин – 30 рублей. Слесарь Семён Игнатъев получал 17 рублей, а Козьма Иванов – 19 рублей. «Малоокладные» слесари получали по 6 рублей.

В работе над моделью Триумфального столпа принимали также участие «вольные художники», не зачисленные в штат мастерской,

такие как Семён Воинов, Пётр Семёнов, Никита Иванов и Илья Барыкин. Так, за чеканку и расчистку «большой штуки» «Взятие Риги» Семёну Воинову заплатили 20 рублей, Никите Иванову за две «больших баталии» — «Левенторпскую победу» и «Турецкую акцию» — было заплачено 40 рублей, Илья Барыкин «за малую штуку» «Взятие города Елбинга» получил 10 рублей и столько же «за вычеканку Выборха»¹⁵. Однако завершить модель Триумфального столпа А.К. Нартову и его помощникам не удалось. Вероятно, это было связано с тем, что его постоянно отвлекали, направляя по другим надобностям.

После смерти Петра I механик не только не упал духом, но даже со временем добился того, что его знания и способности получили более широкую, чем при Петре I, сферу применения. А.К. Нартов руководил теперь работой не только постоянных учеников, но и практикантов. К нему в обучение поступали лица, имевшие хорошую общетеоретическую подготовку. Так, в 1728 г. из Канцелярии от строений были направлены архитектурные ученики Михайло Семёнов и Пётр Ермолаев, которые были обучены им механической науке, и притом «так совершенно обучены, что от ученых людей ни от кого при академии таковых не обучено»¹⁶. Эти два ученика неотлучно были при А.К. Нартове до самой его смерти. Только они действительно всегда и везде сопровождали А.К. Нартова. Очевидно, между ними и учителем сложились дружеские отношения.

Биографии М. Семёнова и П. Ермолаева очень похожи. Оба родились в 1713 г. в Петербурге. Отцы обоих были приписаны к ведомству Канцелярии от строений. Пётр Ермолаев был «каменщиков сын», а чем занимался отец М. Семёнова — неизвестно. С детства они, как потом писали сами, были «по той же команде к разным архитекторам отданы»¹⁷. Эти же ученики были посланы в Московскую монетную канцелярию, а с 1749 г. работали над иллюстрациями к рукописной книге А.К. Нартова «Театрум махинарум», а также над созданием Триумфального столпа. В первые годы работы А.К. Нартова в Академии наук у него в подчинении находилось 20–25 человек. С именами братьев Ивана и Андрея Беляевых и их ученика Матиаса Андрисона связаны успехи в области оптического производства. Самым высокооплачиваемым мастером был токарь Иван Леонтьев. Его жалованье по тем временам было очень большим и составляло 100 рублей в год. Андрей Коровин, Михаил Семёнов и Пётр Ермолаев, ближайшие ученики А.К. Нартова, переведённые в Академию наук из придворной токарни в Итальянском дворце, получали сначала по 42 рубля, и только после долгих хлопот им повысили оклады до 60 рублей¹⁸. При Инструментальной палате были

подмастерья и ученики. С 1731 г. вместе с Иваном Калмыковым работал выдающийся мастер Пётр Голынин; несколько позднее к А.К. Нартову пришли Исаак Качалов, Филипп Тирютин, после смерти Голынина ставший во главе инструментального дела. Он воспитал таких мастеров, как Николай Чижов, Пётр Кесарев, Андрей Колотилин. Кроме них в Лаборатории работали слесарь Григорий Кондарацкий, Андрей Поляков, Александр Овсянников. При инструментальном деле также находились ещё Михаил и Афанасий Кошкаровы, Михаил Яковлев, Василий Иванов, Семён Суворов. В штате Инструментальной палаты был рисовальщик и гравёр Михаил Махаев¹⁹. Желавших работать у А.К. Нартова было немало. Мастерских привлекали и дело, и авторитет А.К. Нартова.

Через Канцелярию Академии наук постоянно шли заказы А.К. Нартову и его ученикам. Так, Степан Яковлев был послан в Петергоф «к делу мельниц», то есть налаживать машины с водяным приводом для шлифования камней. Модели машин изготовлялись в мастерских²⁰. Интересен тот факт, что даже с далёкого Урала управляющий там местными казёнными заводами В.Н. Татищев прислал А.К. Нартову двух учеников: Терентия Кочкина и Давыда Козицына²¹.

В.Н. Татищев в 1734 г., вторично заняв пост руководителя правления Сибирских и Казанских заводов, обратил серьёзное внимание на подготовку административно-технических работников. Им были приняты меры для расширения школьного образования²² на Урале и в 1735 г. посланы три группы учеников в Петербург.

Об успехах учеников Терентия Кочкина и Давыда Козицына сохранился отзыв, собственноручно подписанный А.К. Нартовым: «Сего 1737 году июля 6 дня истребовано от меня от Академии наук известие справкою об учениках в инструментальной Палате Терентье Кочкине, Давыде Козицыне; что они обучались ли или не обучались маркшейдерских и математических инструментов, о которых ныне по справке во Академию наук объявляю: что оные ученики маркшейдерских и математических инструментов обучились те инструменты поправлять исправно. Ассессор Андрей Нартов»²³.

После составления этой справки екатеринбургские ученики проучились в Академии наук ещё около двух лет. Кочкин и Козицын могли самостоятельно изготовлять чертёжные инструменты. С 1737 г. они начали делать солнечные часы, плоские маркшейдерские компасы и астролябии, то есть сложные «математические инструменты». Впоследствии им стали доверять и наиболее ответственные работы — изготовление инструментов и приборов для экспериментов профессоров Академии наук.

Весной 1739 г. Козицын был отправлен на Урал, а Кочкин продолжал совершенствоваться, выполняя наравне с основными приборостроителями Академии наиболее ответственные заказы. В январе 1742 г. его обучение сочли завершённым, и он был отправлен на Урал²⁴.

В.М. Козицын и Т.В. Кочкин вернулись в Екатеринбург, где была создана первая на Урале мастерская по изготовлению приборов²⁵. В ней выпускались полевые компасы, солнечные часы, магниты и чертёжные инструменты не только для использования на месте, но и для отсылки в Петербург.

А.К. Нартову и его ученикам поступало множество различных заказов. Так, в мае 1740 г. И.Д. Шумахер заставил А.К. Нартова заниматься специальным «заказом» для «государыни принцессы» Анны Леопольдовны. Для этой «особы» потребовались кофейник и молочник. Шумахер немедленно подписал «ордер Академии наук», предписывающий А.К. Нартову изготовить «в дом её высочества государыни принцессы к кофейнику, да и к молочнику две ручки из чёрного дерева»²⁶. Этот правительственный указ А.К. Нартов поручил ученику Ивану Леонтьеву и затребовал за работу и дерево: «за кофейник — 80 копеек, за молочную ручку — 40 копеек, итого 1 рубль 20 копеек». Подобные заказы повторялись. Так, в сентябре 1736 г. главный командир Академии И.А. фон Корф приказал выточить из слоновой кости «портрет» императрицы Анны Иоанновны. В этой работе принимал участие чеканщик Илья Григорьев, который занимался расчисткой «круглой медной Е. И. В. персоны»²⁷.

21 августа 1736 г. А.К. Нартов потребовал, чтобы для группы его мастеров и учеников наняли подходящие квартиры²⁸, что свидетельствует о том, что А.К. Нартов вникал во все стороны жизни мастеров и учеников. В списках приводятся фамилии часового дела мастеров — Батермеуса и Егана Тебена, ученика оптического дела — Матиаса Андерсона, инструментального дела учеников — Терентия Кочкина, Давыда Козицына, Петра Галынина, Андреяна Полякова, Ивана Озерова, Александра Овсянникова, токарного дела учеников — Якова Никитина, Василия Иванова, Ивана Леонтьева, Михаила Семёнова, Петра Ермолаева и Семёна Горлова.

4 июня 1736 г. А.К. Нартов ходатайствовал о прибавке жалованья Михаилу Семёнову и Петру Ермолаеву, отметив, что Академии хорошо известны выполненные ими перспективные чертежи академических глобусов и «протчих механических инструментов»²⁹. Он обучал их практике и теории, отмечая, что они успешно работают в его лаборатории механических наук.

В 1753 г. А.К. Нартов открыл в своём собственном доме в Санкт-Петербурге Механическую школу. Дом был им куплен на 10-й линии Васильевского острова, недалеко от Большого проспекта, после присвоения ему чина коллежского советника. На плане девяти частей Петербурга 1798 г. этот дом, обозначенный под номером 113, по описанию принадлежал действительному статскому советнику Андрею Андреевичу Нартову, сыну Андрея Константиновича, ставшему видным учёным и литератором³⁰. Первыми учениками А.К. Нартова в Механической школе были Инженерного корпуса кондукторы Филипп Баранов, Алексей Зелёнов и ученик Степан Пустошкин³¹.

Из доношения генерал-фельдцейхмейстера П.И. Шувалова в Сенат известно, что вышеперечисленные ученики обучались не только механической науке, но и «также перспективе и чертежам механическим» и приняли активное участие в создании А.К. Нартовым великолепно выполненных чертежей, украшающих сохранившийся экземпляр первой русской книги по машиностроению «Театрум махинарум», написанной великим механиком³².

Механическая школа, созданная А.К. Нартовым, была первой в России военно-механической школой. Создавая её, А.К. Нартов сам проводил испытания и обучал. Много хлопот было у него и по хозяйственным делам. Требовалось постоянно решать денежные вопросы, обеспечивать материальное снабжение школы, получение дров для отопления, свеч и т. д. А.К. Нартов относился очень требовательно к отбору учеников Механической школы, сам намечал их, некоторое время по присылке проверял и только после этого оставлял для обучения. Он имел право выбора наиболее талантливых и в значительной мере знакомых с основами артиллерийского дела учеников.

Один из документов свидетельствует, что в силу присланного в Канцелярию главной артиллерии и фортификации указа от 9 февраля 1751 г. из Правительствующего Сената было приказано по представлению А.К. Нартова выбрать для обучения «механической науке» двух учеников артиллерийской чертёжной школы, знающих науку и чертежи³³. По совету капитана артиллерийской школы Мартынова А.К. Нартову дали учеников этой же школы: Петра Барышникова и Василия Рогозина. Однако в результате проверки их знаний они оказались не способны к «механической науке»³⁴. Далее указано, что эти ученики высланы обратно «в артиллерию».

В документе от 14 июня 1752 г. сказано, что «для обучения механической науке требуется четыре ученика, знающие арифметику, геометрию, тригонометрию, чертежи»³⁵. По рекомендации А.К. Нар-

това в 1754 г. к нему поступили ученики: первого класса Алексей Бровцын, второго класса Кондратий Роднев и Степан Пустошкин³⁶. По всей видимости, Кондратий Роднев и Алексей Бровцын до поступления в обучение к А.К. Нартову были кондукторами. А.К. Нартов читал «механические лекции» и учил «практике и сочинению чертежей». Кроме того, он просил Канцелярию главной артиллерии и фортификации о том, чтобы для обучения учеников «механической науке» им выделяли бумагу, карандаши и чернила³⁷.

Ученики под руководством А.К. Нартова привлекались также для работы в секретном ведомстве. Так, по указу той же канцелярии от 4 сентября 1748 г. за успешно выполненную зачинку в пушках, мортирах и других орудиях раковин для учеников в дом А.К. Нартова доставлялись свечи и дрова на зимний период. Этот документ ещё раз подтверждает, что в доме советника Нартова находилась «механическая школа»³⁸.

Канцелярия главной артиллерии и фортификации поставляла А.К. Нартову и специалистов в той или иной области, которые оказывали помощь механику в деле подготовки учеников. Так, 25 июня 1753 г. по требованию А.К. Нартова из Санкт-Петербургского арсенала был отпущен столяр Яков Малышев со всеми надлежащими инструментами³⁹.

Однако специалистов ещё было недостаточно, о чём свидетельствует документ, где А.К. Нартов просит определить к нему для обучения «механической науке» трёх человек, знающих арифметику, геометрию, тригонометрию и чертёжное дело. К нему были направлены ученики: первого класса Филипп Баранов, второго класса Степан Пустошкин, третьего класса Алексей Зелёнов⁴⁰, которых А.К. Нартов впоследствии высоко ценил как учеников механической науки.

Пушечный мастер Степан Копьев, постоянно работавший с А.К. Нартовым, привлекался последним к обучению учеников делу «зачинки в пушках раковин»⁴¹. Работы проводились в условиях полной секретности. Беспокоясь за сохранение секрета «химической материи», А.К. Нартов потребовал от Военной коллегии ответа, на каком основании было дано указание писать в «шнурованную книгу по окончании каждого искусства»⁴². По всей видимости, он боялся, что «секреты» могут узнать не только посторонние лица, но и другие государства. По этим причинам секрет зачинки раковин до сих пор неизвестен. Проверка того, что предложенный Нартовым способ эффективен и раковины после заделки выдерживают многократную стрельбу, была проведена в 1742 г.⁴³ Этот эксперимент имел очень большое значение. Дело в том, что пушки, мортиры и гаубицы, в ство-

лах которых обнаруживались раковины, переливались заново. Государство от этой операции терпело большие убытки: переливка двухсотпудовой пушки обходилась в 400 рублей. Предложенный А.К. Нартовым способ заделки раковин давал невиданную экономию. «Зачинив» в 1748 г. 364 пушки, он сэкономил более 60 тысяч рублей⁴⁴!

Ни один из обученных А.К. Нартовым и Степаном Копьевым русских мастеровых не выдал доверенного им секрета, а знали его девять человек в Петербурге и шестеро в Москве. Это Степан Копьев, Прохор Семёнов, Степан Окулов, Пётр Фёдоров, Семён Жариков, Павел Шапошников, Никита Космачёв, Антон Калистратов, Пётр Подъёмщиков, Иван Дмитриев, Пётр Соловьёв, Иван Шестаков, Иван Иванов, Иван Колотилин и Осип Сосин.

Зачинка раковин в каналах стволов по методу А.К. Нартова производилась не только в пушечных дворах и арсеналах Петербурга, но и в других крепостях русского государства: в Москве, Выборге, Белгороде, Кронштадте, Риге.

Так, 21 сентября 1753 г. по представлению Канцелярии главной артиллерии и фортификации отправлены в Ригу с потребными инструментами для зачинки в пушках раковин на арсенальных пяти подводах секретный мастеровой Прохор Семёнов и ученики: Семён Жариков, Никита Космачёв, Иван Колотилин, Иван Шестаков и Осип Сосин⁴⁵. В указе от 29 сентября 1747 г. говорится о том, что Главная канцелярия и приморская артиллерия просят зачинить в 24-х фунтовой пушке раковины пушечного мастера Степана Копьева по методу А.К. Нартова. Пушка находится на корабле, именуемом «Императрица Анна»⁴⁶.

В деле зачинки раковин в пушках принимали участие также мастеровые люди: Никита Космачёв, Степан Окулов, Семён Харитонов, Антон Калистратов⁴⁷.

За выдающиеся заслуги в области зачинки в орудиях раковин мастеру Степану Копьеву к прежнему жалованию прибавили 180 рублей и наградили обер-офицерским рангом. Ученикам: Прохору Семёнову прибавили 80 рублей, Степану Окулову — 40 рублей, Семёну Жарикову — 20 рублей, Павлу Шапошникову — 48 рублей 32 копейки, Никите Космачёву — 24 рубля, Антону Калистратову — 24 рубля, Якиму Данилову — 24 рубля, Петру Соловьёву — 14 рублей и Ивану Шестакову — 36 рублей⁴⁸.

В Московском арсенале работали также нартовские ученики: пушечного дела подмастерье Пётр Фёдоров и слесарь Иван Дмитриев⁴⁹.

В Российском государственном архиве древних актов сохранился именной список мастеров и учеников, которые находились в подчи-

нении А.К. Нартова в 1745 г.⁵⁰ Это пушечный литейный мастер Степан Копьев, который до определения к А.К. Нартову получал жалованье 180 рублей в год. Следующие в списке: слесари – Прохор Семёнов и Степан Окулов, обученные в Академии и получавшие по 30 рублей, сверлильный ученик Пётр Фёдоров с окладом в 48 рублей, литейщик Иван Дмитриев, получавший за работу 72 рубля, и слесари: Пётр Подъёмщиков, имевший 24 рубля, и Семён Жариков – 18 рублей. В этом же фонде имеется документ о пожаловании рангами за прилежные труды «в секретных делах» следующих учеников А.К. Нартова⁵¹:

1. Прохора Семёнова и Степана Окулова назначить подмастерьями;
2. Петра Фёдорова пожаловать сержантом;
3. Семёна Жарикова, Павла Шапочникова, Никиту Космачёва, Антона Калистратова, Петра Подъёмщикова, Ивана Дмитриева – «каптенармейскими рангами»;
4. Петра Соловьёва, Ивана Шестакова, Ивана Иванова, Ивана Колотилина и Осипа Сосина – капралскими рангами.

По рекомендации А.К. Нартова «артиллерийскому искусству» обучались подмастерье Григорий Григорьев, слесари Григорий Журавлёв и Дорофей Дудоров. Они были направлены временно в артиллерию с Сестрорецких заводов⁵². По всей видимости, Канцелярия главной артиллерии и фортификации торопила А.К. Нартова с окончанием работ над секретными изобретениями⁵³.

Незадолго до смерти, 6 мая 1751 г., А.К. Нартов в обширном донесении Сенату посвятил последний раздел также своей работе с учениками⁵⁴. Он назвал большие группы техников, подготовленных для специальных работ, которые выполнялись под его руководством в Москве, Петербурге и Выборге. В этом деле ему помогал опытный пушечный мастер С. Копьев. В одной из этих групп были ученики Прохор Семёнов, Степан Окулов, Семён Жариков, пушечный ученик Павел Шапочников, котельный ученик Никита Космачёв, слесарь Антон Калистратов, кузнечный подмастерье Яким Данилов, кузнецы Пётр Соловьёв, Иван Шестаков.

Одновременно с петербургской под руководством А.К. Нартова работала также в «секретной должности» и московская группа техников: подмастерье Пётр Фёдоров, слесари Пётр Подъёмщиков, Иван Дмитриев, Иван Колотилин и Осип Сосин, пушечного дела ученик Иван Иванов.

Самым талантливым, восприимчивым и любимым учеником А.К. Нартова был А.А. Нартов (его сын), ставший впоследствии руководителем различных центральных органов русской промыш-

ленности, выдающимся деятелем русской науки и культуры второй половины XVIII в. Он занимал высокие посты: президента Берг-коллегии, директора Горного училища (впоследствии Горного института), президента Российской академии, президента Вольного экономического общества, почётного члена Академии художеств, Шведской академии и т. д. Поэт, писатель и переводчик, историк и инженер, видный деятель масонства, Андрей Андреевич был, по отзывам современников, человеком большого ума и знаний, весёлым, приятным и беспечным⁵⁵.

Сын А.К. Нартова Андрей был направлен к нему Сенатом в 1755 г. из Сухопутного шляхетного кадетского корпуса для обучения «секретному искусству»⁵⁶. До определения в Канцелярию главной артиллерии и фортификации он обучался в Кадетском корпусе и имел чин подпрапорщика. После смерти отца А.А. Нартов обратился с просьбой к генералу-фельдцейхмейстеру графу П.И. Шувалову освободить его от второстепенных дел и поручить ему те секретные дела, которые раньше находились под контролем покойного отца⁵⁷.

А.А. Нартов изучал оставшиеся отцовские записки для успешного проведения работ в области артиллерийского производства, привлекая к этому делу наиболее опытных мастеров и учеников.

В одном из документов отмечено, что Канцелярия главной артиллерии и фортификации посылает капитана артиллерии А.А. Нартова и находящихся при нём в секретной команде подмастерья Петра Подъёмщикова, ученика Терентия Кукина и пушечного дела ученика Тихона Степанова в Москву в Артиллерийскую фортификационную контору, которая их направит «для вылития некоторых секретных проб» на заводах графа П.И. Шувалова⁵⁸.

По всей видимости, А.К. Нартов хотел воспитать своих сыновей механиками и передать им свою специальность. В январе 1738 г. он подал челобитную на имя императрицы с просьбой определить старшего сына 14-летнего Степана в свою «лабораторию механических дел в ученики к механической науке»⁵⁹. Однако С.А. Нартов стал офицером, уехал в Ригу.

Таким образом, только младший сын Андрей Андреевич пошёл по стопам отца и продолжал работу по внедрению артиллерийских изобретений как офицер-артиллерист. В Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге сохранился чертёж подъёмной машины конструкции сына А.К. Нартова Андрея⁶⁰. Очевидно, А.А. Нартов разработал данный механизм для облегчения подъёма из литейной ямы стволов орудий.

По всей видимости, он был знаком с книгой Э. Брауна «Новейшее основание и практика артиллерии», в которой текст сопровождается чертежом подъёмника, показывающим, что при помощи его «един человек полуканона или пушку из станка поднять и паки на станок наложить возможен, якоже в начертании видети возможно»⁶¹. Вероятно, ему также была известна книга И.В. Крафта «Краткое руководство к познанию простых и сложных машин, сочинённое для употребления российского юношества», в которой говорится о принципах действия подъёмных механизмов. Как видно, Андрей Андреевич являлся достойным продолжателем дела своего отца.

В апреле 1756 г. не стало основателя первой русской Механической школы, а в июне генерал-фельдцейхмейстер П.И. Шувалов распорядился отправить её учеников в другие места. Ученики А.К. Нартова после его смерти работали в арсеналах Москвы, Санкт-Петербурга, Выборга, Риги и других городов.

Итак, установлено, что у А.К. Нартова было 29 учеников, которые сопровождали его во время поездки за границу, помогали выполнять чертежи для книги «Театрум махинарум», изготовляли инструменты, обучались артиллерийскому и токарному делу. Это Иван Леонтьев, Пётр Шольшкин, Андрей Коровин, Василий Безобразов, Александр Жураховский, Семён Матвеев, Степан Яковлев, Михаил Семёнов, Пётр Ермолаев, Исаак Качалов, Филипп Тирютин, Терентий Кочкин, Давид Козицын, Матиас Адрисон, Андреян Поляков, Иван Озеров, Александр Овсянников, Яков Никитин, Семён Горлов, Филипп Баранов, Алексей Зелёнов, Степан Пустошкин, Алексей Бровцын, Кондратий Роднев, Пётр Фёдоров, Павел Шапочников, Никита Космачёв, Иван Иванов, А.А. Нартов.

Кроме этого, у А.К. Нартова числились и мастера, которые оказывали ему помощь в подготовке учеников. Их было семнадцать: Иван и Андрей Беляевы, которые работали в области оптического производства в Академии наук; Пётр Голынин, Николай Чижов, Пётр Кесарев, Андрей Колотилин, работавшие в Инструментальной палате; часового дела мастера Баттермеус и Еган Тебен, пушечный мастер Степан Копьев, литейщик Иван Дмитриев, кузнецы Пётр Соловьёв и Иван Шестаков, также Семён Харитонов, Яким Данилов, Григорий Григорьев, Пётр Фёдоров и чеканщик Илья Григорьев.

Было 23 слесаря: Семён Игнатьев, Козьма Иванов, Фёдор Емельянов, Пётр Кобылин, работавшие над созданием Триумфального столпа; Григорий Григорьев, Пётр Дмитриев, Григорий Кондарацкий, Андрей Поляков, Александр Овсянников, Михаил и Афанасий Кошкарковы, Михаил Яковлев, Василий Иванов, Семён Суворов,

Прохор Семёнов, Степан Окулов, Семён Жариков, Антон Калистратов, Пётр Подъёмщиков, Иван Колотилин, Осип Сосин, Григорий Журавлёв, Дорофей Дудоров.

В штате у А.К. Нартова числились столяры Иван Трифонов, Никита Колпаков, Яков Малышев. Художники оказывали помощь в работе над моделью Триумфального столпа. Это Семён Воинов, Никита Иванов, Илья Барыкин, рисовальщик и гравёр Михаил Махаев.

Таким образом, многогранность деятельности самого А.К. Нартова, его постоянная тяга к знаниям, смелость в решении инженерных задач оказывали большое благоприятное влияние на коллектив воспитанников, которым он руководил.

¹ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2 сб. (Канцелярия главной артиллерии и фортификации). Оп. 1. Д. 3142. Л. 3.

² Там же. Ф. 2. Оп. 13 сб. Д. 3138. Л. 20.

³ *Загорский Ф.Н.* Андрей Константинович Нартов (1693–1756). Л., 1969. С. 16.

⁴ *Виргинский В.С.* Творцы новой техники в крепостной России. М., 1962. С. 29.

⁵ *Гизе М.Э.* Нартов в Петербурге. Л., 1988. С. 25.

⁶ *Виргинский В.С.* Творцы новой техники в крепостной России. С. 29.

⁷ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 56. Л. 535–536.

⁸ *Виргинский В.С.* Творцы новой техники в крепостной России. С. 29.

⁹ *Гизе М.Э.* Нартов в Петербурге. С. 27.

¹⁰ *Виргинский В.С.* Творцы новой техники в крепостной России. С. 14.

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Горный журнал. 1828. Кн. IV. С. 113.

¹³ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 86. Л. 7.

¹⁴ Там же. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 14. Кн. 781. Д. 67. Л. 980–997.

¹⁵ *Гизе М.Э.* Нартов в Петербурге. С. 91–92.

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 464. Д. 69. Л. 1250.

¹⁷ *Гизе М.Э.* Нартов в Петербурге. С. 96.

¹⁸ МИИАН. СПб., 1886. Т. V. С. 5, 98–600; Т. VII. С. 324.

¹⁹ *Гизе М.Э.* Нартов в Петербурге. С. 106.

²⁰ Там же. С. 109.

²¹ *Загорский Ф.Н.* Первые екатеринбургские ученики в Академии наук // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1966. Вып. 20. С. 84.

²² *Нечаев Н.В.* Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. М., 1944. С. 15–16.

²³ *Загорский Ф.Н.* Первые екатеринбургские ученики в Академии наук. С. 84–85.

²⁴ Там же. С. 84.

²⁵ *Козлов А.Г.* Из истории приборостроения на Урале в XVIII веке. Свердловск, 1975. Вып. 1. С. 125–129.

²⁶ МИИАН. СПб., 1886. Т. IV. С. 398.

²⁷ Там же. Т. III. С. 630.

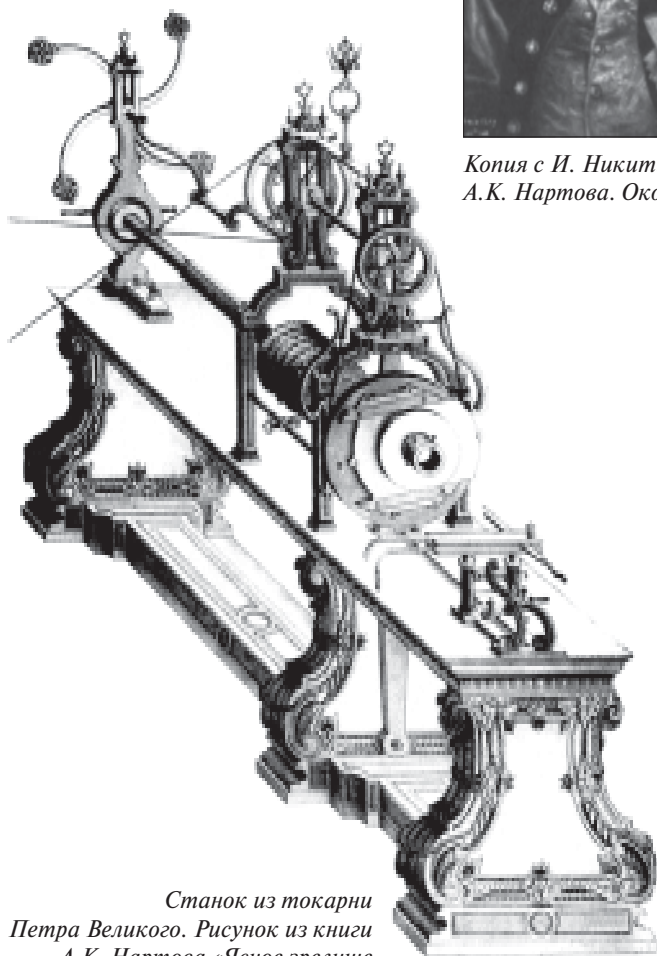
²⁸ Там же. С. 159–160.

²⁹ МИИАН. Т. III. С. 85–86.

- ³⁰ *Гизе М.Э.* Нартов в Петербурге. С. 165.
- ³¹ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. сб. Д. 3082. Л. 9.
- ³² РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 2949. Л. 150–151.
- ³³ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. сб. Д. 3082. Л. 3.
- ³⁴ Там же. Л. 4.
- ³⁵ Там же. Л. 5.
- ³⁶ Там же. Л. 7–7 об.
- ³⁷ Там же. Л. 5 об.
- ³⁸ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. сб. Д. 3082. Л. 10.
- ³⁹ Там же. Оп. 13 сб. Д. 3138. Л. 1, 2.
- ⁴⁰ Там же. Оп. сб. Д. 3082. Л. 9.
- ⁴¹ Там же. Д. 3151. Л. 14.
- ⁴² Там же. Оп. ГП (Генеральное повытье). Д. 33. Л. 180 об.
- ⁴³ Там же. Л. 179.
- ⁴⁴ *Гизе М.Э.* Нартов в Петербурге. С. 140.
- ⁴⁵ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 13 сб. Д. 3078. Л. 22.
- ⁴⁶ Там же. Л. 8.
- ⁴⁷ Там же. Л. 12.
- ⁴⁸ Там же. Оп. сб. Д. 3151. Л. 14 об.
- ⁴⁹ Там же. Д. 3110. Л. 1.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 464. Д. 42. Л. 742.
- ⁵¹ Там же. Д. 69. Л. 1249 об.
- ⁵² Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 401. Л. 176.
- ⁵³ Там же. Ф. Генеральное повытье. Д. 74. Л. 119.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 464. Д. 69. Л. 1249 об.—1250 об.
- ⁵⁵ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. ШГФ. Д. 1810. Л. 110; *Загорский Ф.Н.* Андрей Константинович Нартов (1693–1756). С. 57.
- ⁵⁶ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 13 сб. Д. 68. Л. 1, 2.
- ⁵⁷ Там же. Оп. ШГФ. Д. 976. Л. 23.
- ⁵⁸ Там же. Оп. 13 сб. Д. 3142. Л. 3.
- ⁵⁹ МИИАН. Т. III. С. 611.
- ⁶⁰ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 27. Оп. 15. Д. 214.
- ⁶¹ *Данилевский В.В.* Русская техника. Л., 1949. С. 138.

*Копия с И. Никитина (?). Портрет
А.К. Нартова. Около 1721–1724. ГЭ*

*Станок из токарни
Петра Великого. Рисунок из книги
А.К. Нартова «Ясное зрелище
машин». 1754–1755. ОР РНБ*

СТАНДАРТИЗАЦИЯ И КАЧЕСТВО ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ, ПОСТАВЛЯЕМЫХ ФЛОТУ И В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

Великий реформатор, начиная преобразования во всех сферах российского общества, полагал, что посредством принятия законов можно регламентировать и быт русского человека, навязывать ему правила поведения, годные на все случаи жизни. Немаловажное значение в этом Пётр I отводил стандартизации и качеству продовольствия, поступавшего на довольствие войск и флота, реализовывавшегося через общественное питание и торговую сеть.

При освоении присоединённого Приазовского края и вновь возвращённой силой оружия в лоно матери-России Ижорской земли наибольшие трудности для Петра I и его сподвижников возникли со снабжением продовольствием крупных гарнизонов приморских крепостей и жителей новопостроенных городов.

Вышеназванные территории, на которых пришлось возводить Таганрог, Санкт-Петербург, Кроншлот (с 1723 г. Кронштадт) и заново отстраивать турецкую крепость Азов, практически не имели ни необходимых собственных источников продовольствия, ни достаточного по пропускной способности внесезонного и всепогодного транспортного сообщения. Они находились на значительных расстояниях от основных регионов производства сельскохозяйственной продукции и сырья для пищевой промышленности¹.

Без положительного разрешения проблемы провиантского обеспечения вооружённых сил, дислоцированных на присоединённых к России территориях, значительных по численности континентов сезонных мастеровых и работных людей², переселенцев³ было бы невозможно сохранить за страной земли, завоёванные с огромными трудностями. Тем самым нельзя было решить важнейшие эко-

номические и внешнеполитические задачи, от реализации которых зависело поступательное развитие Русского государства, скорейшее преодоление технологической и военной отсталости от передовых западноевропейских держав.

23 января 1697 г. был издан указ Петра I «О посылке в Азов 100 000 четвертей⁴ хлебных запасов на 500 стругах»⁵. Постоянный рост численности гарнизонов и жителей приморских крепостей Подонья и Приазовья из года в год требовал увеличения объёма поставок хлебопродуктов⁶. Годовая дача хлеба для всех контингентов, питающихся в 1703 г., составляла 110 000 четвертей⁷, в 1707 г. — 129 236 четвертей⁸, из них в Азов была отправлена 94 941 четверть⁹. К 1711 г. годовой грузооборот хлебопродуктов на Житном дворе Азова составлял 250 000 четвертей¹⁰, в Таганроге — 100 000 четвертей¹¹.

Ещё большее количество хлебопродуктов поступало в район Петербурга для довольствия значительной по численности группировки сухопутных войск, дислоцированной в новой столице России, Финляндского корпуса и кораблей Балтийского флота (табл. 1).

Таблица 1

**Количество хлебопродуктов, поставленных
в Санкт-Петербургский провиантский магазин в 1714–1721 годах¹²**

Время поставки	Количество четвертей		Норма сбора с одного податного двора	Сумма сбора (рублей)
	Муки	Крупы		
1714	270 000	19 000	14 алтын 3 деньги с полполденьгой	245 750
1715	289 575	18 098	20 алтын 3 деньги	470 556
1716	289 575	18 098	19 алтын	438 616
1717	300 000	20 000	27 алтын	635 651
1718	350 000	25 000	1 рубль	769 504
1719	300 000	25 000	1 рубль	769 504
1720	300 000	25 000	1 рубль	769 504
1721	300 000 ¹³	25 000	1 рубль	769 504

Флотская доля с 1712 г. составляла 50 000 четвертей ржаной муки и 4000 четвертей крупы¹⁴, в 1715 г. соответственно — 67 404 и 4367 чет-

вертей $1\frac{1}{2}$ четверика крупы¹⁵, в 1725–1726 гг. — 84 000 и 4600 четвертей¹⁶.

Потребность Финляндского корпуса в провианте в 1713–1716 гг. — 60 000 четвертей муки, 5000 четвертей круп; в 1720 г. — 100 000 четвертей муки, круп, сухарей¹⁷; в 1721 г. (всего на 32 506 чел.¹⁸) — 120 000 четвертей муки и 7500 четвертей круп¹⁹.

Открытие в 1709 г. Вышневолоцкой системы каналов увеличило транспортные возможности заготовительных органов и удешевило поставку хлеба в район Петербурга.

По данным М.Я. Волкова, в 1721 г. в район Петербурга Вышневолоцким водным путём было привезено 109 840 кулей (четвертей) ржаной муки и 5800 четвертей круп подрядного провианта, 60 700 четвертей ржаной муки купеческого провианта. На долю круп приходилось в среднем 4–5% объёма всего привоза. Больше всего в район Петербурга подрядчики везли гречневую и овсяную крупы²⁰.

В связи с тем, что масса муки и крупы, затаренная в рогожные кули, при приёме от податного населения и подрядчиков была неодинакова и колебалась, причём весьма значительно, что вынуждало содержателей магазинов взвешивать каждую единицу груза, 9 марта 1713 г. на всей территории страны указом Правительствующего сената вводился унифицированный хлебный куль.

Вес куля с мукой (брутто) устанавливался в 7 пудов 20 фунтов²¹. Однако вскоре выяснилось, что технология помола зерна, район его производства существенно влияли на массу муки, затаренную в унифицированный куль. По приговору Правительствующего сената 12 августа 1713 г. лантрихтером Московской губернии Мануковым были проведены контрольные помолы (обрушивание) зерна и взвешивание кулей с мукой и крупой (табл. 2).

Таблица 2

Результаты контрольных взвешиваний кулей с ржаной мукой, выработанной на ручных и мельничных жерновах, и крупой, полученной на крупитчатых мельницах²²

Наименование товарных сортов муки и крупы	Вес продукта с тарой	Вес продукта без тары
Мука ручного помола	8 пудов 21,5 фунта	8 пудов 12,5 фунта
Мука мельничного помола разовая «большой руки»	8 пудов 21 фунт	8 пудов 12 фунтов

Мука мельничного помола разовая «средней руки»	7 пудов 20 фунтов	7 пудов 11 фунтов
Мука мельничного помола разовая «малой руки»	6 пудов 20 фунтов	6 пудов 11 фунтов
Крупа «большой руки»	8 пудов 22,5 фунта	8 пудов 13,5 фунта
Крупа «малой руки»	7 пудов 29 фунтов	7 пудов 20 фунтов

23 августа 1713 г. Правительствующий сенат, основываясь на результатах опытов, приговорил принимать вес муки (нетто) в четверти в 7 пудов 10 фунтов, крупы — в 8 пудов. Вес рогожного куля определили в 10 фунтов²³. Кроме того, впервые на законодательном уровне предусматривались стандарты («кондиции») на ржаную муку и крупы, заготавливаемые для армии²⁴ и флота. В эти стандарты были включены и органолептические показатели (вкус, запах, отсутствие хруста), и вес единицы упаковки груза.

После установления единого веса муки и крупы в рогожных кулях, описания требований к их качеству приступили к созданию унифицированной бочки для хранения других продуктов, входивших в порцию морской провизии²⁵.

12 августа 1714 г. Пётр I предписал сенаторам впредь, начиная с компании 1715 г., все продукты на корабли Балтийского флота поставлять в бочках длиной не более 5 футов. Вино перед закладкой на хранение следовало принимать в меру, а мясо на вес²⁶.

17 января 1716 г. в соответствии с указом Петра I в бочарной мастерской Адмиралтейства изготовили 24 образцовые бочки «разных мер», которые направили в губернии²⁷. Однако эта проблема при Петре I окончательно разрешена не была. Более того, 21 декабря 1719 г. Правительствующий сенат приговорил принимать морскую провизию не только в указные бочки, но и в любые, какие имелись в наличии у подрядчиков²⁸.

В первой четверти XVIII в. в адмиралтейских магазинах и на кораблях использовались бочки различной ёмкости и предназначения: 8-, 10-, 12-, 15-, 18-, 20-, 25-, 32-, 35-, 38-, 40- и 50-вёдерные²⁹. Только 22 августа 1728 г. последовало определение Адмиралтейств-коллегии о поставке солонины в бочках со следующим весом продукта: на линейные корабли по 15 пудов, на фрегаты и шнявы по 10 пудов, на галеры по 8 пудов, масло коровье на все военные корабли и суда весом 8–10 пудов, а пиво, уксус — 18–20 вёдер³⁰.

К органолептическим показателям качества пищевых продуктов магазин-вахтёры (начальники хранилищ) относили внешний вид, цвет, запах, консистенцию и вкус.

Органолептическая оценка качества начиналась с наружного осмотра продукта и состояния транспортной тары. В случае исправности тары, фактического наличия сопроводительных документов и доброкачественности продукта груз принимался и закладывался на хранение, а сдатчику магазин-вахтёр выдавал расписку, наподобие: «Оные сухари добрыя и на дачу во флот годныя. Принял школьник Антон Шемаев и расписался»³¹.

Продовольственные грузы из губерний в адмиралтейские магазины, кроме водного транспорта, подрядчики также поставляли обозами и, как правило, на наёмных подводах под охраной караула, в сопровождении подьячих и целовальников³².

В некоторых случаях при срочной необходимости и массовости поставки какого-либо продукта или тары (пивных бочек и др.) к перевозке привлекался гужевой транспорт Ямского приказа³³.

При массовых перевозках и крайней нужде в транспорте с каждых двух тягловых крестьянских (посадских) дворов брали одну подводу. Количество подвод в обозе могло достигать до 100 и более единиц³⁴, поэтому приём грузов мог затягиваться на несколько суток, что требовало от содержателя не только хороших знаний положений Инструкции, но и хорошей физической выносливости и силы.

Выявлено, что на одной подводе (санях) обычно перевозилось до 30 пудов продовольствия, затаренного либо в рогожные кули, либо в деревянные бочки, в зависимости от вида и физических свойств продукта. На подводу, как правило, загружали 5–6 четвертных кулей сухарей (одна четверть весила 4 пуда), 3–4 четвертных куля крупы, гороха (одна четверть — 8 пудов), две 20-ведёрные бочки, одну 40-ведёрную бочку³⁵.

Проверка фактического наличия поступившего груза производилась путём взвешивания и пересчёта штучных продуктов³⁶. Вместе с тем житейский опыт магазин-вахтёров, накопленные ими эмпирические знания довольно часто оказывались явно недостаточными для проведения квалифицированного бракеража поступивших продовольственных грузов.

Анализ приходно-расходных операций на российском потребительском рынке показал, что в течение 1713–1717 гг. в стране увеличилась численность подрядчиков и других торговых людей, поставлявших провиант для вооружённых сил. Ежегодно наблюдались случаи поставок продуктов с нарушением санитарных и ветеринар-

ных правил, в результате чего на хранение закладывался некондиционный товар.

Иногда на Балтийском флоте это принимало массовый характер. Так, провиантское обеспечение нижних чинов в 1718 г. Адмиралтейств-коллегия признала неудовлетворительным: «За прошедшую кампанию во флоте о морском провианте была конфузия немалая, и являлся он на корабли худой...»³⁷. И хотя после этого случая предписывалось во всех флотских магазинах иметь «образцы за печатью»³⁸, приём некачественных продуктов продолжал иметь место и в последующие годы³⁹.

Стремление избежать поставок на флот недоброкачественной продукции выразилось в определении Адмиралтейств-коллегии от 29 мая 1722 г.: «Морскую провизию принимать только в бочках, заклеянных клеймом Камер-коллегии на обоих днах, а незаклеянных не принимать...»⁴⁰.

Незнание магазин-вахтёрами того, что изменение качества продуктов является следствием различных физических и химических процессов, протекающих в них при транспортировке и хранении, приводило на практике к порче продовольственных грузов и ухудшению питания рядового состава флота.

Поэтому 18 августа 1721 г. Пётр I при посещении Адмиралтейств-коллегии указал Ф.М. Апраксину: «Вызвать из-за моря 2-х человек таких, которые б могли в приемах смотреть, и знать силу, и беречь в магазинах масло, соленья мяса и прочие морские провианты, и о том в Амстердам к резиденту Христофору Бранту писать»⁴¹.

В Адмиралтейском Регламенте (1722) имеется особая статья, предписывавшая приём продовольственных грузов осуществлять только с использованием соответствующих специалистов: «Когда придёт время провиант принимать на служителей флота и Адмиралтейства у генерал-провиантмейстера, тогда велеть Адмиралтейскому обер-провиантмейстеру принести в Коллегию каждой материи пробу и оные при контролёре и при промышленниках тех дел, а именно, как солод и хмель при пивоварах, мясо при мясосолах, так и прочие вещи при таких людях, которые в чём силу знают, засвидетельствовать, и которые явятся доброго качества, те надлежит запечатать Адмиралтейскою печатью и подписать руками всея Коллегии, и такие велеть принимать, а которые не апробуются в Коллегии, таких не велеть принимать, но отсылать с обер-провиантмейстером к генерал-провиантмейстеру, дабы оные переменял, а худого ничего отнюдь не велеть принимать»⁴².

На Балтийском флоте были случаи, когда поступившие от подрядчиков продукты полностью забраковывались офицерами Контролёр-

ской конторы Адмиралтейств-коллегии. Так, 8 июля 1722 г. лейтенанты Меншиков и Мешалин освидетельствовали в Котлинском адмиралтейском магазине и на 50-пушечном корабле «Выборг» 3000 пудов солёного говяжьего мяса, поставленного московским вице-губернатором И.Л. Войсковым, 400 пудов коровьего масла, закупленного Подрядной конторой в городе Дмитрове⁴³, 2250 вёдер хлебного вина (водки петровского времени), поступившего от подрядчиков Броницкого, Демидова и Миляева. Продовольствие было признано негодным к употреблению в пищу⁴⁴.

Предупреждая поставку недоброкачественного и неполноценного продовольствия на корабли, в береговые части и торговую сеть, Пётр I актами от 20 января 1724 г. («Инструкция генерал-провиант-мейстеру». Параграфы 21 и 22. Об отпуске во флоте провианта) и 23 января 1724 г. («О заключении подрядов на съестные припасы для Адмиралтейства в Камер-коллегии») ввёл в действие нормы пищевых продуктов по качеству и сохранности⁴⁵. Тем самым были узаконены положения, направленные на сохранение доброкачественности продуктов питания и готовых блюд, на соблюдение основных кулинарных требований и приёмов, позволяющих обеспечить высокие вкусовые качества готовой пищи и уровень её потребления⁴⁶.

Важнейшим элементом стандартизации питания моряков явилось учреждение особых «порционов», учитывающих тяжесть военного труда матросов и унтер-офицеров, их военную и социальную значимость для государства.

Вплоть до принятия Устава морского в апреле 1720 г. продовольственный паёк в русском флоте изменялся практически ежегодно. С 1720 г. месячная (28 дней) матросская порция составляла 45 фунтов сухарей, 10 гороха, 15 крупы (в том числе 5 гречневой и 10 овсяной), 5 свинины и говядины, 4 сушёной рыбы, 6 коровьего масла, 1,5 соли, также 7 вёдер пива, 16 чарок вина, 0,5 кружки уксуса⁴⁷.

Рацион матроса, включавший мясо, рыбу, масло, вино, пиво, сухари, крупы, был призван обеспечить не только биологические потребности человека, но и решить социальные аспекты питания этой важной и очень необходимой для России категории военнослужащих, требующих более длительной по времени и денежной, и материальной затратной подготовки, чем солдата сухопутных войск⁴⁸.

Пётр I постоянно требовал от архитекторов и губернаторов (комендантов) строить в основных пунктах базирования кораблей амбары таким образом, чтобы зерно можно было засыпать сверху на второй этаж со стоящих под разгрузкой судов⁴⁹ и выпускать его

потребителям через люки, проделанные в полу второго этажа, «через что хлеб всегда может переменяться новым, и старый прежде выходить, а новый оставаться будет в магазейне»⁵⁰.

Требования Государя архитекторы и местные власти неуклонно соблюдали. Наблюдательный сотрудник польского посольства, посетивший Петербург в 1720 г., по данному поводу отметил в своём дневнике: «На своих местах на берегу стоят амбары, и когда провиант или хлеб привозят на судах, его с них без промедления туда переносят»⁵¹.

Магазин-вахтёры на хранение закладывали только сухую рожь без каких-либо посторонних примесей и постороннего запаха, «не лежалую и не затхлую». Согласно Инструкции 1723 г., запасы в Санкт-Петербурге требовалось освежать через каждые три года, чтобы не было хлеба «никакого лежалого и к порче приближающегося». В последующие годы в Наставлении по строительству складов и хранению продовольствия содержанием предписывалось «овинную рожь» освежать через два года (ежегодно по половине), овёс и ячмень («понеже оные во флоте удобнее») — через год⁵² — через год⁵³.

На длительное хранение провиантмейстерам предписывалось закладывать ржаную муку и крупы только свежей выработки, сухие и «в пищу человеку годные», что на практике превращалось в трудноразрешимую задачу.

Основная часть хлебопродуктов в приморские крепости Подонья и Приазовья и в район Петербурга поступала в мае—июле месяце водным путём, поэтому подмочки, заточки кулей случались практически всегда. Многие пристани на Волге, Дону, других реках не имели достаточного количества амбаров для временного складирования муки. Поэтому мука, затаренная в рогожные кули, хранилась в бунтах. Под каждый бунт подкладывалась подстилка из тонких брёвен (жердей), а сверху его укрывали рогожами, соломой. Весенние дожди, заливающие плохое защитное покрытие, и наступавшая вскоре жара превращали муку в камень⁵⁴.

Так, перед началом навигации 1719 г. на Белозёрских пристанях временно в бунтах и сараях хранилось 136 881 четверть ржаной муки «нижегородской набивки» (весом в одной четверти 8 пудов), 10 444 четверти крупы. Кроме того, на Тверской и Вышневолоцкой пристанях находилось 34 953 четверти муки и 2546 четвертей круп⁵⁵.

В основном затеканию и подмочке подвергались кули, находящиеся в верхних и особенно в нижних рядах трюма судна. Иногда приходилось иметь дело с «топлым хлебом», поднятым с затонувших барж⁵⁶, или принятым с ластовых судов после завершения кампании флота⁵⁷.

Например, в сентябре 1707 г. провиантмейстер Балтийского флота Г.Т. Бестужев писал адмиралу и президенту адмиралтейств Ф.М. Апраксину: «К провиантским делам кормщиков давать людей знающих, которые живут близь Ладожского озера. И в отпусках прошлых караванов от незнающих кормщиков над хлебными запасами учинилась немалая поруха»⁵⁸.

Мука, которая в процессе перевозки подвергалась подмочке и затечке, имела повышенную влажность. Поэтому в отдельные амбары (их отделения) складывали сухую муку, а в другие – подмоченную («топлый» хлеб). При хранении в сыром амбаре без проведения подработки и срочной реализации подмоченная мука через непродолжительное время делалась негодной к хлебопечению.

Нередко на хранение в хлебные амбары закладывалась уже слежавшаяся и комковатая мука с затхлым запахом, горечью, хрустом, серого цвета, местами желтоватого или зеленоватого, сбитая в груды, с трудом размываемая водой в хлебопекарне. В связи с этим и хлеб, выпеченный в хлебопекарне солдатской (флотской) роты⁵⁹ из подобной муки, естественно, «имел таковы[е] качества»⁶⁰.

В Петровской России основная часть населения, преимущественно крестьянство, посадские люди, нижние чины армии и флота, питалась хлебом, выпеченным из ржаной муки, полученной из цельного зерна⁶¹. Другие сорта пшеничной и ржаной муки использовались при приготовлении хлеба представителям привилегированных сословий⁶², а среди крестьян и посадских людей употреблялись крайне редко. Хлебобулочные изделия, выпеченные из ржаной муки, назывались хлебами, а из муки пшеничной – калачами.

Хлеб для матросов и солдат морской пехоты выпекался артельными хлебопёками в ротных и батальонных хлебопекарнях⁶³. Лучший хлеб для нижних чинов получали из 100 частей ржаной муки, в которую прибавляли 50 частей воды. В 100 фунтов муки добавляли 1–1,5 фунта соли. Выход хлеба из 100 фунтов муки составлял 130–135 фунтов. Вес отдельной буханки достигал от 6 фунтов 20 золотников до 7 фунтов⁶⁴.

Для выпечки формировались хлеба весом от 7,5 до 8 фунтов. Продолжительность выпечки первой партии хлеба составляла 1,5–2 часа, последующей на 15–20 минут меньше⁶⁵.

Хорошо выпеченный хлеб, приготовленный из качественной, несеяной ржаной муки, имел слегка кисловатый вкус, приятный и ароматный запах. Верхняя его корка была тёмно-коричневого цвета, мякиш – серовато-коричневый. При разрезе мякиш представлял ноздреватую губчатую поверхность с равномерно расположенными

мелкими порами неправильной угловатой формы⁶⁶. После вдавливания мякиша пальцами он постепенно выравнивался и приходил в исходное положение. При постукивании по хлебу пальцами на противоположной стороне слышался ясный звук. При прожёвывании хлеб не должен был хрустеть. Обычно хруст вызывало присутствие в хлебе жернового песка и примесей других минеральных веществ.

Англичанин шаутбенахт Дж. Паддон осенью 1717 г., убедившись, что хлеб для довольствия матросов вверенной ему Котлинской эскадры систематически выпекают из низкопробной муки, вынужден был обратиться к Петру I со следующими предложениями: «Можно поправить (качество. — *И.Д.*) с невеликим трудом, только приказать радетельному человеку, назначенному комиссаром, надсматривать, чтоб мука была хороша и хлеб бы был делан и печён добр, и о поставке всякого провианта присланы были к адмиралу или командующему офицеру...»⁶⁷. Тревога Дж. Паддона о здоровье нижних чинов была услышана царём, и качество выпекаемого хлеба было улучшено.

Санитарно-гигиенические требования к качеству хлеба, нормы выхода хлебобулочных изделий, розничные цены (в зависимости от вида и сорта муки и её рыночной стоимости) вплоть до издания указа Правительствующего сената от 14 января 1725 г. подробно регламентировались инструкцией «Память приставам, назначенным в Москве для смотрения за печением и продажей хлеба, 1624 года»⁶⁸.

По мнению В.А. Невского, вышеназванный документ являлся первым официальным законом, определившим государственный санитарный надзор за торговлей и качеством хлеба⁶⁹.

14 января 1725 г. был издан указ Правительствующего сената, объявивший населению правила продажи в стране съестных продуктов. Указ предписывал губернским и уездным властям организовать продажу хлеба только «в вес, почему пуд надлежит умеренными ценами, а не мерою»⁷⁰.

Правительство законодательно регулировало частную торговлю продовольствием после продолжавшихся в 1722–1724 гг. повсеместных неурожаев и установило при выпечке хлебобулочных изделий их максимальные выходы.

Старостам Мытных дворов предписывалось ежемесячно составлять ведомости с указанием в них розничных цен, установившихся на пшеничную и ржаную муку⁷¹. Ведомости розничных цен представлялись в Главный Магистрат и Полицмейстерскую канцелярию с приложением к ним списков хлебников, калачников, саячников, с подробным описанием их производственно-финансовой деятельности. При реализации выпеченной продукции прибыль для хлебни-

ков, калачников, саячников устанавливалась: на ржаные решётчатые и ситные хлеба по алтыну; на сайки, крендели и калачи по два алтына на пуд. При торговле мукой доход частных производителей не должен был превышать двух гривен на один затраченный рубль.

В стране повсеместно был узаконен выход хлеба и вес выпекаемых изделий. Предельный размер выхода из одного пуда муки составлял для ржаных хлебов 150%, для саяк, кренделей — 133%, калачей — 130%. Из одного пуда пшеничной просеянной муки для саяк — 120%, кренделей — 110%, калачей — 132,5%⁷².

Установление Петром I предельных величин выхода хлебобулочных изделий («самонужнейшия продовольствия») и фиксированных размеров прибыли производителей (торговцев) было по достоинству оценено иноземцами⁷³.

Предельные размеры выходов русских хлебов, выпеченных из пшеничной муки, практически не отличались от соответствующих показателей хлебов, используемых в питании населения ряда западноевропейских стран.

В Англии в пищу употреблялись три основных вида хлеба. Лучший сорт (Weather bread) выпекался из пшеничной муки, выход которой составлял 61,8% к массе переработанного зерна. Выход хлеба не превышал 124,4%. Средний сорт (Standard White bread) имел выход 130%. Наиболее распространённым сортом хлеба являлся (Household bread), который выпекался из пшеничной муки с выходом при помолё зерна 76,8%. Из семипудового куля пшеничной муки (76,8%) получалось 95 четырёхфунтовых хлебов. Выход хлеба колебался в пределах 136–143,5%⁷⁴.

Белый французский хлеб (Pain la menage) выпекался из пшеничной муки с выходом 70–75%. Выход хлеба при выпечке достигал 120,8–125,3%. В продажу поступали буханки (булки) весом в 6, 2 и 0,5 кг⁷⁵. Немногим более, чем у французского хлеба, были выходы среди хлебов, выпекавшихся в Австрии и германских государствах (Semmel — 132,2–141,2%; Kreuzbrott — 126,4–128,4%; Losbrott — 131,1–131,7%; Zweipfennigbrott — 126–127,3%)⁷⁶.

В Москве и Санкт-Петербурге на продажу выпекались относительно небольшие по длине, но довольно высокие ржаные хлеба, каждый весом 7–10 фунтов.

Они сажались в печь рядами, с двух сторон соединялись слипухами, что позволяло при незначительном весе буханки выпекать в одной печи большое количество хлеба⁷⁷. Форма ковриги была четырёхугольная, а не традиционная круглая русская, и внедрена она была в наше хлебопечение иностранцами⁷⁸. Достаточно сказать,

что цех хлебников в Санкт-Петербурге в 1724 г. насчитывал 68 человек, в том числе 28 мастеров, из которых только один был русским по национальности⁷⁹.

Контроль за качеством выпеченного хлеба, ценообразованием и соблюдением санитарно-гигиенических правил Пётр I возложил на полицию, а в невольской столице — лично на генерал-полицимейстера А.М. Девиера⁸⁰.

Целесообразность подобного решения определялась тем, что торговцы хлебом для увеличения веса в неурожайные годы (1722—1724) доливали в квашню большее количество воды, чем полагалось по рецептуре (8 вёдер воды на 9 пудов муки⁸¹), в результате чего хлеб выпекался сырым и тяжёлым.

Водянистый хлеб трудно переваривается в организме человека, и особенно он был вреден для людей с заболеваниями пищеварительной системы⁸². Главный же недостаток подобного хлеба заключался в скором его заплесневении. Бедняки в столице из-за дороговизны продуктов питания были вынуждены есть заплесневелый хлеб, что способствовало распространению желудочно-кишечных заболеваний и приводило к тяжёлым отравлениям.

Сырой хлеб с увеличенным, по сравнению с установленным указом⁸³, выходом припёка (более 50%) и хлеб с добавлением суррогатов немедленно конфисковывался властями. Он передавался матросам и солдатам для приготовления кваса или использовался на корм скоту, а владельцы за продажу недоброкачественного продукта прямо на рынке наказывались полицией батогами, либо кнутом, либо кошками⁸⁴.

Кроме подвоза продовольствия гужевым и водным транспортом, в новую столицу России для продажи населению, для довольствия нижних чинов в артелях на берегу и приготовления солонины для флота в адмиралтейской мясосалочной избе пригонялись гурты крупного и мелкого рогатого скота. Гон скота из губерний начинался в пастбищный период. В гурте находилось 150—200 голов крупного рогатого скота и по 500—1000 — мелкого. Гурт следовал вдоль дорог с минимальной скоростью перегона 10—15 вёрст в сутки. Быки нередко совершали путь в 5000 вёрст⁸⁵.

При приёме и убое скота особое внимание обращалось на соблюдение санитарно-гигиенических и ветеринарных требований. В течение первой четверти XVIII в. регулярно издаваемые руководящие документы, в разработке которых принимал участие лично Пётр I, законодательно препятствовали поступлению на довольствие войск и флота и продаже на рынках населению недоброкачественных мясо-

продуктов и других съестных припасов. Контроль за соблюдением санитарно-гигиенических правил при торговле мясом возлагался на губернаторов, воевод, военных комендантов и полицию⁸⁶.

Торговля мясом и мясопродуктами в Петербурге во время эпизоотии скота регулировалась особой инструкцией, объявленной приговором Сената от 18 августа 1713 г.⁸⁷ Убой скотины и продажу мясопродуктов предписывалось производить только в мясных рядах рынков столицы. В разные годы в Петербурге в зависимости от места жительства и спроса населения возникли рынки: на Троицкой площади, у Кронверка (Сытный), на Адмиралтейской стороне (Морской, Шневенский, Финский), на Охте, на Васильевском острове (Андреевский), а также и в других районах города⁸⁸.

Кроме гостиных дворов и рынков, число которых достигло 14-ти к 1725 г., в столице также велась торговля на трёх Мытных дворах⁸⁹.

Из шести мясных лавок в Кронштадте две находились в собственности мясников, которые купили их у матросов Котлинской эскадры в 1715 г., заплатив по 7 и 12 рублей; помещения под остальные четыре лавки нанимались у местных жителей⁹⁰.

Каждая мясная лавка на всех городских рынках служила и малою бойнею. По всем районам невской столицы были разбросаны подобные лавки-скотобойни. К 1717 г. только на Адмиралтейской стороне Санкт-Петербурга находилась 21 мясная лавка⁹¹.

Установившийся порядок убоя животных и торговли мясом в новой столице России без всяких мер ассенизации даже во время эпидемий и эпизоотий был терпим до тех пор, пока резко не увеличилось население города. Поэтому власти были вынуждены систематически пересматривать и ужесточать санитарно-гигиенические требования к пунктам убоя скота, переработки и продажи мясных изделий.

В 1718 г. последовало распоряжение правительства об устранении замеченных злоупотреблений по продаже мяса павших животных, прирезанных в предсмертной агонии, — учредить надзор за убоем скота при лавках-бойнях⁹². При петербургской полиции состоял особый офицер, который осматривал пригоняемый на бойни скот, убой которого не допускался без его разрешения⁹³.

С 1719 г. в столице был запрещён убой животных в мясных рядах торговых рынков⁹⁴. В том же 1719 г., после ужесточения санитарно-гигиенических требований к продаже съестных припасов и запрета убоя скота в мясных рядах, количество мясных лавок на Адмиралтейском острове сократилось до 6 единиц. Центр продажи мясных изделий к 1719 г. переместился на Петербургскую сторону, где в

расположенных неподалёку от Мытного двора рыбных и мясных рядах имелось 49 лавок⁹⁵.

Основная причина запрета состояла в том, что мясники били скот непосредственно в пунктах торговли и здесь же, поблизости, сваливали внутренности животных, создавая предпосылки к распространению эпидемий. Гниение и последующее разложение отходов вызывали сильный зловонный запах («мерзостный дух»), распространявшийся далеко по городу от мясных рядов, протянувшихся вдоль реки Мойки.

Для убоя скота городские власти отвели отдельное место возле устья Мойки. Таким образом, в столице была открыта вторая бойня; первая находилась на Петроградской стороне и функционировала с 1708 г.⁹⁶

20 октября 1721 г. генерал-полицмейстер А.М. Девиер доложил царю: «На Адмиралтейском острове около Мойки бойни от мясников зделаны в само лице, и весма худо, и в разных местах, и около их нечисто»⁹⁷.

Неудовлетворительное санитарно-гигиеническое состояние большинства российских рынков до начала преобразований Петра I в этой области было явлением весьма типичным и фактически ничем не отличалось от состояния столичных⁹⁸.

В 1722 г. Пётр I создаёт в Москве полицию и в специально разработанной инструкции определяет перечень её обязанностей. Одной из них было осуществление контроля за торговлей продовольственными товарами и соблюдением санитарно-гигиенических правил при убое скота. В инструкции прямо указывалось, что бойни и мясные ряды должны были находиться вне черты города.

Пётр I в новой столице и затем по всей стране стремился усилить государственный надзор за качеством продуктов питания, регламентировать порядок благоустройства рынков и внедрить санитарную культуру в местах хранения и торговли съестными припасами. В местах торговли продовольствием полиции предписывалось следить, «дабы отнюдь никакого нездорового съестного харчу и мертвечины не продавали и для своих прибытков вонючева свежева мяса... ничего на съеденье долговременно не держали, а ежели такие залежалые мяса... у кого найдутся, и оные, взяв от них, бросать собакам или велеть закапывать в землю, в особливом месте, где пристойно»⁹⁹.

Все торговцы мясом и рыбой должны были пользоваться только проверенными «орлёнными» весоизмерительными приборами и одеваться исключительно в «белые мундиры» единого образца¹⁰⁰. На лиц, не соблюдавших вышеуказанные санитарно-гигиенические

правила, полиция налагала крупные денежные штрафы с последующей конфискацией товара.

Кроме материальной ответственности, к нарушителю, в зависимости от состояния мясопродуктов и тяжести совершённого проступка, прямо на рынке применяли меры физического воздействия, затем его отправляли на каторгу, а в отдельных случаях приговаривали к смерти. Подобные жёсткие меры власти проводили с целью экологической безопасности и для общественного благополучия, «чтоб всякие съестные припасы, которые привозятся на продажу народу, не были из корыстолюбия порчены и были хорошего качества»¹⁰¹.

* * *

Таким образом, во времена Петра Великого начало активно складываться законодательство, установившее стандартизацию продовольственной тары и качество пищевых продуктов при хранении, изготовлении (переработке) и продаже населению, обеспечении личного состава Военно-морского флота и Военного ведомства. В последующем оно стало теоретической и практической основой для разработки новых законодательных актов.

С целью предупреждения пищевых отравлений, сохранения доброкачественности продовольствия были разработаны и юридически оформлены основные меры, предотвращающие порчу продуктов на этапах заготовки, приёма, хранения в адмиралтейских магазинах, отпуска на корабли, в береговые части флота и в торговую сеть.

¹ Основным районом производства товарного хлеба в стране в конце XVII — начале XVIII вв. являлась территория к югу от Оки, в верховьях Дона, Сейма, Северского Донца, в бассейнах Мокши и Суры. Оттуда хлеб на подводах или на судах (в зависимости от сезона) подвозился в Москву, Орёл и Нижний Новгород, являвшийся главным складом российского купечества на основных волжско-окских воднотранспортных и сухопутных путях России.

² Указом Петра I от 7 января 1708 г. было повелено для работ в Санкт-Петербурге собрать по всей стране 40 000 работных людей с плотничными снастями по переписным книгам 7186 (1678) г. с каждого одиннадцатого двора по человеку. Им же на дачу и на покупку хлебных запасов с оставшихся десяти дворов предписывалось собрать по 13 алтын 2 деньга (40 копеек) со двора. В общей сложности в 1701—1709 гг. на все стройки Приазовья было заняжено свыше 200 тысяч человек. Фактически на работу являлась примерно половина этого числа. В начале XVIII в. только в Таганроге работали ежегодно 16—18 тысяч чел.: «В лето 1709 г. надобно работных людей 18 100 человек, ремесленных 1360 человек». — РГАВМФ. Ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия при Адмиралтейств-коллегии). Оп. 1. Д. 54. Л. 125 об.

³ По переписи 1700 г. в Азове был 12 901 житель. — РГАВМФ. Ф. 177 (Приказ Воинского морского флота). Оп. 1. Д. 37. Ч. I. Л. 150.

⁴ Четверть — мера сыпучих тел. 1 четверть = 2 осминам = 8 четверикам. В XVII в. при сборе с податного населения провиантских налогов употреблялось приёмная четверть (московская таможенная мера) с «верхи» и под «гребло». При выплате хлебного жалования служилым людям применялась значительно меньшая по объёму «отдаточная» четверть. (*Благовещенский Н.А.* Четвертное право. М., 1899. С. 110). Соотношение приёмной четверти с «верхи», приёмной четверти под «гребло» и «отдаточной» четверти составляло 7:6:4; объём соответственно 245, 210, 140 л. Ржаной муки вышеуказанные четверти вмещали: 8,57; 7,35 и 4,9 пуда. Пуд = 40 фунтам = 16,38 кг; фунт = 409,5 г.

⁵ *Новомберский Н.Н.* Очерки внутреннего управления в Московской Руси XVII столетия. Продовольственное строение. Материалы. Томск, 1914. Т. I. С. 379—380.

⁶ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 56. Л. 715—716; Д. 36. Ч. II. Л. 1252.

⁷ Там же. Д. 37. Ч. I. Л. 491. На Л. 398. — 112 611 четвертей.

⁸ ПБИПВ. СПб., 1900. Т. IV. С. 460—461.

⁹ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

¹⁰ РГАВМФ. Ф. 233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина). Оп. 1. Д. 13. Л. 3; Д. 19. Л. 492—492 об.; Д. 31. Л. 308 об., 312—314, 323, 325.

¹¹ Там же. Д. 19. Л. 272 об. Подсчёты наши.

¹² РГАДА. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 11. Кн. 607. Л. 246—246 об., 249. Составлено нами. Алтын = 3 копейкам; копейка = 2 деньгам.

¹³ В том числе 20 000 четвертей ржаных сухарей.

¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 811. Л. 387.

¹⁵ МИРФ. СПб., 1866. Ч. III. С. 448—449.

¹⁶ РГАВМФ ЦХСФ. Ф. 220 (Провиантская контора при Адмиралтейств-коллегии). Оп. 1. Д. 120. Л. 11 об.—13. Подсчёты наши.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 111. Л. 29—34 об.; Д. 190. Л. 515 об.—516, 517—518.

¹⁸ Там же. Д. 200. Л. 150—150 об. Сведения на 24 марта 1721 г.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 811. Л. 163—163 об.

²⁰ *Волков М.Я.* Привоз хлеба в район Петербурга в 20-е годы XVIII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сб. статей к 70-летию А.А. Новосельского / Отв. ред. Н.В. Устюгов. М., 1961. С. 120—121.

²¹ ПСЗ. СПб., 1830. Т. IV. № 2655.

²² РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 26. Л. 422—422 об. Составлено нами.

²³ Там же. Л. 423.

²⁴ При поставке провианта войскам ещё в русско-польскую войну под Смоленск в 1654 г. казна предъявила подрядчикам требования, чтоб «мука была сухая и добрая, а мерою в четь в пол девяти пуд (8,5. — *И.Д.*)». — ПСЗ. СПб., 1830. Т. I. № 141.

²⁵ Провизия (фр., англ., нем. — provision; итал. — provisione; голл. — provisio) — запасы; от лат. providere предвидеть, предусмотреть, запастись. В архивных документах, относящих к 1696—1725 гг., наравне с термином «морская провизия» встречается и выражение «морской провиант». — РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 39. Л. 260 об.—261 об.

²⁶ ПСЗ. СПб., 1830. Т. V. № 2838; РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 62. Л. 559. Фут = 12 дюймам = 30,48 см.

²⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 62. Л. 581.

²⁸ РГАВМФ. Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). Оп. 1719 г. Д. 6. Л. 15.

- ²⁹ РГАВМФ ЦХСФ. Ф. 219 (Подрядная контора при адмиралтейств-коллегии). Оп. 1. Д. 87. Л. 1022–1023; Ф. 220. Оп. 1. Д. 26. Л. 48–49 об.; РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1720 г. Д. 34. Л. 197–197 об., 211–211 об., 481.
- ³⁰ РГАВМФ ЦХСФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 157. Л. 60 об., 62.
- ³¹ Там же. Д. 4. Л. 246. Школьники – учащиеся Московской математико-навигационной школы, которые регулярно проходили длительные флотские стажировки.
- ³² Целовальник – присяжный человек, хранитель, сборщик казённого имущества при таможах, весах, продаже соли. Для присяги целовали крест. (*Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2002. С. 703).
- ³³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 811. Л. 202–204 об.
- ³⁴ РГАВМФ ЦХСФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 24. Л. 295–300; Д. 44. Л. 1; Архив СПбИИ РАН. Ф. 95 (Документы по истории русского флота). Оп. 2. Д. 2. Л. 86.
- ³⁵ Там же. Д. 6. Л. 10 об., 14–14 об., 16–16 об., 20, 32; РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 122. Л. 276–280. Подсчёты наши.
- ³⁶ РГАВМФ ЦХСФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 24. Л. 425–426.
- ³⁷ МИРФ. СПб., 1867. Ч. IV. С. 366.
- ³⁸ Там же. С. 359, 391.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 227–228.
- ⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1722 г. Д. 77. Л. 80 об.
- ⁴¹ МИРФ. Ч. IV. С. 472; РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1721 г. Д. 50. Л. 42–43.
- ⁴² Цит. по: *Петров Б.Д.* Пищевое санитарное законодательство в России (до 1861 г.) // Вопросы питания. 1957. № 1. С. 74.
- ⁴³ РГАВМФ ЦХСФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 43. Л. 219 об.
- ⁴⁴ Там же. Д. 48. Л. 63.
- ⁴⁵ ПСЗ. СПб., 1830. Т. VII. № 4430. С. 213–214; № 4441. С. 218–219.
- ⁴⁶ История питания защитника государства Российского. В 5-ти томах / Под ред. Ю.Л. Шевченко. Т. I: Питание российских воинов до середины XIX в. / Отв. ред. В.А. Майдан и П.И. Мельниченко. СПб., 2000. С. 50.
- ⁴⁷ Книга «Устав морской». СПб., 1763. С. 104–106. Чарка = 123 мл; кружка = 1,229 л; ведро = 12,299 л.
- ⁴⁸ История питания защитника государства Российского. Т. I. С. 51.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 28. Л. 48 об.
- ⁵⁰ *Миронов А.А., Иванникова А.Г., Яковлев В.С.* История государственных материальных резервов России. М., 1998. С. 15.
- ⁵¹ Краткое описание города Петербурга... // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 141.
- ⁵² РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 196. Л. 226. Овин – строение для сушки хлеба в снопах топкою; рига. В риге обычно идёт и молотьба. (*Даль В.И.* Толковый словарь. С. 429).
- ⁵³ *Вещиков П.И., Огуречников А.А., Шанин А.В.* Продовольственная служба вооружённых сил России. Краткая история / Под ред. генерал-майора А.П. Петриченко. М., 1999. С. 365.
- ⁵⁴ *Скиада М., Шапошников И.* Судходство по реке Дону в Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1861 год. Воронеж, 1861. С. 13–14.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 36. Л. 499.
- ⁵⁶ *Козьмина Н.П.* Материалы к истории хранения зерна в России // Опыт хранения зерна, муки и крупы. Сб. научно-исследовательских работ. М., 1946. С. 12.
- ⁵⁷ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 156. Л. 310–311 об.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 16. Ч. I. Л. 152 об.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 212. Оп. 1722 г. Д. 22. Л. 142 об.–144 об.

⁶⁰ *Левитский А.П.* К вопросу о цинге: Диссертация доктора медицины. СПб., 1888. С. 16.

⁶¹ Акты исторические. СПб., 1841. Т. II. С. 283; *Коллинз С.* Нынешнее состояние России... // РВ. 1841. № 8. С. 181; *Перри Дж.* Состояние России при нынешнем царе: Сочинение капитана Перри. М., 1871. С. 159.

⁶² РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Кн. 607. Л. 393.

⁶³ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 236. Л. 360; МПМС. 1897. Вып. 1. С. 11; СПб., 1900. Вып. 9. С. 183–184; Вып. 10. С. 241.

⁶⁴ РГАВМФ ЦХСФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 135. Л. 14.; *Тишков И.П.* Состав береговой матросской пищи // МПМС. 1893. № 1. С. 60–61.

⁶⁵ МПМС. 1900. № 9. С. 183–184; № 10. С. 241. Золотник = 4,27 г.

⁶⁶ *Давыдов П.* О количественных отношениях припёка к влажности хлеба и муки: Диссертация доктора медицины. СПб., 1886. С. 17.

⁶⁷ *Попов Н.А.* Материалы для истории морского дела при Петре Великом в 1717–1720 годах // ЧОИДР. М., 1859. Кн. IV. Ч. 2: Материалы отечественные. С. 49–50.

⁶⁸ Русская Вивлиофика, или собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы, издаваемая Н. Полевым. М., 1883. Т. I. С. 68–82.

⁶⁹ *Невский В.А.* К истории государственного санитарного надзора за торговлей хлеба // Гигиена и санитария. 1948. № 6. С. 39.

⁷⁰ ПСЗ. Т. VII. № 4634.

⁷¹ РГАВМФ ЦХСФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 106. Л. 27–28.

⁷² ПСЗ. Т. VII. № 4634. Гривна = 10 копейкам.

⁷³ Записки о Петре Великом, сочинение Виллиамса, бывшего в России полномочным посланником от Великобританского двора при императрице Елизавете Петровне и в первые годы царствования Екатерины II. СПб., 1835. Ч. I. С. 184.

⁷⁴ *Летеби Г.* Вопросы питания. СПб., 1872. С. 12; *Гедфлер Г.Ф.* Зерновой хлеб. Опыт усвояемости его азотистых веществ: Диссертация доктора медицины. М., 1899. С. 5–6.

⁷⁵ Замечание об учреждаемой кампании заготовления корабельных сухарей и печёного хлеба. СПб., 1852. С. 22.

⁷⁶ *Давыдов П.* О количественных отношениях припека к влажности хлеба и муки. С. 17.

⁷⁷ *Опухтин Л.* О хлебной четверти в древней Руси // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. СПб., 1862. Кн. III. С. 24; *Койэтт Б.* Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Фёдору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 332.

⁷⁸ *Каратыгин П.А.* Булочная, или Петербургский немец. Водевиль в одном действии. СПб., 1880. С. 3–5.

⁷⁹ *Пажитнов К.А.* Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952. С. 48; *Полянский Ф.Я.* Городское ремесло и мануфактура в России XVIII века. М., 1960. С. 143. «Русские хлебники пекут свои хлеба твёрже и большею частью полумесяцом, как-то калачи, однако ж, и другими видами. Другие, только кислые хлеба из решётной муки. Немецкие и прочие чужестранные хлебники — белый крупчатый хлеб разными видами и чистой ржаной хлеб (мука высеивается ручным ситом) — хлеб ситный». — *Георги И.Г.* Описание российско-императорского города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1793. Ч. I. С. 241.

⁸⁰ ПСЗ. Т. V. № 3203. С 1720 г. началось упорядочивание торговли хлебобулочными изделиями и усиление санитарного контроля над заведениями общественного питания столицы. — Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 11. С. 405–406.

⁸¹ Положение о хозяйстве в роте. СПб., 1891. С. 228–233.

⁸² *Lehman J.* Die Methoden der praktischen Hygiene. Berlin, 1890. S. 382.

⁸³ ПСЗ. Т. VII. № 4634.

⁸⁴ *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции. М., 1785. Т. IV. Кн. I. С. 691–693.

⁸⁵ *Кривцов Г.Л.* Убойный скот в С.-Петербурге в 1876–1885 гг. СПб., 1886. С. 3; *Игнатъев М.* Мясной вопрос в столице. СПб., 1899. С. 3, 5; *Ворошилов К.* Исследования питательных свойств мяса и гороха: Диссертация доктора медицины. СПб., 1871. С. 23; *Бахтияров А.А.* Брюхо Петербурга. Очерки столичной жизни. СПб., 1994. С. 15.

⁸⁶ ПСЗ. Т. V. № 3210; РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Д. 26. Л. 862 об., 864.

⁸⁷ ПСЗ. Т. IV. № 2714.

⁸⁸ *Богданов А.И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга до начала его заведения с 1703 по 1753, сочинённое г. Богдановым, а ныне дополненное Василием Рубаном. СПб., 1779. С. 122; *Мавродин В.В.* Основание Петербурга. Л., 1978. С. 82, 83, 88, 89, 91–94, 117, 132, 133; *Тимченко-Рубан Г.И.* Первые годы Петербурга. СПб., 1901. С. 84, 117, 118, 124, 127, 159, 164, 166, 197. Современник Ф.Х. Вебер отмечает чрезвычайную скученность петербургских рынков: «... часто на рынке такая теснота, что невозможно посторониться и дать пройти другому (человеку. — *И.Д.*)». — Из книги Фридриха Христиана Вебера «Преображённая Россия». Ч. I // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 112.

⁸⁹ Изъяснение местности Санкт-Петербурга в 1700 году // Изъяснение плана Санкт-Петербурга в 1725 году. СПб., 1846. С. 7–12, 18, 19, 24; РГИА. Ф. 467 (Контора от строений Е. И. В. домов и садов). Оп. 2. Д. 35 «а». Л. 38 об.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 66. Л. 260–269. Подсчёты наши.

⁹¹ Там же. Ф. 198 (А.Д. Меншиков). Оп. 1. Д. 79. Л. 4; Ф. 9. Отд. II. Д. 43. Л. 345.

⁹² *Игнатъев М.А.* Наши общественные скотобойни как средство к оздоровлению мясных продуктов // Наша пища. 1891. № 2. С. 5.

⁹³ *Штрейс А.И.* Санитарное дело в Петербурге // Гигиена и санитария. 1957. № 9. С. 42.

⁹⁴ ПСЗ. Т. V. № 3422.

⁹⁵ Там же. № 3236, 3422.

⁹⁶ *Луппов С.П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. Л., 1957. С. 142–143; *Столянский П.Н.* Старый Петербург. М.; Пг., 1925. С. 67–68; Объяснение к историческим планам столичного города Санкт-Петербурга с 1714 по 1839. СПб., 1843. С. 12–13; Из книги Фридриха Христиана Вебера «Преображённая Россия». Ч. I // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 113.

⁹⁷ Сб. РИО. Т. 11. С. 433.

⁹⁸ *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России. М., 1960. С. 89.

⁹⁹ Сб. РИО. Т. 11. С. 458–459; ПСЗ. Т. IV. № 2225, 2504.

¹⁰⁰ Там же. Т. V. № 3236.

¹⁰¹ *Вельцин И.* Начертание врачебного благоустройства, или О средствах, зависящих от Правительства, к сохранению народного здоровья. СПб., 1795. С. 34.

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА 1709 г.: ЦЕНА ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

Вопрос о цене победы для россиян и, напротив, о масштабе поражения шведского войска — важнейший при размышлениях о заслугах или просчётах полководцев при подготовке и в ходе главной битвы Великой северной войны 1700—1721 гг. Именно поэтому столь ясна необходимость располагать объективными данными о людских потерях обеих сторон в итоге баталии.

Цена победы

Довольно странно в силу значимости сюжета то, что вопрос о неточности официальных данных российской стороны о собственных потерях в битве был поставлен относительно недавно. П. Энглунд, один из наиболее авторитетных современных историков баталии 27 июня 1709 г., заявил, что русские потери убитыми, конечно, были выше официального числа (1345 чел.). К ним, по мысли историка, следует прибавить погибших в нерегулярных войсках и скончавшихся впоследствии от ран¹. Попытка выяснить вопрос о численности российских кавалеристов, скончавшихся после битвы от ран и пропавших безвестно, была сделана в нашей публикации 2004 г.²

Каковы, собственно говоря, традиционные сведения о потерях россиян в битве при Полтаве?

Имеющиеся в историографии данные о потерях русской армии в битве 27 июня 1709 г. различаются минимально: 1344 убитых и 3292 раненых, второй вариант — 1345 павших, 3290 раненых. Первый вариант воспроизводит сведения из официальной печатной «Обстоятельной реляции о главной баталии меж войск Его Царского Величества российского и Королевского Величества шведского, учинившейся неподалеку от Полтавы сего июня в 27 день 1709-го лета».

Реляция была напечатана в первых числах августа в Киеве, с исправлениями повторно — в сентябре 1709 г. в Москве³. Канцлер Г.И. Головкин писал секретарю Посольского приказа М.И. Родостамову 12 августа из Киева, что посылает ему «чертеж и четыре реляции печатные о бывшей главной со шведом баталии при Полтаве, которые во всем справедливы и верны написаны и во все окрестные государства отсюда посланы...». Канцлер предписывал посланный при письме экземпляр гравюры с планом битвы («чертеж») и печатные экземпляры реляции сообщить в Москве «кому надлежит»⁴. Согласно этому источнику, погибло 623 кавалериста, 712 пехотинцев, 9 артиллеристов; ранено кавалеристов 1454, пехотинцев 1827, артиллеристов 11⁵. Второй вариант — это цифры, имеющиеся в более позднем пропагандистском российском сочинении «Гистория свейской войны», работа над которым шла под наблюдением самого императора Петра Великого. Согласно «Гистории», потери регулярных российских войск составили 1345 убитых (624 всадника, 712 пехотинцев и 9 артиллеристов) и 3290 раненых (1454 всадника, 1825 пехотинцев и 11 артиллеристов)⁶.

Существует в литературе и третий вариант сведений о русских потерях в битве: 1346 погибших. Эта разновидность данных восходит к сочинению П.Н. Крёкшина⁷. Военный историк Н.Л. Юнаков, опубликовавший в 1909 г. один из его трудов, не смог выяснить, что рукопись принадлежит перу названного автора: на её листах имеются записи и правка простым карандашом его руки. Творчество этого петербургского историка, писателя XVIII столетия вообще донныне изучено только в самом первом приближении. Вплоть до настоящего времени даже даты его жизни приводились в литературе по приблизительному известию Н.И. Новикова (1772): «Умер сей трудолюбивый муж около 1763 года, будучи без мала 80 лет своей жизни»⁸. Эта фраза едва не дословно повторена в труде И.И. Голикова (1795)⁹. На основании этих приблизительных указаний в современной литературе утверждается, что П.Н. Крёкшин жил в 1684—1763 гг.¹⁰ Однако по исповедным книгам удалось установить, что он родился в 1692 или 1693 г.¹¹ Запись о его смерти обнаружена в метрической книге церкви Св. Николая Чудотворца в Посадской слободе Санкт-Петербурга: 31 августа 1764 г.¹²

Надо думать, что П.Н. Крёкшин использовал в своих расчётах иную численность погибших кавалеристов, указанную в «Ведомости ниже писанных драгунских полков, которые были при Полтаве: сколько ундер-офицеров, капралов и драгун было на баталии и что ис того числа побито и затем ныне при полках» (625 чел.). Эта vedo-

мость имеется среди бумаг А.Д. Меншикова¹³. Названное в ней число превышает то, что имеется в «Обстоятельной реляции», именно на два человека (623). С документацией походной канцелярии светлейшего князя П.Н. Крѣкшин смог основательно поработать в середине XVIII в.

Природа же небольшого расхождения в числе павших в битве у Полтавы россиян между «Обстоятельной реляцией» 1709 г. (1344 чел.) и названной в «Истории швейцарской войны» (1345 чел.) проста. Как в напечатанном 15 июля 1709 г. «Письме» царевичу Алексею, так и в самом печатном тексте «Обстоятельной реляции» среди погибших на поле брани 27 июня 1709 г. кавалеристов назван майор Ерц Хелт (или Ерст Гелт). Первоначальный вариант «Обстоятельной реляции» о битве именуется этого майора: Ерц Хед¹⁴. Опубликованная в Кёльне в 1709 г. брошюра на немецком языке, включающая перевод с русского языка текста «Обстоятельной реляции», передаёт фамилию погибшего майора-кавалериста слитно: Ertzscheld¹⁵. В более поздней «Истории швейцарской войны» этот майор из иностранцев сосчитан за двоих: Эрста и Гелта. Это и есть, надо полагать, корень ошибки. Анонимный автор публикации 1909 г. уже обоснованно задавался этим вопросом: «...может быть, „Ерст Гелт“ не два разные лица, а одно лицо?»¹⁶. В итоге неверного прочтения имени и фамилии численность павших в баталии конников «возросла» с 623 до 624; общее же число погибших — до 1345 чел.

Более важно выяснить природу появления общих официальных цифр российских потерь убитыми и ранеными в Полтавской баталии — тех, которые приведены в изданной в 1709 г. «Обстоятельной реляции».

Можно воссоздать процесс появления этих чисел следующим образом.

Данные о потерях стали выясняться в самое ближайшее время по завершении баталии на полях близ Полтавы. «Первая обстоятельная реляция о счастливой главной баталии...» была подготовлена, когда в ставке русского главнокомандования близ Полтавы ещё не было получено какого-либо известия о том, что отступившая после поражения шведская армия прижата к Днепру. Сдача шведов, как известно, произошла на берегу этой реки 30 июня. В тексте первого, ещё рукописного варианта реляции говорится только о ведущемся россиянами преследовании отходящего противника: «От посланного нашего за неприятелем войска получили ведомость, что неприятели бегут от наших з достальным войском наспех и уже с 3000 возов в добычь нашим покинули, таж и раненых своих, поколов, на дороге

оставляют и бегут, нимало не останавливаясь. Однако ж чаем, что те посланные наши войска скоро тех бегущих догонят и атаковать будут»¹⁷.

Реляция о битве была подготовлена ещё 27–28 июня 1709 г. Перевод её первой части, где описана Полтавская битва (во второй её части — сдача шведов у Переволочны), на немецкий язык датирован 28 июня (ст. ст.). Он был напечатан 6 августа (н. ст.) 1709 г. в газете «Wienerisches Diarium»¹⁸. Реляция упомянута уже в письмах Петра I от 28 июня 1709 г. Царь отправил в тот день послание австрийскому императору Иосифу I, в котором сообщалось, что российский полномочный министр в Вене И.Х. Урбих вручит ему «реляцию с такими обстоятелствы, которые в такой скорости могли получены быти»¹⁹. Другой список реляции в то же число был послан российскому посланнику в Берлине А. фон дер Литу для передачи прусскому королю Фридриху I²⁰. В письме Г.И. Головкина в столицу, написанном 1 июля в Полтаве, М.И. Родостамову предписывалось разослать всем министрам иностранных дворов, пребывавшим в Москве, списки с ранее посланной реляции о победе²¹. Следовательно, первый вариант реляции был отослан в столицу не позднее 1 июля. М.И. Родостамову следовало поднести «несколько десятков таких реляций» «знатнейшим особам» и в первую очередь главе Русской православной церкви, местоблюстителю патриаршего престола митрополиту рязанскому Стефану (Яворскому)²². В публикации же «Писем и бумаг императора Петра Великого» реляция поэтому датирована 9 (20) июля 1709 г. некорректно. Основанием для этого стало то, что один из её списков был приложен к письму царя воронежскому воеводе С.А. Кольчёву, помеченному этой датой²³.

Таким образом, потери русских регулярных войск убитыми и ранеными в битве были определены очень быстро, 27–28 июня 1709 г.

Когда конкретно это могло быть сделано?

Баталия завершилась к 11-ти часам утра. Собравшиеся к собственному обозу, отведённому накануне битвы в тыл к селению Пушкарёвка, разгромленные части шведской армии двинулись отходить далее к Днепру около семи часов вечера. Только после этого в погоню за отступавшим неприятелем «ввечеру» того же дня были посланы генерал-поручик М.М. Голицын с гвардией и генерал-поручик Р.Х. Боур с драгунскими полками. В предшествующее время сколько-нибудь значительного преследования бежавших к своему обозу шведов силами регулярных войск не велось. За отступавшими к Пушкарёвке шведами следовали нерегулярные войска: казаки, калмыки и валахи. Это было время, когда в регулярных частях,

принявших участие в баталии, необходимо и можно было провести переключку, посчитать раненых, выявить погибших, выяснить число пропавших безвестно. Генерал-лейтенант от кавалерии И.Б. фон Вейзбах написал в 1721 г. о подаче им сведений о потерях во вверенных его командованию войсках именно в день Полтавской баталии. Он свидетельствовал, «...что из ево Вейзбаховой каманды побито и ранено, о том значит от него, Вейзбаха, в то число (27 июня 1709 г. — П.К.) поданный генеральной репорт»²⁴. В ходе погони за шведами, отступавшими к Днепру, в последующие дни было совсем не до выяснения статистической отчётности по битве. Некоторые же полки драгун помчались за отрядом шведов-беглецов во главе с королём от Днепра далее к реке Южный Буг и Очакову.

Какие же числа потерь содержатся в первом варианте реляции?

Они почти полностью совпадают с теми, что были приведены в сентябре 1709 г. в печатном тексте «Обстоятельной реляции о главной баталии... июня в 27 день 1709-го лета». Различия минимальны и сводятся к следующему. Во-первых, в варианте реляции от 28 июня 1709 г. не названо число артиллеристов, погибших и раненых на поле битвы (соответственно 9 и 11 чел.). Во-вторых, число раненых российских кавалеристов определено в первичной реляции не в 1454, но в 1453 чел. Причина расхождения в том, что в первой реляции, очевидно, не был посчитан получивший тяжёлое ранение генерал-лейтенант К. Рёнке. Перед напечатанием реляции эта погрешность была исправлена. В-третьих, согласно первой реляции, раненых пехотинцев было 1817 чел., а не 1827 (как указано в печатном варианте). Число 1817 — итог ошибки в подсчётах или описки. В действительности подсчёты дают в сумме 1825. Эти погрешности подсчётов исправлены в «Истории швейской войны», где указано верное число раненых пехотинцев (1825).

Как относиться к цифрам потерь, содержащимся в реляции от 28 июня 1709 г.?

Численность раненых, надо полагать, тогда подсчитали верно. Офицеры и солдаты заявили о своих ранениях; учёт вёлся и в военно-полевых госпиталях. По-другому обстояло дело с такими категориями погибших, как воины, пропавшие без вести и скончавшиеся от ран. Часть пропавших безвестно могла в течение некоторого срока возвратиться в полки, часть раненых — скончаться. Воины, получившие ранения в битве, иногда умирали через достаточно длительное время, в том числе, как свидетельствуют документы, и спустя месяцы после выхода реляции из печати. К примеру, тяжелораненые гренадеры конно-гренадерского полка под командованием полковника

А.С. Кропотова долго оставались на излечении в Полтаве. Из них 14 чел. «от ран померло» не ранее второй половины июля 1709 и до начала 1710 г. Ещё 6 гренадер из состава полка в январе 1710 г. было «за ранами отпущено к Москве»²⁵. В любом случае на сбор уточнённых статистических данных требовалось немалое время.

15 июля 1709 г. в Москве было напечатано письмо Петра I царевичу Алексею от 8 июля того же года. В нём впервые были приведены в печати те цифры потерь в битве, которые стали считаться, так сказать, «окончательными», официальными²⁶. Эти данные о потерях были в точности повторены в «Обстоятельной реляции»²⁷.

Уточнить напечатанные в июле—сентябре 1709 г. данные о людских потерях россиян позволяет привлечение к анализу ранее не использовавшихся для этой цели источников. Это прежде всего уже упомянутая выше «Ведомость ниже писанных драгунских полков, которые были при Полтаве: сколько ундер-офицеров, капралов и драгун было на баталии и что ис того числа побито и затем ныне при полках» из бумаг походной канцелярии А.Д. Меншикова. Названная итоговая ведомость содержит данные о потерях убитыми по каждой из 29-ти названных в ней отдельных боевых частей русской регулярной конницы²⁸ — всех полков и «шквандронов», которые, по мнению автора статьи, реально участвовали в битве 27 июня 1709 г. Согласно «Ведомости ниже писанных драгунских полков...», в битве погибло 625 кавалеристов. Это число предельно близко к данным «Обстоятельной реляции» (623 чел.). Можно заключить, что в названной ведомости отразились сведения, собранные сразу же после битвы в течение 27 и 28 июня 1709 г.

Прояснить более реальную картину (по сравнению с реляцией) потерь российской кавалерии в битве позволяет именно сопоставление данных «Ведомости ниже писанных драгунских полков...» по каждому полку в отдельности с сохранившейся документацией конных полков, участвовавших в Полтавской битве. Полковая статистика — наиболее доскональный вид учёта личного состава, в том числе сведений о потерях.

Продвижение по этому исследовательскому пути показывает, что утвердившиеся в исторической литературе традиционные числа потерь россиян убитыми неполны. Можно утверждать, опираясь на источники, что официальные цифры от 27—28 июня 1709 г. обычно не включают данные о пропавших без вести и о скончавшихся от ран.

Полезно привести несколько примеров сравнения данных из полковых архивов, опубликованных Н.П. Поликарповым в 1909 г.,

к 200-летней годовщине битвы, и «Ведомости ниже писанных драгунских полков...».

Так, согласно «Ведомости», в Сибирском полку пали в ходе баталии 20 драгун. Н.П. Поликарпов опубликовал более полные данные статистики этого полка. По итоговой полковой ведомости действительно было «под Полтавою побито и пропало без вести драгун 20», но кроме них, оказывается, ещё «померло от ран 13»²⁹. Следовательно, 13 скончавшихся от ранений в этом полку не были учтены в итоговых официальных сведениях о потерях, обнаруженных в конце июня – сентябре 1709 г.

В Троицком драгунском полку пали в битве не 30 бойцов, как сказано в «Ведомости», но значительно больше – 44 нижних чина. Ещё 22 драгуна по итогам баталии «в разных месяцах и числах померло от ран и от болезней»³⁰.

По Вологодскому драгунскому полку имеющемуся в «Ведомости» в столбце «Из того числа побито» числу 18 соответствуют в данных полкового архива 15 павших в баталии и 3 умерших от ран. Однако 6 драгун, пропавших безвестно (по сведениям полковой канцелярии), в названной ведомости оказались не учтены³¹.

Если суммировать все опубликованные Н.П. Поликарповым данные по потерям из канцелярий 13-ти регулярных конных полков, то получится, что в битве из состава этих полков погибло 440 всадников. Эти сведения включают воинов, скончавшихся от ран и безвестно пропавших³². По 16-ти из 29-ти кавалерийских полков, участвовавших в баталии, подобные, более полные итоговые данные остаются невыясненными. Согласно «Ведомости ниже писанным драгунским полкам...», в 13-ти полках, по которым выявлены данные, было «побито» в баталии 294 чел. Следовательно, в документе (как сказано, почти совпадающем по данным с реляцией) не учтено 146 погибших. Не сосчитаны в реляции и 14 гренадер, скончавшихся от ран в конногренадерском полку А.С. Кропотова после 14 июля 1709 и до начала 1710 г., которые остались на излечении в Полтаве. Стоит учесть и единичный факт. В апреле 1710 г. вдова князя П.М. Горчакова писала на царское имя: «В прошлом, государь, 709-м году на твоей государевой службе под Платавою на баталии мужа моего подполковника князь Петра Михайловича Горчакова убили»³³. Подполковник князь П.М. Горчаков в реляции назван среди раненых кавалеристов.

Подводя черту расчётам, на основании приведённых выше надёжных документов можно утверждать, что в Полтавской битве погибло не 623 кавалериста (данные реляции), но не менее 784 бойцов регулярной конницы.

Как уже говорилось, это неполные сведения. Других данных полковых канцелярий о потерях россиян в битве до настоящего времени в научное обращение не введено. Возможно даже, что ожидать на этом направлении исследований существенного прорыва в итоге архивных поисков не стоит: многие материалы полкового учёта погибли во время Прутского похода 1711 г. и в ходе иных событий Великой северной войны.

В силу сказанного имеет смысл на основе уже опубликованных сведений предположительно рассчитать вероятное число погибших с российской стороны кавалеристов во всех участвовавших в генеральном сражении полках. По «Ведомости ниже писанным драгунским полкам» в составе 13-ти конных полков, по которым есть уточнённые данные (не попавшие в «Обстоятельную реляцию») о числе погибших от ран и безвестно пропавших, в баталии участвовал 9531 всадник. Общие потери погибшими в этих полках равнялись 461 чел. В остальных 16-ти кавалерийских полках (10 575 всадников), если принять то же соотношение, «за веру, царя и Отечество» могли погибнуть в битве 512 чел. Суммируя, получим вероятное число погибших кавалеристов из всех 29-ти полков, участвовавших в баталии, — 973. Это число на 350 всадников больше традиционных цифр, имеющих в реляции.

Вполне очевидно, что в «Обстоятельной реляции» и в «Истории швейской войны» также не названы полные данные о павших пехотинцах — в них не учтено некоторое число умерших от ран из общего числа раненых пехотинцев (1825 чел.).

Н.П. Поликарповым опубликованы выявленные им сведения только по трём пехотным полкам: по Троицкому, А.Ю. Инглиса и Новгородскому. В первом из названных полков было 15 павших³⁴. Один из двух батальонов Троицкого полка был двинут из ретраншемента к Крестовоздвиженскому монастырю, другой остался в резерве в укрепленном лагере. Полк А.Ю. Инглиса (654 чел.) был отправлен в составе отряда С. фон Ренцеля против колонны К.Г. Рууса³⁵. Этот полк потерял 9 чел. убитыми, 5 скончавшимися от ран (в том числе 2 много позднее в Великом Новгороде) и 42 чел. ранеными³⁶. Большие потери имел Новгородский полк, введённый в дело на второй, решающей фазе битвы. Его бойцы встретили атаку шведской пехоты на поле перед ретраншементом. Из командного состава полк потерял погибшими бригадира и подпоручика. Н.П. Поликарпов ввёл в научное обращение данные, что в битве пало 69 нижних чинов и 53 чел. скончались от ран³⁷. Однако в итоговой полковой ведомости 1721 г., на которую он сослался, приведены несколько другие данные:

«В 709-м году... под Полтавою побито 69, от ран померло 56»³⁸. По смыслу записи, в ведомости помещены данные о потерях только нижних чинов. Можно поэтому считать, что общие безвозвратные потери Новгородского полка составили 127 воинов: 2 офицера, 69 павших на поле битвы и 56 умерших от полученных ран нижних чинов.

Итогового статистического документа, подобного «Ведомости ниже писанным драгунским полкам...», по пехоте, участвовавшей в Полтавской битве, доньше не выявлено, поэтому провести сопоставления по потерям с имеющимися данными полковых канцелярий Троицкого, А.Ю. Инглиса и Новгородского полков невозможно. Сколько скончавшихся от ран и безвестно пропавших воинов не были включены в названное в официальных русских источниках число погибших (712 чел.), остаётся неизвестным. Выявлены только «случайные» сведения о 2-х пехотинцах, скончавшихся от ранений много позже, далеко от места баталии — в Великом Новгороде (естественно, они не учтены среди погибших в «Обстоятельной реляции»). Нет, впрочем, причин не приплюсовать их. Общее число погибших из состава регулярных российских войск, полученное на документальной основе, в итоге возрастает с 1344 до не менее 1507 чел.

Официальные источники Петровской эпохи полностью обходят молчанием вопрос о числе погибших в битве казаков, калмыков, валахов и татар. Потери среди нерегулярных войск, деятельно участвовавших на всех этапах столь грандиозной по тем временам битвы, безусловно, были. Однако судить о них на документальной почве нет возможности. Ни один первоисточник, в котором было бы сказано о потерях нерегулярных частей, доньше не обнаружен.

Подводя итог, можно по-прежнему утверждать, как это сделано в реляциях 1709 г., что победа 27 июня была одержана «с малым уроном наших войск», «малою кровию». Светлейший князь А.Д. Меншиков так написал об этом счастливом обстоятельстве 10 июля 1709 г. польскому великому коронному гетману А.Н. Сенявскому: «Также считаю особенной милостью Бога, что при таких важных событиях пало весьма мало нашего народа»³⁹.

Цена поражения

В подавляющем большинстве трудов российских историков шведские потери просто называются в соответствии с цифрами, приведёнными в официальных источниках: реляциях 1709 г. или «Истории свейской войны». Исследовательская перепроверка русских сведений о безвозвратных потерях шведских войск в битве 27 июня 1709 г. начата совсем недавно⁴⁰.

Необходимость размышлений по поводу природы утвердившихся в историографии официальных данных о шведских потерях в Полтавской битве более чем оправдана. Какова их природа? Насколько они точны?

Попытаемся разобраться с этим столь немалозначимым вопросом.

В варианте реляции о битве от 28 июня 1709 г. сказано: «Получено известие от посланных для погребания мертвых по баталии, что они на боевом месте и круг одного сочли и погребли шведских мертвых тел 8619 человек, кроме тех, которые в погоне по лесам в разных местах побиты»⁴¹. Эти же сведения приведены и в послании А.Д. Меншикова на французском языке, написанном вскоре после баталии⁴².

Ряд современных событию источников содержит близкие цифры шведских потерь.

Голландский резидент Г. ван дер Гульст писал 9 (20) июля 1709 г. из Москвы о 8362 погибших и 4652 пленённых шведах⁴³. В послании А.Д. Меншикова А.Н. Сенявскому на польском языке от 10 июля 1709 г. из-под Полтавы сказано, что на месте битвы пало убитыми 8275 чел. шведов и взяты в плен «около 3000 рядовых солдат»⁴⁴. Заметная разница в показаниях этих источников, надо думать, отражает сам процесс выявления, уточнения данных о шведских потерях. Крайне показательно, что А.Д. Меншиков через две недели после баталии нашёл необходимым назвать меньшие цифры урона шведов убитыми.

Генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев сообщил в письме князю Ф.Ю. Ромодановскому от 4 июля 1709 г., что «...войска его (Карла XII. — П.К.) на главной баталии побито близ 10 000...»⁴⁵. Это число явно округлённое. Оно существенно больше, чем имеющееся в реляциях 1709 г.

Не вписывается в рамки официальной версии своей умеренностью оценочное известие одного из ключевых российских полководцев, командовавших в битве, — генерала Л.-Н. де Алларта (1659—1727). В истории Великой северной войны, принадлежащей его перу, он привёл численность павших на месте баталии шведов с большим разбросом и округлённо: 4000—6000 чел.⁴⁶

Согласно «Обстоятельной реляции», «на боевом месте и у редут» насчитали 9224 тела павших неприятелей. Трупы погибших находились в окружности более трёх немецких миль на полях и в лесах, поэтому в более удалённых местах их невозможно было точно пересчитать⁴⁷. Взятый в плен в ходе баталии 27 июня 1709 г. генералитет, полковники, подполковники и четверо из пяти майоров перечислены в

приложенной к печатной реляции росписи поимённо; остальные пленные названы суммарно согласно их воинским чинам⁴⁸. Официальные российские данные о попавших в плен 2973 чел. строевого состава шведов⁴⁹ едва ли могут быть оспорены серьёзным образом. Можно считать, что шведские пленные были подсчитаны с самой высокой степенью точности. Для этого имелись все необходимые предпосылки. В «Истории швейской войны» повторено, что определённое число погибших шведов — итог пересчёта тел «на боевом месте и у редут», но названо уже 9234 чел. (итог описки? — П.К.). Повторяется, что тела же тех, кто «в розни по лесам и полям побиты и от ран умерли», «счесть было невозможно»⁵⁰.

Целям пропагандистского возвеличивания одержанной победы служило утверждение, высказанное авторами российских официальных известий о битве, что реальное число погибших с вражеской стороны могло простираться от 10 до 13-ти тысяч. В «Обстоятельной реляции» говорится: «...от самой Полтавы в циркумференции мили на три и болше на всех полях и лесах мертвья неприятельския телеса обретались и чаем оных от десяти до тринаццати тысящ побито»⁵¹.

Некоторые отечественные авторы стали развивать в своих трудах именно эту линию. Дальше всех пошёл, пожалуй, известный пропагандист официальной политики самодержавия церковный деятель, яркий оратор и писатель Феофан (Прокопович). Он, ничтоже сумняшеся, заявил в «Истории императора Петра Великого», написанной во втором десятилетии XVIII в.: «...чаем, побито их до двадцати тысящ»⁵². Приведённое Феофаном «доказательство» было позаимствовано из официальной реляции. Оно относится к области предположений: «...ибо на самом боевом месте да у редут перечтено девять тысящ двести двадцать и четыре трупа»⁵³. Таким образом, число потерь, подсчитанных на месте, где произошли главные события битвы (у редутов и на поле позади них), Феофан считал полезным в интересах пропаганды увеличить более чем вдвое.

Другой панегирист деяний Петра Великого П.Н. Крёкшин, прославляя одержанную 27 июня 1709 г. великую победу, тоже развивал известное ему упоминание в печатной реляции о 10 000—13 000 возможно павших в битве шведов. В 28-м томе своей незаконченной истории первого российского императора он писал о его распоряжении: «...изволил повелеть собрать побиенные неприятельския тела и предать погребению; по достоверному исчислению побиенных 13 281 собрано...»⁵⁴. П.Н. Крёкшин для придания своему историко-литературному труду высокой степени убедительности возмещал слабость документальной базы использованием художественных

приёмов. Одним из распространённых способов такого рода в его арсенале литературных средств было употребление точных цифр. Неискушённый в особенностях творческой манеры П.Н. Крёкшина читатель довольно тонко подталкивался тем самым к мысли, что в руках у историка (точнее сказать, писателя), автора этого труда, имелся достоверный источник, который уже утерян, и поэтому следует доверять прочитанному уникальному известию.

Надо сказать, что П.Н. Крёкшин являлся даровитым писателем. Его рукописи убеждали очень многих, становились источником многочисленных мифов, густо насытивших российскую историографию Полтавской битвы. Для примера, посчитал убедительным и без каких-либо оговорок принял за истину этот удачный художественно-литературный вымысел П.Н. Крёкшина о масштабе безвозвратных шведских потерь в баталии 27 июня 1709 г. (13 281 чел.) известный военный историк И.Е. Порфирьев⁵⁵.

Надо сказать, что учёт по телам павших противников в больших баталиях на практике обычно грешил неточностью, давал простор разного рода манипуляциям с числами. Одни и те же трупы могли посчитать несколько раз, некоторые тела собственных солдат могли сосчитать в числе павших неприятелей, погибших нестроевых включить в число солдат и др. На эти обстоятельства неоднократно обращалось внимание военными историками. Так, Х.Э. Палли для выяснения объективных, приближенных к действительности цифр потерь применял следующую методику расчётов. Он из наиболее надёжных среди разных видов источников данных полкового учёта о численности войск накануне сражения, полученных на основе переключек, вычитал сведения пересчёта войск, сумевших избежать гибели или плена, на смотрах спустя некоторое время после баталии. В итоге получалось число потерь погибшими, пленными и беглыми из войск. По аналитическим выкладкам Х.Э. Палли, в сражении при мызе Эраствере, произошедшем 29 декабря 1701 г., со шведской стороны, если опираться на сведения смотровых списков, подготовленных незадолго до баталии, участвовало примерно 3700—3800 чел. Из них погибло 1000—1400 воинов⁵⁶. По русским же данным было только «мертвых сочтено более 3000» и 367 чел. взяты в плен⁵⁷. Именно последние числа без аналитической перепроверки обычно приводятся в отечественной историографии⁵⁸. Или, согласно походному журналу Б.П. Шереметева, на поле сражения 18 июля 1702 г. близ мызы Хуммули русские насчитали 5490 тел погибших шведских военнослужащих. Сопоставление этого хрестоматийного для отечественной литературы числа с данными о собравшихся после баталии швед-

ских войсках показывают его очевидную недостоверность. Из чуть более 7000 чел. шведский полководец В.А. Шлиппенбах сумел вернуть под боевые знамёна около 3500; потери павшими и пленными составили 3500—3700 чел., причём в это число условно включается неизвестное число дезертиров, разбежавшихся по домам⁵⁹.

Не меньшие трудности возникали и с подсчётами по телам собственных павших воинов, особенно младшего командного и рядового состава. Последняя редакция «Истории швейцарской войны» сообщает, что, к примеру, в сражении при Эраствере россиян погибло «около 1000 человек»; близ Хуммули «с нашей стороны побито: полковник Юрья Лим, обер-офицеров человек з 10, урядников и рядовых с 400»⁶⁰. Как видно, приведены примерные числа. Если есть возможность, такие данные следует уточнять.

Представляется, что можно испробовать описанную выше методику расчёта павших шведов на поле битвы, опирающуюся на точные данные переключек, учёта воинов налицо до и после баталии.

По авторитетному мнению П. Энглунда, весь строевой личный состав шведской армии в предрассветные часы перед началом битвы насчитывал 24 300 чел.⁶¹ Это число должно складываться, очевидно, из следующих данных о шведских войсках. В наступление на русские укрепленные позиции под водительством короля двинулись 7800 кавалеристов, 8170 пехотинцев, 30 чел. артиллерийской команды и около 1000 всадников валашской конницы (всего 17 000). В обозе близ селения Пушкарёвка находилось 2250 раненых, больных и калек — едва ли не все они были пленены на берегу Днепра. Для поддержания видимости продолжения осады Полтавской крепости рядом были оставлены 1100 пехотинцев — остатки этого отряда тоже смогли отступить к Переволочне⁶². Кроме того, кавалерийские резервы насчитывали 6 рейтарских (2142 всадника) и 5 драгунских полков (2150 бойцов). Эта численность регулярной кавалерии, оказавшейся во время битвы в резерве и не принявшей в ней участия, указана в «Истории швейцарской войны». Пленных пересчитали налицо у Днепра после сдачи шведской армии⁶³. Неизвестное количество шведов утонуло при предпринятых ими от отчаяния попытках переправиться вплавь через Днепр⁶⁴. Можно предполагать, что таковых могло набраться от десятков до нескольких сотен. Для полноты расчётов возьмём условное число, приблизительно соответствующее имеющимся свидетельствам о попытках шведов переплыть реку, — 150 чел.

Для проведения расчётов необходимо иметь также правдивые сведения о численности ушедшего за Днепр шведского отряда во

главе с королём. Сколько шведов бежало за Днепр — вопрос спорный. Казаков, безусловно, было значительно больше шведов. Генерал-майор польской службы С. Понятовский, сопровождавший шведского короля до турецкой границы и далее, утверждал, что собственно шведский отряд состоял «из нескольких сот всадников». Казаков же бежало за Днепр от 4000 до 5000 чел.⁶⁵ Конный драбант Х. Гасман, участник бегства шведов от Днепра до Южного Буга, свидетельствовал, что отряд был «в количестве приблизительно 500—600 человек»⁶⁶. Французский дипломат Ж.-Л. Дуссон, маркиз де Боньяк, специализировался на межгосударственных отношениях на востоке европейского континента. В аналитической записке, представленной при дворе Людовика XIV (сентябрь 1711 г.), он привёл такую же численность каролинцев, сопровождавших короля за Днепром, — от 500 до 600 чел.⁶⁷

Иностранные известия полезно сопоставить с данными российской стороны. Согласно «Обстоятельной реляции», из «немногих сот» шведов, переправившихся через Днепр, в ходе преследования, продолжавшегося до реки Южный Буг, около 200 чел. были перебиты и более 260 чел. взяты в плен⁶⁸. Эти данные повторены и в «Истории швейцарской войны»⁶⁹. Сам царь писал 8 июля 1709 г., что Карл XII ушёл за Днепр «с 6-ю или 7 стами» собственного воинства⁷⁰. Как представляется, вполне оправданно принять численность собственно шведского отряда, возглавляемого королём, приближённо в 600 чел.

Суммировав все вышеприведённые данные о численности строевого личного состава шведской армии на момент начала Полтавской битвы, выходим на число, близкое к рассчитанному П. Энглундом, — около 25 400 чел.

Все пленные каролинцы были тщательным образом пересчитаны после сдачи в плен шведской армии 30 июня 1709 г. на берегу Днепра. На основании этих собранных путём опросов и пересчёта людей данных была составлена «Роспись, что у Переволочны при Днепре осталого войска здалось...». Она помещена в «Истории швейцарской войны»⁷¹. Согласно «Росписи», считая только строевые чины, было пленено 5035 бойцов шведской пехоты, 4341 рейтар, 4691 драгун и 200 артиллеристов — всего 14 267 чел. Отметим, что бойцы полка валашской конницы, участвовавшие в битве, среди пленных не названы. Этот полк действовал для отвлечения внимания российского командования на самом удалённом от путей для бегства участке — на возвышенности вдоль Ворсклы по направлению к укреплённому лагерю россиян. Очевидно, полк понёс большие потери, его остатки рассеялись вместе с казаками-изменниками, не желав-

шими виселицы. Как бы то ни было, в ведомостях регулярных шведских войск, пленённых при Полтаве и у Переволочны, валахи отсутствуют.

Теперь можно перейти к перепроверке сведений о потерях армии Карла XII в Полтавской битве, указанных на основании пересчёта тел в «Истории шведской войны». Остатки шведской армии были прижаты к Днепру, где, не принимая сражения, сдались. Следовательно, из рассчитанной выше численности шведской армии, находившейся перед битвой у Полтавы (около 25 400 чел. строевого состава), следует вычесть число шведских воинов, пленённых на поле битвы (2973) и близ Переволочны (14 267). Некоторое количество шведов, кроме того, утонуло в широкой и глубокой реке (для расчётов предложено условное число — 150 чел.). Численность шведского отряда, бежавшего за Днепр во главе с королём, можно считать в 600 чел. Вычитая эти цифры из общего количества строевого состава шведской армии перед битвой, получим потери шведской армии убитыми в решающей битве Великой северной войны — 7410 чел.

Если предложенные автором статьи расчёты верны в своей основе, то почему и в первом (8619), и во втором варианте реляции (9224), и в «Истории шведской войны» (9234) приведены преувеличенные данные о потерях шведов убитыми?

Стоит вспомнить, что это официальные материалы, обслуживавшие интересы российской государственной машины, рождавшейся на востоке европейского континента новой великой державы. Пропагандистская функция государства — одна из тех, значение которой никак нельзя недооценивать. Борьбе за европейское общественное мнение, за распространение в Европе понимания новой роли России Пётр I и его окружение придавали большое значение. Чем выше потери образцовой и славной в Европе шведской армии, тем больше престиж победителей. Возможно, именно поэтому лица, отвечавшие за формирование в политических кругах Европы нового облика преобразуемой царём-реформатором страны, заявившей претензии на положение полноправной великой державы, избрали именно путь пересчёта шведских потерь по телам. Альтернативный путь был возможен. Можно было рассчитать численность шведской армии перед битвой, опросив пленных командиров полков, полковых писарей, комиссаров и другие чины, ответственные за выдачу жалованья и учёт личного состава. Можно было сопоставить эти данные с ведомостями взятых в плен по полкам и т. д. В итоге были бы получены уточнённые данные, но больших усилий в этом направлении предпринято не было.

Как итог, численность шведских потерь убитыми в известиях официальных русских реляций, по мнению автора статьи, оказалась завышенной.

Можно думать, что в обоих вариантах реляции названа та численность тел павших, которая включила погибших союзников шведов: не успевших убежать мятежных запорожцев, валахов и казаков из окружения престарелого интригана Мазепы. В ходе битвы запорожцы и мазепинцы следовали позади атаковавших русские позиции шведских войск. Они не смогли преодолеть линии поперечных редутов. Наблюдавший их действия пастор Д. Крман зафиксировал в своём дневнике на латинском языке, что казаки обратились в бегство, как только их атаковали «много тысяч калмыков» из Будищенского леса и «неприятельские эскадроны, выступившие из города»⁷². Эскадроны были не из Полтавы – может быть, следовало перевести с латыни: от земляного укрепления? На равнину перед редутами после разгрома отряда К.Г. Рууса прорвались 5 драгунских полков под командованием И.К. Хейнске, казаки и калмыки. Об их работе – рубить казаков-изменников и валахов – русские источники умалчивают ввиду очевидной малой значимости этой задачи. Низкая степень умения выстраивать боевые порядки, маневрировать в строю на поле боя, отсутствие стойкости и склонность к мятежам «таких своевольных» запорожских казаков не являлись тайной ни для российской правящей верхушки, ни для гетмана И.С. Мазепы. Бывший посол в Речи Посполитой Г.Ф. Долгоруков 22 января 1709 г. писал царю о запорожских казаках: «...в оных, кроме своевольства и опасности, лишней службы нет»⁷³. Сам бывший гетман Мазепа писал «о запорожцах, представляя неверность и шатость их и советуя о ускорении и разорении оных». Такие писания Мазепы начальнику Посольского приказа Ф.А. Головину (1650–1706) царь потребовал отыскать в Москве в начале 1709 г.⁷⁴

Эффективность русской и шведской армий в битве

Теперь можно рассчитать и сопоставить эффективность русской и шведской армий на поле брани на предложенной новой фактической основе. В.А. Артамонов предложил вернуться к использованию в отечественных трудах по военной истории уже подзабытой старой формулы: эффективность = потери противника павшими, ранеными и пленными / численность собственных войск⁷⁵.

Эффективность действий русской армии оправданно рассчитывать, учитывая только реально действовавшие против неприятеля профессиональные войска. Это гарнизоны редутов (4730 чел.), первая

линия пехоты (до 10 000 чел.), высланные против отряда К.Г. Рууса пять батальонов (2486 чел.)⁷⁶. Активные действия против шведов предпринял в ходе битвы гарнизон Полтавской крепости. М.М. Глезнев, в 1709 г. адъютант полка коменданта Полтавской крепости А.С. Келина (Тверской полк), свидетельствовал в 1720 г., что в день битвы он «был... во атаке, как с неприятелем зачелась баталия, и нам был приказ, чтоб итить на неприятелские шанцы»⁷⁷. Гарнизон состоял из семи батальонов: Тверской и Устюжский полки (по 2 бат.), по батальону из полков Апраксина, Пермского и Фихтенгейма⁷⁸. В Тверском и Устюжском полках «по Полтавской баталии было» соответственно 530 и 604 чел. Полки Апраксина и Пермский имели тогда численность 661 и 879 чел.⁷⁹ Можно условно считать в одном батальоне половину численности полка. Действовавший против отряда К.Г. Рууса батальон полка Фихтенгейма насчитывал 309 чел.⁸⁰, будем полагать поэтому другой батальон полка численно равным первому. Численность гарнизона Полтавской крепости получается условно равной 2213 чел. П. Энглунд считал, что в ходе баталии из крепости выступили четыре батальона (2000 чел.)⁸¹. Что вышли атаковать позиции шведских войск не все войска гарнизона, считать более чем оправданно. Оставить крепость вовсе лишённой защитников было слишком неразумно, чтобы предположить иное. Можно поэтому принять численность выступивших из Полтавы российских войск равняющейся 1500 чел.

Три батальона под началом полковника И.М. Головина царь послал из ретраншемента по дороге вдоль Ворсклы на юг к занятому небольшим отрядом шведов Крестовоздвиженскому монастырю. Их целью было занять постройки монастыря, расположенного на возвышенности вблизи Полтавы, установить связь с гарнизоном Полтавской крепости «для всякого случая» и оказать ему необходимое содействие.

К монастырю двинулись оба батальона Ростовского полка и один Троицкого. Офицеры Троицкого пехотного полка утверждали в конце войны в письменных рассказах о собственной службе следующее: «И, будучи под Полтавою в 709 году в команде генерала Ренцеля, командрован полк к монастырю, который близ Полтавы при шанцах, к крепости. Взял генерал-майора швецкого (К.Г. Рууса. — Л.К.) во оной крепости с баталионом, и в помянутом монастыре оставлены были Троицкой и Ростовской полки для строения крепости, а при оной команде был Иван Михайлович Головин. А как прибыл Царское Величество того ж числа в помянутой монастырь, повелел итить в лагерь к армии»⁸². Из двух батальонов Троицкого

полка, согласно другим документам, только один участвовал в броске к монастырю и последующей атаке на Гвардейский шанец⁸³.

В Ростовском пехотном полку, согласно ведомости 1711 г. за подписью А.Д. Меншикова, «по Полтавской баталии было» по списку большое количество людей — 1908 чел.⁸⁴ Нет оснований не доверять этому документу. О переформировании, роспуске и, напротив, пополнении ряда российских полков накануне Полтавской битвы известны скупые и разрозненные сведения. Вероятно, в Ростовский полк был влит личный состав какого-либо расформированного полка (Ивангородского или Переяславского?). В день баталии, по ведомости за подписью Б.П. Шереметева 1709 г., Ростовский полк состоял из 2-х батальонов⁸⁵. Значит, в бой из ретраншемента двинулся весь полк. Списочная численность личного состава всегда несколько превышала наличный строевой состав, поэтому можно принять его округлённо равным 1700 чел.

О численности Троицкого пехотного полка в 1709 г. удалось выявить только обобщённые данные. По сведениям полковой канцелярии в нём состоял 961 чел. На протяжении года в полк прибыло 350 чел., по разным причинам убыло 253 чел.⁸⁶ Таким образом, есть документальное основание принять для расчётов списочную численность одного батальона полка в 480 чел. (конечно, с долей условности), действительную — приближённо в 400 чел. Следовательно, численность трёх батальонов под командованием И.М. Головина, двинувшихся с целью снятия блокады Полтавской крепости, можно считать округлённо в 2100 бойцов строевого состава.

Регулярная кавалерия насчитывала, согласно «Ведомости ниже писанных драгунских полков, которые были при Полтаве: сколько унтер-офицеров, капралов и драгун было на баталии и что ис того числа побито и затем ныне при полках» 20 106 нижних чинов. В конно-гренадерских и драгунских полках имелись обычно (по штатному расписанию) следующие строевые чины: полковник, подполковник, майор, адъютант, по 10 капитанов, поручиков, подпоручиков — всего 34 штаб- и обер-офицера. В 26-ти конно-гренадерских и драгунских полках, следовательно, можно считать около 884 всадников-офицеров. Ещё один конно-гренадерский полк (Третий конно-гренадерский полк полковника К.К. фон дер Роппа) имел в день битвы в строю только 443 всадника из нижних чинов. Его поэтому следует числить вместе с двумя «шквандронами» — кавалерийскими полками половинного состава. В «шквандронах», как следует из табелей личного состава 1709 г., штатная численность строевых офицеров была следующей: 2 майора, адъютант, 6 капитанов (иногда именовались

ротмистрами), 6 поручиков (или же подпоручиков) и 3 прапорщика — всего 18 чел. Укомплектованность офицерским составом накануне Полтавской битвы была высокой, иногда даже несколько превышала штатную. Так, в Генеральном «шквандроне» по апрельской 1709 г. табели личного состава имелся полный комплект офицеров — 18 чел.⁸⁷ Таким образом, кавалерийских офицеров в 29 кавалерийских полках и «шквандронах» следует считать примерно 938 чел.; во всей регулярной кавалерии — 21 044 всадника.

Если сложить все приведённые выше числа, получим число российских воинов, реально (с применением оружия) участвовавших в боевых действиях в ходе баталии, — 41 860 чел.

Согласно приведённым выше подсчётам автора статьи, во время битвы шведы потеряли убитыми около 7410 воинов. Ещё 2973 строевого состава попали в плен (среди них было много раненых). При таком раскладе эффективность русских войск будет очень высокой, составляя 25%: усреднённо каждая сотня сражавшихся вывела из строя 25 бойцов шведской армии.

В качестве реально сражавшихся шведских войск следует считать 17 000 чел., действовавших вместе с королём, и около 1300 чел. (1100 пехоты и 200 конницы⁸⁸), участвовавших в боях вблизи Полтавской крепости⁸⁹. Сумма кровавых потерь регулярных российских войск в битве при Полтаве (убитые и раненые) названа в «Обстоятельной реляции»: 4636 чел. Эффективность действия шведской армии оказывается одинаковой с россиянами — 25%!

Проделанные расчёты ещё раз подчеркивают: как шведские, так и российские офицеры и солдаты показали на полях под Полтавой высокое воинское мастерство и мужество. Битва носила упорный, ожесточённый характер. Карл XII погубил на полях под Полтавой цвет шведского воинства, превосходную армию. Колоссальный урон шведской армии в великой битве 27 июня 1709 г. — это в немалой степени следствие, с одной стороны, именно высокого уровня полководческого искусства Петра I, а с другой стороны, многочисленных ошибок, допущенных Карлом XII как военачальником.

¹ *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 223.

² *Кротов П.А.* Полтавская баталия: некоторые дискуссионные и неисследованные вопросы // XV конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М., 2004. С. 106–108.

³ *Быкова Т.А.* Первые печатные источники о Полтавской победе // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 354–355.

⁴ РГАДА. Ф. 160 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и к высоким особам на русском языке). Оп. 1, 1709 г. Д. 1. Л. 186.

⁵ Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909 / Сост. В.Е. Борисовым, А.А. Балтийским, А.А. Носковым. СПб., 1909. С. 14.

⁶ ГСВ. М., 2004. Вып. 1. С. 318–319.

⁷ Дневник военных действий Полтавской битвы // ТРВИО. СПб., 1909. Т. III. С. 291.

⁸ *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщённых известий и словесных преданий. СПб., 1772. С. 98.

⁹ *Голиков И.И.* Дополнение к «Деяниям Петра Великого», содержащее полное описание славных Полтавских победы и предшествовавшая измены Мазепы. М., 1795. Т. 15. С. 153.

¹⁰ Например: *Моисеева Г.Н.* Крёкшин Пётр Никифорович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 145; Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь / Редактор-составитель Э.П. Карпеев. М., 2001. С. 85.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 19 (Петроградская духовная консистория). Оп. 112. Д. 44. Л. 594 об.; Д. 48. Л. 507; Д. 54. Л. 610.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 57. Л. 117, 132.

¹³ Этот документ хранится: Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 3187. Л. 1.

¹⁴ ПБИПВ. М.; Л., 1950. Т. 9, вып. 1. С. 274.

¹⁵ Des Moscovitischen Adlers unvermutheter Sieg uber dem Nordischen Ldwen in Polen und Moscau, worinnen vornehmlich die leYtere Action mit der Moscovitischen Armee und unglöcklicher Niederlage des Künigs von Schweden den 27. Jun. Styl. Vet. 1709. ohnweit Pultawa umständlich und mit curieuses Anmerckungen vorgestellt wird. Kцln. Bey P. Marteau [1709. S. 27.]

¹⁶ *А.Л.* Донесение голландца фан дер Хэльста о Полтавской битве: Из неизданных материалов нидерландских архивов // Правительственный вестник. 1909. № 177, августа 19. С. 2.

¹⁷ ПБИПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 262.

¹⁸ Wienerisches Diarium. № 627 (6. Augusti 1709). [S. 13–16].

¹⁹ ПБИПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 239.

²⁰ Там же. С. 240.

²¹ РГАДА. Ф. 160. Оп. 1, 1709 г. Д. 1. Л. 148 об.

²² Там же. Л. 148.

²³ ПБИПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 279.

²⁴ РГВИА. Ф. 412 (Сведения о русских войсках, их управлении и занятиях в мирное время). Оп. 1. Д. 58. Л. 6.

²⁵ Там же. Д. 56. Л. 315.

²⁶ В письме Его Царского Величества ко благороднейшему государю царевичу лейб-гвардии с господином подполковником князем Долгоруковым от Полтавы в 8 день июля писано. Печатано в Москве 1709-го июля в 15 день. Л. 1 об.—3 об.

²⁷ Полтавская битва... С. 14.

²⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3187. Л. 1. В ведомости перечислены 24 драгунских полка, 3 конно-гренадерских, «Генеральной шквандрон» и объединённые в одну боевую единицу Воронежский и Раненбургский «шквандроны».

²⁹ РГВИА. Ф. 412. Оп. 1. Д. 59. Л. 214 об.; [*Поликарпов Н.П.*] О войсковых частях, принимавших участие в «генеральной баталии» под гор. Полтавой 27-го июня 1709 года (по архивным изысканиям) // ВС. 1909. № 5. С. 248.

³⁰ Там же. С. 249; РГВИА. Ф. 490 (Коллекция офицерских сказок). Оп. 2. Д. 20. Л. 6 об.

³¹ [Поликарпов Н.П.] О войсковых частях... // ВС. 1909. № 4. С. 242.

³² Там же. № 4. С. 241–246; № 5. С. 241–250; № 6. С. 219–224.

³³ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 12. Л. 512.

³⁴ [Поликарпов Н.П.] О войсковых частях... // ВС. 1909. № 7. С. 240.

³⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 14. Л. 382.

³⁶ [Поликарпов Н.П.] О войсковых частях... // ВС. 1909. № 8. С. 235; *Игнатович Д.* История 85 пехотного Его Императорского Королевского Величества императора германского, короля прусского Вильгельма II полка. СПб., 1900. Вып. 1. С. 52–53.

³⁷ [Поликарпов Н.П.] О войсковых частях... // ВС. 1909. № 6. С. 228.

³⁸ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 48. Л. 7.

³⁹ РГАДА. Ф. 198 (А.Д. Меншиков). Оп. 1. Д. 1196. Л. 2, 4.

⁴⁰ См.: *Беспалов А.В.* Потери офицерского корпуса шведской армии в сражении под Полтавой 27/ 28 июня 1709 г. // Рейтар. 2006. № 3. С. 38–53.

⁴¹ ПБИПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 262.

⁴² РГАДА. Ф. 96 (Сношения России с Швецией). Оп. 1, 1709 г. Д. 4. Л. 4, 9. Письмо А.Д. Меншикова не имеет ни адресата, ни подписи, ни даты.

⁴³ *А.Л.* Донесение голландца фан дер Хэльста о Полтавской битве: Из неизданных материалов нидерландских архивов. С. 2.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1196. Л. 3.

⁴⁵ Сб. РИО. СПб., 1879. Т. 25. С. 153.

⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 885 (Эрмитажное собрание). № 314. Л. 79 об.

⁴⁷ Полтавская битва... С. 9.

⁴⁸ Там же. С. 10–11.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ ГСВ. Вып. 1. С. 162, 304.

⁵¹ Полтавская битва... С. 9. То же см.: ГСВ. Вып. 1. С. 162, 304.

⁵² Полтавская битва... С. 34.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Дневник военных действий Полтавской битвы. С. 298.

⁵⁵ *Порфирьев Е.И.* Полтавское сражение 27 июня 1709 г. М., 1959. С. 56.

⁵⁶ *Палли Х.Э.* Между двумя боями за Нарву: Эстония в первые годы Северной войны. 1701–1704. Таллин, 1966. С. 155–157.

⁵⁷ ГСВ. Вып. 1. С. 88, 216.

⁵⁸ См. из последних примеров: *История Северной войны. 1700–1721 гг.* М., 1987. С. 58.

⁵⁹ *Палли Х.Э.* Между двумя боями за Нарву... С. 174–175, 182–184.

⁶⁰ ГСВ. Вып. 1. С. 216, 218.

⁶¹ *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 55.

⁶² Там же. С. 55, 75, 83.

⁶³ ГСВ. Вып. 1. С. 307–313. Следуя приведённым в «Гистории свеиской войны» наименованиям, это рейтарские полки «Зидершонской», «Корельский», «Лифланской адолсфан», «Ниляндской», «Нордершхонской» и «Шведский адолсфанов». Пять драгунских полков, пребывавших в резерве, — это «Алфенделев», «Вернештетсков», «Меэрфелтов», «Шлипенбахов» и «Шрейтерфелтов».

⁶⁴ См.: *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 242–243.

⁶⁵ *Горяинов С.М.* Записки сподвижника Карла XII (К истории Северной войны) // ЖИРВИО. 1910. Кн. 2, II. С. 40.

⁶⁶ *Гассман Х.* Странствования. Париж, 1971. С. 34.

- ⁶⁷ [Bonac, de] Mémoire du marquis de Bonac sur les affaires du Nord, de 1700 a 1710 // Revue d'histoire diplomatique. P., 1888. Année 2. P. 624.
- ⁶⁸ Полтавская битва... С. 10.
- ⁶⁹ ГСВ. Вып. 1. С. 306.
- ⁷⁰ ПБИПВ. Т. 9. Вып. 1. С. 244.
- ⁷¹ ГСВ. Вып. 1. С. 307–318.
- ⁷² Шутый В.Е. Малоизвестный источник по истории Северной войны // ВИ. 1976. № 12. С. 107–108.
- ⁷³ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 9. Л. 253 об.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 160. Оп. 1, 1709 г. Д. 1. Л. 31.
- ⁷⁵ Артамонов В.А. 1. Эффективность полевых сражений русской армии в Северной войне // От Нарвы к Ништадту: Петровская Россия в годы Северной войны 1700–1721 гг.: Сб. материалов Всероссийской научной конференции, посвящённой 280-летию со дня заключения Ништадтского мира. СПб., 2001. С. 8–9; 2. Боевой дух армий России и Швеции 1700–1714 гг. (На материалах полевых сражений) // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М., 2006. С. 147–164.
- ⁷⁶ Васильев А.А. О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении // ВИЖ. 1989. № 7. С. 63–64.
- ⁷⁷ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 48. Л. 54.
- ⁷⁸ Васильев А.А. О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении. С. 64.
- ⁷⁹ РГАДА. Ф. 53 (Сношения России с Данией). Оп. 1, 1710 г. Д. 16. Л. 64–65 об.
- ⁸⁰ Там же. Ф. 9. Отд. II. Кн. 14. Л. 382.
- ⁸¹ Энгелунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 140–141.
- ⁸² [Поликарпов Н.П.] О войсковых частях... // ВС. 1909. № 7. С. 241.
- ⁸³ Там же. С. 241–242.
- ⁸⁴ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1, 1710 г. Д. 16. Л. 64, 64 об.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 9. Отд. II. Кн. 14. Л. 382.
- ⁸⁶ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 36. Л. 49.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 412. Оп. 1. Д. 39. Л. 23–23 об.
- ⁸⁸ Энгелунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 75.
- ⁸⁹ Там же. С. 140–142.

А. Ватто. Фрагмент этюда с изображением солдат. Рисунок. Начало XVIII в. Роттердам, Бойманс музей

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ПЕТРОВСКИХ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ А.Д. МЕНШИКОВА И Я.В. БРЮСА

Среди участников Великой северной войны, кроме самого Петра Великого, наибольшей известностью в настоящее время пользуются два его генерала: генерал-фельдмаршал А.Д. Меншиков и генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс. В начале XVIII в. оба они были личностями весьма замечательными. Они явились первыми представителями новой, неизвестной ранее в России военной элиты. Можно с уверенностью говорить, что наряду с Б.П. Шереметевым, Ф.М. Апраксиным, Ф.А. Головиным, М.М. Голицыным они достигли в военном деле высоко профессионального уровня, безоговорочно восприняв важнейшие петровские нововведения не только в русской армии, но и в мирной жизни новой России.

Имеющиеся материалы позволяют утверждать, что петровский генералитет воспринял реформы в армии по-разному. А.Д. Меншиков и Я.В. Брюс были их сторонниками, хотя интересы обоих, особенно военные, часто пересекались. В государственной иерархии они не были равными ни по занимаемым должностям, ни по отношению к теоретической западноевропейской военной науке того времени. По Табели о рангах Я.В. Брюс занимал более скромное место, нежели всесильный А.Д. Меншиков, который до получения им поста генерал-фельдмаршала уже был возведён в достоинство сначала князя Священной Римской империи, а затем светлейшего князя Ижорского. Он имел также множество других должностей и соответственно регалий. Я.В. Брюс же только в самом конце своей военной карьеры, уходя в отставку, был пожалован чином генерал-фельдмаршала. Однако такое неравенство в отношении занимаемых должностей компенсировалось необыкновенными способностями Я.В. Брюса к научным занятиям разного рода.

Учёный муж, разбиравшийся в новейшей для того времени западной военной, и не только военной, литературе, энциклопедист по уровню своих знаний, Я.В. Брюс был к тому же сведущ во многих вопросах науки и культуры. Во время Великого посольства, переводчик и стратег, он получил в Голландии и особенно в Англии знания в области точных наук. Об этом свидетельствуют его значительная, хорошо подобранная библиотека и находившийся при ней, необходимый для той эпохи кабинет редкостей, куда входило всё, что только могло представлять интерес с точки зрения и научной, и эстетической: от минералов до предметов китайского искусства. Если А.Д. Меншиков превосходил Я.В. Брюса в чинах и богатствах, то последний являлся представителем духовной элиты.

Генерал-фельдмаршал, первый Санкт-Петербургский губернатор, светлейший князь Ижорский, князь Римской империи А.Д. Меншиков был полевым командиром, а не кабинетным учёным. Можно с уверенностью сказать, что систематического образования он не имел, хотя тоже обладал необходимыми для знатной особы атрибутами своего времени: библиотекой и кабинетом редкостей. Известно, что он был прекрасным тактиком, способным изобразить предварительные планы боя на чертежах¹.

Оба они, и Я.В. Брюс, и А.Д. Меншиков, обладали серьёзными навыками в картографическом и тактическом делах, рисовали планы сражений и даже карты, однако и тут между ними существовали различия. У Я.В. Брюса это были карты, признававшиеся на Западе научными достижениями России. Примером может служить карта Азовского моря. У А.Д. Меншикова же преобладали рабочие чертежи, планы сражений, необходимые для ведения военных действий схематические изображения местностей, где проводились эти сражения, а также кораблестроительные чертежи.

Однако между ними было гораздо больше различий, чем сходства. Всесильный Санкт-Петербургский губернатор, обладающий огромным состоянием и большими земельными угодьями, А.Д. Меншиков превосходил Я.В. Брюса также и в том внимании, которое оказывал им обоим Пётр I. Безусловно, талантливый артиллерист Я.В. Брюс был оценён Петром по достоинству: он выполнял не только свои обязанности полевого командира, но и многие другие поручения царя. По повелению царя Я.В. Брюс должен был заниматься многочисленными делами, не связанными с его прямыми обязанностями: переводом научных книг, их редактированием, надзором за типографией В. Киприанова в Москве, изготовлением оптических стекол для телескопов и самих телескопов, снабжением

артиллерии провиантом и боеприпасами, а также орудиями, в усовершенствовании которых он принимал непосредственное участие. Я.В. Брюс выполнял и важнейшие дипломатические поручения, каковой была, например, поездка на Аландский конгресс. Там русские послы А.И. Остерман и Я.В. Брюс должны были добиться заключения мира со Швецией. Вместе с Остерманом, отстаивая интересы России, он присутствовал на заседаниях Ништадтского конгресса, на котором 30 августа 1721 г. мирный договор между Россией и Швецией был-таки заключён. Многие иные распоряжения, отдаваемые Петром I своим образованным подчинённым, непосредственно относились и к Я.В. Брюсу. Подобных поручений А.Д. Меншиков никогда не получал от Петра I. Он был больше администратором и тактиком, нежели дипломатом или учёным-исследователем.

Взаимоотношения военного руководства времени Великой северной войны в России, как правило, далеко не всегда были однозначными. Здесь играли свою роль самые разнообразные факторы, существенным из которых было достижение высоких постов и получение материальных благ. Но главную роль в этих отношениях играло расположение Петра Великого. В этом случае получение пресловутых материальных благ и возможность занять ту нишу в общественной жизни, которая позволяла каким-то образом влиять на внутреннюю политику государства, становились легко достигаемым.

Не всегда в отношениях между сильными мира сего на первый план выступали их таланты, хотя во время продолжительной Великой северной войны главную роль играли именно способности военачальников. И как бы ни были велики трения между людьми, облечёнными властью, неприязнь между ними сглаживалась необходимостью поддерживать порядок среди военной верхушки и в самой армии. Во время войны было невозможно не подчиняться воле самого potentата, хотя свободой выбора, особенно на полях сражения, могли пользоваться все главные военачальники. Приказы генерал-фельдмаршала Г.Б. фон Огильви, одного из главных полководцев русской армии, были обязательны для всех подчинённых, и только А.Д. Меншиков позволял себе противиться его распоряжениям и поступать так, как считал необходимым.

Среди военной элиты первой четверти XVIII в. знатное происхождение всё ещё играло немаловажную роль, особенно если военачальник являлся представителем старинного боярского рода, как, например, генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев. Но постепенно ведущая роль и в военных делах начала переходить к тем специалистам, главным достоинством которых было обладание теоретически-

ми познаниями, прежде всего в военном деле. Примером такой военной карьеры может служить генерал от артиллерии Я.В. Брюс — один из образованнейших людей своего времени. Сам светлейший князь А.Д. Меншиков был прекрасным тактиком, но больше практиком, чем теоретиком. Он легко ориентировался в военной обстановке и мог принимать необходимые решения в зависимости от создавшейся ситуации. Его храбрость на полях сражений вошла в легенду. Постепенно, с достижением высокого положения как в военной карьере, так в государственной службе, возрастали в полной мере и присущие ему амбиции. Другие петровские генералы, часто не афишируя свои обиды и огорчения, полученные ими от могущественного светлейшего князя, и из-за отношения к ним Петра Великого вынуждены были их скрывать, возможно, даже от самих себя.

К последним относился и генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс, человек гордый и независимый, несмотря на то, что зачастую он вынужден был подчиняться обстоятельствам. Непонятно, почему Я.В. Брюс, будучи потомком шотландского короля, в России почти никогда не упоминал об этом, равно как и о том, что его предки обладали баронским титулом. В почётное графское достоинство он был возведён только зимой 1721 г. перед Аландским конгрессом, а до того времени никакими титулами, кроме воинских званий, в России не пользовался. О его связях с шотландскими предками нам говорит только сохранённый им девиз на графском гербе: “Fuimus”, то есть «Мы были». Этим же девизом до сих пор пользуются британские потомки рода Брюсов. Сам же Я.В. Брюс до возведения в графское достоинство довольствовался чином генерала от артиллерии, а затем генерала-фельдцейхмейстера.

Уже в самом начале Великой северной войны сказалось его полное нежелание принимать участие во всех видах политической борьбы за первую роль в государстве и в отношениях с Петром I. Скорее всего, это ему и не было необходимо. Научные и практические познания связывали его с первым русским императором гораздо теснее, чем участие в политических интригах. Неоднократно Я.В. Брюс оказывал услуги Петру I, и часто они касались астрономических наблюдений, которыми царь был увлечён. После смерти Петра I Я.В. Брюс не принимал никакого участия в общественной жизни. В 1726 г., когда А.Д. Меншиков выдвинулся на роль фаворита императрицы Екатерины I, это нежелание вступать в борьбу за первенство при императорском дворе, за влияние на императорскую фамилию и заставило Я.В. Брюса подать в отставку. Его просьба была удовлетворена, его отпустили, правда, с почётным званием генерал-фельдмаршала.

Тем не менее, его жизнь в подмосковном имении Глинки напоминала почётную ссылку. Сюда он удалился от всех прежних дел и целиком посвятил себя научным занятиям и связям с западноевропейскими учёными, прежде всего с английскими. Свидетельством этому служат книги из его библиотеки, последние из которых были получены им в 1733 г., то есть за два года до смерти. Он наезжал в Москву, где имел собственный дом, но в Петербурге его никогда более не видели.

Иначе сложилась судьба светлейшего князя А.Д. Меншикова, для которого личная власть в государстве приобретала колоссальное значение. Он стремился не только и не столько к влиянию на Екатерину I, а затем и на юного императора Петра II. Его амбиции простирались дальше: он хотел породниться с императором через свою дочь и таким образом достичь вершин власти для своих потомков. Но, как всегда в России, в подобной борьбе за власть А.Д. Меншиков был не единственным. Его соперники, князья Долгоруковы победили в этом сражении, правда, ненадолго. И финал их борьбы за первенство в государстве оказался более жестоким, чем ссылка А.Д. Меншикова в Сибирь. Сам светлейший и всё его семейство были отправлены в Берёзов, а многие из князей Долгоруковых заплатились головами, правда, немного позже, в царствование императрицы Анны Иоанновны.

Не только судьбы А.Д. Меншикова и Я.В. Брюса были несхожими, не были равнозначными их карьеры при дворе. Такие взлёты и падения, какие были у Меншикова, нехарактерны для Брюса. Кроме воинских дел, его жизнь была почти не насыщена внешними событиями.

Оставшийся в стороне от политической борьбы Брюс благополучно окончил свои дни под Москвой. Он не прекращал научных изысканий и состоял в переписке не только с западноевропейскими корреспондентами, но и с главным командиром Санкт-Петербургской Академии наук бароном И.А. Корфом, весьма образованным человеком и книголюбом, которого, так же как и Я.В. Брюса, полагали чернокнижником. Видимо, это обстоятельство и сыграло существенную роль, когда после смерти Я.В. Брюса в 1736 г. в обход прямых наследников его библиотека и кабинет редкостей не совсем законным путём были перемещены в Академию наук. Жена Я.В. Брюса умерла раньше него. Прямых наследников у них не осталось, и всё его имение, за исключением библиотеки и кабинета редкостей, перешло к детям его брата Романа.

Во время Великой северной войны, главного события времени правления Петра Великого, Меншиков и Брюс непосредственно

встречались довольно редко, и их связь — начальника и подчинённого — осуществлялась почти исключительно посредством деловой переписки. Темой писем служили проблемы, связанные непосредственно с областью воинских занятий Я.В. Брюса, то есть с артиллерией. Уже в то время на полях сражений артиллерия ценилась очень высоко, однако в России её подготовке к участию в боях внимания в правительственных кругах уделялось явно недостаточно. Именно с проблемой обеспечения артиллерии и артиллеристов всем необходимым были связаны многочисленные письма Я.В. Брюса как к самому светлейшему, так и к другим знатным особам, от которых зависело снабжение артиллерии и боеприпасами, и пушкарями, и лошадьми, и понтонами, и судами — словом, всем необходимым в то время для ведения войны.

Далеко не все власть предержавшие в Москве понимали значение артиллерии на полях сражений, когда промедление могло самым серьёзным образом повлиять на исход сражения. Часто Я.В. Брюсу приходилось обращаться непосредственно к А.Д. Меншикову как главному военачальнику, от которого зависело решение многих вопросов, связанных с армией. Большую роль в решении подобных дел играла его близость к Петру Великому. А.Д. Меншиков также довольно часто писал Я.В. Брюсу, но его письма содержали главным образом требования прислать ему на помощь артиллерию или боеприпасы, в том числе и порох, что было далеко не всегда исполнимо в полевых условиях.

От деятелей Петровской эпохи сохранились многочисленные эпистолярные и другие документальные источники, часть которых содержит материалы, касающиеся взаимоотношений А.Д. Меншикова и Я.В. Брюса. Однако несмотря на огромный интерес к Петру I и его окружению, выразившийся в многочисленных публикациях, подготовленных начиная с XVIII в., значительная часть эпистолярного наследия до настоящего времени хранится в рукописях в различных архивах нашей страны. Эти материалы могут находиться также и в зарубежных хранилищах. Основным изданием, посвящённым эпистолярному наследию Петровского времени, является многотомное незаконченное издание «Письма и бумаги императора Петра Великого»². Некоторые подборки документов появляются в связи с празднованием какой-либо исторической даты.

Так, например, начало публикации в 2004 г. сотрудниками Артиллерийского музея С.В. Ефимовым и Л.К. Маковской писем Я.В. Брюса приурочено к 335-летию со дня его рождения. В настоящее время вышло в свет три выпуска, включающих письма Я.В. Брюса 1705—

1706 г. разным лицам³. Эти годы вошли в историю Великой северной войны как переломные, ознаменованные победами русского оружия. Одновременно они являлись временем подготовки к решающей битве со шведами, которая и была дана 27 июня 1709 г. под Полтавой.

Даже те письма, что опубликованы сотрудниками Артиллерийского музея, могут явиться свидетельством взаимоотношений Я.В. Брюса и А.Д. Меншикова во время их походов по западной части России, Прибалтике и Польше, участниками которых они оба были. В письмах Я.В. Брюса А.Д. Меншикову нет ничего личного. Они относятся главным образом к насущным проблемам, основной из которых являлась подготовка персонала, обслуживающего артиллерию, его снабжение всем необходимым: провиантом, транспортными средствами, боеприпасами и т. д. Все письма касаются исключительно служебных дел, но в этих делах Я.В. Брюс показывает себя военачальником, чрезвычайно заботящимся не только о вооружении, но и о самих бомбардирах, о которых многие петровские генералы забывали даже и думать. Обмундирование, пропитание, необходимые воинские припасы, лошади, повозки, понтоны и пр. — вот обычная тематика почти каждого письма Я.В. Брюса, адресованного А.Д. Меншикову, который, по его мнению, только один мог отдать распоряжение о выполнении брюсовских просьб. Однако А.Д. Меншиков это делал далеко не всегда. Тогда Я.В. Брюсу приходилось неоднократно напоминать о нуждах своих подчинённых.

Тон писем Я.В. Брюса А.Д. Меншикову всегда очень вежливый, этикет и субординация соблюдаются безукоризненно. Даже в тех случаях, когда обычная для того времени волокита является помехой, Я.В. Брюс остаётся в своих письмах исключительно сдержанным. Эти полные достоинства письма служат примером эпистолярного искусства в России первых лет XVIII столетия. В начале мая 1705 г. А.Д. Меншиков с кавалерией находился в районе Витебска, тогда как Я.В. Брюс со своими подопечными располагался в Поречье. В это время ещё не закончилась весенняя распутица и продвижение войска с тяжёлыми пушками сухим путём было затруднено из-за отсутствия приличных дорог. Главное же препятствие заключалось в острой нехватке лошадей, телег и даже запасных колёс. Поэтому там, где это было возможно, артиллерию перебрасывали с места на место водным путём. Однако и это перемещение требовало специальных средств: стругов, понтонов, мостов, способных выдерживать тяжёлую нагрузку. Именно здесь у Я.В. Брюса и начинались затруднения, поскольку изготовление подобных средств передвижения было ему неподвластно.

В качестве примера можно привести письмо Я.В. Брюса, который в то время имел чин генерал-поручика, посланное А.Д. Меншикову из Поречья 18 мая 1705 г.:

«Государь мой милостивый, Александр Данилович, многолетно здравствуй.

Изволил ты, государь, приказывать мне, будучи в Смоленске, чтоб прислал к милости твоей ведомости, что каких припасов артиллерийских в отпуске к Витебску. И я такую ведомость послал к милости твоей при сем письме, что отпущено до сего числа по прежним нарядам. А ныне по вся дни привозят по последнему наряду множество пороху и свинцу. И ныне оные грузят. А что будет впредь в отпуске, о том буду писать к вашему превосходительству. Только ж, государь, стругов не достанет под всю артиллерию, потому что оные в отпуску от нас малых и больших 130, а в остатке, сказывает дворянин, который у стругового дела, всего 30. И я затем рогаток по приказу вашему на струги не положил, а велел их весть до устья Каспы-реки, где стоят струги, которые деланы на Белой. И приказал им взять под те рогатки 3 струга, на которых им довольно убраться мочно, потому что там вода... и возможно суды полным грузом грузить. А здесь, государь, принуждены за малою водою всего с небольшими струги груза класть в струги. И буде не уберемся на достальных стругов, и я остаток прикажу вести сухим путем до Полоцка на лошадях. Другова наряда, которые начали привозить в Смоленск, только ж, государь, оные гораздо не корыстны, како доносил милости твоей в Смоленске»⁴.

Видимо, А.Д. Меншиков потребовал перебросить артиллерию в его распоряжение, поскольку в следующем письме, писанном Я.В. Брюсом 20 мая 1705 г., сообщается, что артиллерию, уже почти всю доставленную в Витебск, быстро переправить А.Д. Меншикову невозможно из-за отсутствия понтонов или стругов. По этой же причине нельзя было послать Меншикову и боеприпасы⁵. Здесь же Я.В. Брюс информирует А.Д. Меншикова о приказе, полученном от генерал-фельдмаршала Г.Б. фон Огильви, который требует отправить артиллерию к армии в Полоцк. В этих письмах впервые затрагивается тема, касающаяся взаимоотношений Я.В. Брюса со смоленским воеводой П.С. Салтыковым, который без специального письма от А.Д. Меншикова не торопился выполнять требования Я.В. Брюса о присылке к нему заказанных понтонов и мостов.

В дальнейшей переписке о столкновениях с П.С. Салтыковым упоминается довольно часто. В конце мая Я.В. Брюс снова обращается к А.Д. Меншикову с просьбой поторопить Салтыкова с отправкой

подвод и прочих необходимых ему припасов. Его тревожит также то обстоятельство, что реки, по которым предполагалось провезти артиллерию, начали быстро мелеть⁶.

В июльском письме Я.В. Брюс обращается к А.Д. Меншикову уже с иной просьбой. Но и она касается затруднений, связанных со снабжением армии. Теперь уже речь идёт о присланных артиллеристах, жалованье которым не выплачивалось. Необходимо было письмо А.Д. Меншикова в Москву М.Г. Ромодановскому для решения этого вопроса. Брюс настоятельно требует от А.Д. Меншикова распоряжения о присылке провизии для солдат: «И по такому его великого государя именному указу я князю Михаилу Григорьевичу посылал память и получил насилиу, с великим трудом грамоту. А как тое грамоту распечатал здешной провиант (то есть провиантмейстер. — *Е.С.*), и в ней было написано, что давать им корм, как будут в походе. И по той грамоте здешний провиант хлеба не давал. И я был принужден оный взять сильно для того, государь, что люди с голоду в немощи впали и стали было по миру ходить. А денег им всего дано на Москве по полтине, а больше давать было опасно, для того, что еще время долгое до году. А полтиною недолго кормиться. Також ныне уже третья июля, что пушкарки сюды пришли. А хлебного жалованья им провиант не дает. А люди зело оголодали. И я прошу милости, умилосердись, государь, прикажи указ о даче хлеба пушкарям прислать к провианту от милости своей. А без того мне людей поморить будет. А от Ромодановского мне вовеки указ не получить, хотя и многажды к нему о том писал. Того ради паки у тебя, государя, милости прошу, не оставь прежней своей отеческой милости о бедных артиллерийских служителей»⁷.

Не все опубликованные письма Я.В. Брюса касаются военных дел. Ему не чуждо было и некоторое стремление к роскоши, в чём он подражал Светлейшему. В мае 1705 г. Брюс отправляет письмо своему сводному брату А.Ю. Инглису с просьбой заказать так называемую “Schreibenschkatul” из орехового дерева (он именует ее «шребншатул»), то есть дорожный письменный набор, во всём подобный шкатулке А.Д. Меншикова⁸.

Возможно, именно желание Я.В. Брюса ни в чём не уступать А.Д. Меншикову позднее, в 1715 г., приведёт их обоих к следствию по поводу хищений государственной казны. В этом деле были замешаны генерал-адмирал Ф.М. Апраксин, князь А.Д. Меншиков, петербургский вице-губернатор Я.Н. Корсаков, обер-адмиралитетсгер А.В. Кикин, первый комиссар Адмиралтейства У.А. Синявин, генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс, два человека из Сенатской

коллегии: князь М.И. Волконский и А.И. Апухтин. Ф.М. Апраксин, А.Д. Меншиков и Я.В. Брюс оправдывались тем, что во время совершения этих хищений они находились в действующей армии и не могли знать о злоупотреблениях своих чиновников. Ганноверский дипломат Ф.Х. Вебер, который был свидетелем этого судебного процесса, писал: «Такие оправдания этих господ, частью по кажущемуся правдоподобию, частью же потому, что господа эти пользовались особым расположением царя, были приняты во внимание, но только с тем условием, чтобы они уже надлежащим образом поплатились из казны своей». Другие же лица, проходившие по этому делу, были жестоко наказаны⁹.

Если официальная переписка Я.В. Брюса и А.Д. Меншикова касалась главным образом военных дел, то сведения об их частной жизни изложены главным образом в записках и дневниках иностранцев. Появившаяся в первой четверти XVIII в. в Западной Европе литература о России уделяет гораздо больше внимания А.Д. Меншикову, нежели всем остальным деятелям Петровской эпохи. Всесильный временщик вызывал большой интерес и у прибывавших в Петербург иностранных послов, и у западных авторов, никогда не посещавших нашу страну. В подборке отрывков о Петербурге Петровского времени, опубликованной Ю.Н. Беспятых, также встречаются характеристики А.Д. Меншикова, который представлен могущественным фаворитом Петра I, имеющим политическую власть в государстве, едва ли не большую, чем сам русский царь.

В первом западноевропейском сочинении о Петербурге, напечатанном в 1713 г., которое приписывается Г. Геркенсу, даётся следующая характеристика всесильного фаворита: «...прежде всего скажу о князе Меншикове. Он первейший министр царя и донныне ближайший фаворит. Он высок ростом и статен и может похвалиться необыкновенным редким счастьем, ибо, будучи самого низкого происхождения, достиг княжеского достоинства. Он содержит порядочный придворный штат на немецкий манер, большинство его слуг — тоже немцы. Он пишется с большим титулом, он фельдмаршал-аншеф царской армии, также губернатор Псковский, Ингерманландский, Лифляндский, а теперь ещё и Курляндский. Кроме того, его украшают различные ордена; в Мариенверде он удостоен королевского прусского ордена, а в 1710 году Его Величество король Дании прислал ему голубую орденскую ленту, которую князь носит через плечо, [названный же] первым [орден] — в петлице. Сверх того, фортуна одарила его большими средствами и крупным состоянием, и он может похвалиться тем, что владеет сердцем царя и является вторым

после него человеком во всей России; хотя у князя, говорят, и очень много завистников, но все они должны его опасаться. Он содержит самый большой из всех [вельмож] штат, и, как я заметил, в случае торжеств князь Меншиков должен их устраивать. Так, например, всё устраивалось им при бракосочетании покойного [ныне] герцога Курляндского или по поводу некоторых завоеваний важных местностей и подобные торжественные пиры. Сказать нельзя, сколько [таких празднеств] состоялось за время моего там пребывания, и на них в воздух было расстреляно невероятно много пороха, ибо когда пили за чьё-либо здоровье, то, как правило, всякий раз палили из 11 пушек, и это часто продолжалось непрерывно с полудня до позднего вечера, а то и до полуночи. Всё проходит через руки князя, он доверенное лицо царя, и тем, у кого есть важное дело, приходится делать это через него. Действительно, ныне нам неизвестен другой подобный пример, чтобы кого-то фортуна вознесла с самой низкой ступени, из праха, на столь высокую вершину почестей; однако не знаю, сохранит ли ему фортуна до конца его дней эти высокие почести и благополучие. Я было намеревался кратко описать его жизнь и счастливое возвышение, но случайно прочёл напечатанный два года тому назад в Париже маленький труд, в котором под названием “Le Prince Kouchimen” (читай наоборот: Мен-ши-ку или -ов) и под другими скрытыми именами его жизнь описана уже довольно ясно. Книга эта потом была также вполне сносно переведена на немецкий язык»¹⁰.

Подробно в книге описан и дворец Светлейшего, по сути своей служивший единственным местом, в котором могли происходить пышные царские приёмы по различным поводам. Об Я.В. Брюсе же в этой книжке только упоминается в связи с его братом — комендантом Петропавловской крепости Романом Вилимовичем Брюсом.

Такие пользующиеся популярностью у историков России Петровского времени авторы, как Ф.Х. Вебер и П.Г. Брюс, говорят о Я.В. Брюсе как о человеке с большим архитектурным вкусом. Питер Брюс об одном из его домов сообщает следующее: «Восточнее летнего дворца на сухой поднятой земле стоят большой цейхгауз и литейня для изготовления пушек, мортир и тому подобного, а также красивый дом, построенный генерал-фельдцейхмейстером»¹¹. Однофамилец и родственник Я.В. Брюса не ошибся, говоря о его участии в разработке проектов собственных домов. Наличие множества западноевропейских трудов по архитектуре в его библиотеке свидетельствует о его большом интересе к проблемам строительства, как, впрочем, и самого Петра I.

Самая подробная и очень благожелательная характеристика Я. В. Брюса дана в записках Л. Ю. Эренмальма: «Из артиллеристов и инженеров надо сообщить о теперешнем генерал-фельдцейхмейстере Брюсе, брате генерала Брюса. Он родился в Москве. Его отец — полковник из старого шотландского рода. Брюс довольно высок и не очень тучен: из-за постоянных размышлений и математических расчётов и страстного желания найти что-либо новое он всегда кажется погружённым в думы. Царь очень его любит за большое искусство, усердие и энергию в делах, неутомимость и неусыпную бдительность. Он лучший среди своих и иностранных [специалистов] в России по артиллерийской и инженерной наукам, будь то в теории или практике. Он также не упускает случая постоянным прилежным чтением и частыми опытами приобрести ещё бóльшие познания. Это часто побуждало царя отличать его большими почестями и пожалованиями; царь произвёл его в кавалеры ордена Св. Андрея. Брюс мог бы добиться в России ещё гораздо большей удачи, поскольку он здесь родился, в совершенстве владеет русским языком, знает русские порядки, повадки, образ жизни и обладает многим из того, [отсутствие чего] помешало многим храбрым офицерам преуспеть в России. Он также слишком хорошо изучил, как следует себя вести, и [находится] в большой милости у Меншикова»¹².

Настоящая статья содержит только предварительные наброски, относящиеся к большой и серьёзной теме, касающейся взаимоотношений двух представителей петровского генералитета во время Великой северной войны. Эта тема может быть продолжена, поскольку имеющийся материал позволяет вести её разработку и дальше.

¹ Подробнее см.: *Беснятых Ю. Н.* Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. СПб., 2005. С. 34–59.

² ПБИПВ. СПб., 1887–2003. Т. 1–13.

³ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса / Публикация подгот. С. В. Ефимовым и Л. К. Маковской; науч. ред. В. М. Крылов. СПб.; Щёлково, 2004. Т. 1–3.

⁴ Там же. Т. 1. С. 41. В Архиве Артиллерийского музея хранятся исключительно черновики или копии. Видимо, оригиналы этих писем находятся в Москве.

⁵ Там же. С. 43–44.

⁶ Там же. С. 52–53, 53–54.

⁷ Там же. С. 82–83.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ *Вебер Ф. Х.* Записки Вебера // РА. 1872. Т. 6, вып. 1. Стб. 1121–1122.

¹⁰ Цит. по: *Ю. Н. Беснятых.* Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. С. 69–70.

¹¹ *Беснятых Ю. Н.* Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в.: (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмальм). СПб., 1998. С. 165.

¹² Цит. по: Там же. С. 331.

*П. Пикарт.
А.Д. Менишков
на фоне сражения
при Калише.
1707. Офорт.
ГЭ. Фрагмент*

*Неизвестный гравёр.
Портрет Я.В. Брюса.
1712*

СОБОРНАЯ ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ ГОРОДА СУРГУТА

История строительства и функционирования главной соборной церкви города Сургута – Троицкой – стала отражением жизни города, достатка прихожан, в основном состоящих из Сургутской казачьей сотни. Внешний вид собора, его наполненность утварью, иконами, библиотека были предметом гордости жителей Сургута. Первый собор был заложен с основанием города в 1594 г. Он неоднократно горел и строился заново на средства прихода.

В 1740 г. историк Г.Ф. Миллер писал о соборной Троицкой церкви г. Сургута: «...двухэтажная главная церковь, посвящённая Святой Троице и празднику Введения Богородицы, которая в прошлом 1739 году, после того как она была вновь построена и едва освящена, от возникшего в ней пожара сгорела дотла. Сейчас делаются приготовления для строительства новой. Как и прежняя, она будет состоять из двух этажей: верхний этаж для лета, в котором будет стоять главный алтарь Святой Троицы, а нижний – для зимы, с алтарем, посвященным снова празднику Введения Богородицы»¹.

Церковь строилась на средства прихожан. Освящение нижних приделов произошло 31 января 1741 г. и 23 октября 1742 г. Количество престолов в церкви было увеличено. В нижнем этаже был добавлен престол во имя иконы Знамения Пресвятой Богородицы и в верхнем – во имя Св. Николая Чудотворца².

В XVIII в. важным хозяйственным занятием жителей Сургута, выполнявших функцию посредников в закупке пушнины у аборигенного населения, была торговля. Несмотря на то, что в Сургуте не было местного купечества, его роль выполняли служилые люди. В конце XVIII в. в Сургуте проходила ежегодная ярмарка. Зажиточность горожан отразилась в значительных пожертвованиях при строительстве каменной соборной церкви, которая была заложена 8 марта

1781 г.³ Для выполнения строительных работ были приглашены мастера из центра губернии и епархии — Тобольска. Средства шли в том числе из казны архиерейского дома, поэтому каждые полгода от Сургутского духовного правления писался подробный отчёт о строительстве тобольскому архиепископу Варлааму (Петрову). К 1784 г. были построены и освящены два тёплых придела первого этажа храма: на правой стороне — во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, а на левой — во имя Св. Николая Чудотворца, в которых совершалась служба. В самой же холодной церкви до сводов были выведены стены.

В 1780-е гг. в губернском центре шли деятельные строительные работы. Завершалось сооружение посадских церквей, имеющих трёхчастную структуру, взятую за основу и в Сургуте: объёмный, с окнами в два ряда храм, соединённый с колокольной трапезной. В это время в комплексе кремля губернского центра была закончена постройка двух дворцов: Архиерейского дома и Дворца наместника. Но в 1788 г. Тобольск пострадал во время опустошительного пожара, после которого потребовались мастера и материалы для его восстановления. Этим и объясняется в первую очередь то, что возведение каменного Троицкого собора в г. Сургуте затянулось на 20 лет. Вторая причина — нехватка средств в церковной казне для закупки материалов и найма рабочей силы.

В 1790 г. разворачиваются восстановительные работы в Тобольске. Появилась возможность поставки материалов и в Сургут: в летний сезон этого года из Тобольска доставили 307 тыс. пудов материалов (кирпич, известь и связное железо), что позволило продолжить строительство. Для завершения собора был подрячен архитектор, каким мог быть в то время первый губернский архитектор Александр Гучев, автор регулярного плана застройки Тобольска, закончивший курс в императорской Академии художеств. Черты классицизма сказались в решении купола Троицкого собора и колокольни, без традиционных для Тобольска XVIII в. барочных заломов, в ясном членении ярусов колокольни с широкой аркадой звона.

Подряд на строительные работы за 750 руб. получил тобольский мещанин Василий Городничев с артелью. В строительном деле Тобольска фамилия Городничевых встречается в документах о возведении на Базарной площади города Воскресенской церкви — самой изысканной по барочному декору и завершённой в 1776 г. Её строителем и старостой был Андрей Городничев.

Новый этап возведения Троицкого собора в Сургуте начался деятельно, и в течение летнего сезона 1790 г. артель В. Городничева

закончила верхний свод на алтаре, завершила четверик под купол верхней церкви, поверх которого был выведен восьмерик с окнами подкупольного барабана. Был возведён четверик (первый ярус) колокольни.

И вновь двухлетняя приостановка строительства была связана с тем, что в Тобольске не было в продаже извести. Не помогла даже присылка из Сургута для закупки извести «проворного» казачьего старшины Алексея Проводникова. Только в 1793 г. известь была куплена и доставлена в Сургут. И в этом же году церковь была завершена, а на колокольне был начат последний ярус — восьмерик. За сезон 1794 г. церковь была оштукатурена снаружи и внутри.

С 1795 г. началось изготовление иконостаса, для чего был заключён подряд с известным тобольским живописцем Фёдором Черепановым, представителем славной местной династии архитекторов, художников, летописцев и образованных ямщиков. То, что иконостас делался в течение пяти лет, тогда как обычно такая работа занимала год, было связано с тем, что во время приездов живописца не были готовы доски для икон и не выполнена резьба тяг и колонн по утверждённому эскизу. Сказалось отсутствие в городе ремесленников и цеховых мастеров. В начале XIX в. в Сургуте была известна лишь семья Андрея Шепеткина, принадлежавшая к цеховым, но вскоре перешедшая в мещанское сословие⁴. Фёдор Черепанов вынужден был выезжать в другие города для работ, так как задерживалась выплата по подряду в Сургуте. В это время он получил заказ на создание иконостаса в Тюменской Знаменской церкви.

В 1799 г. все иконы были написаны, дело осталось за золочением, которое в 1801 г. выполнил сын живописца Евграф. Но, несмотря на то, что Евграф Черепанов выехал в Сургут в марте 1800 г., он из-за нехватки сусального золота до декабря сидел без работы и не имел средств для пропитания.

1 июля 1801 г. Троицкий собор в Сургуте был освящён⁵. Это было значительным событием в жизни города, совпавшим с переломом эпох и началом правления Александра I. Но уже через три года, в 1804 г. Сургут утратил статус города и был низведён на положение посада⁶. С начала XIX в. государство регламентировало хозяйственную деятельность горожан. Служилые люди, как и мещане, больше не могли продавать на рынке товары, разрешённые для торговли только купцам. Это не могло не повлиять на приходскую благотворительность. Уже в 1830 г. в делопроизводстве Сургутского духовного правления имеется запись о неисправности Троицкой церкви и о необходимости сбора денег на её поправку. И только в 1837 г. благо-

чинный предписывает рапортовать о поправке сургутской Троицкой церкви⁷.

Опись имущества Троицкого собора, относящаяся к первой половине XIX в., представляет перечень утвари, книг и икон. Большую часть этих предметов можно датировать рамками середины и конца XVIII в. (после опустошительного пожара 1739 г.). Вероятно, иконостасы приделов из-за отмеченной их ветхости были перенесены из приделов деревянного собора, построенного в 1743 г.

Во Введенском приделе в алтарной части находились образ Вседержителя, крест с изображением Распятия, икона Божией Матери «Одигитрия», икона Св. Николая Чудотворца, икона Божией Матери «Владимирская», икона Св. Иоанна Златоуста. Над царскими дверьми находился образ Николая Чудотворца в ветхом серебряном окладе.

Внутри самого придела был резной вызолоченный иконостас, царские врата резные, вызолоченные, с изображением Евангелистов. По правую сторону от царских врат были размещены образ Рождества Христова в серебряном окладе с позолотой трёх венцов и звезды; образ Св. Иоанна Предтечи размером в 1 аршин и 2 четверти с серебряным позолоченным венцом; икона Покрова Богородицы с серебряными венцами; «Распятие Христово» с серебряным позолоченным венцом; образ Великомученицы Екатерины – патрональной святой императрицы Екатерины II – с изображением страданий в клеймах, в серебряном позолоченном окладе, выполненном в барочном стиле; образ святых апостолов Симона и Иуды; образ Иоанна Воина с серебряным венцом.

На левой стороне иконостаса были иконы: «Введение во храм Пресвятой Богородицы» в серебряном окладе с четырьмя позолоченными венцами, один из которых был украшен четырьмя аметистами, чеканная риза Богородицы также была позолочена; к этой иконе был привешен на голубой ленте серебряный крест со вставками (возможно, дробницами, выполненными чернью по серебру); далее следовал образ Богородицы «Страстная» с медным венцом в виде короны. На пономарских дверях был изображён Георгий Победоносец – покровитель казачества. За левым клиросом находился выносной образ Живоначальной Троицы в медном окладе и деревянном резном иконостасе.

Над царскими дверьми размещался деисусный ряд с двенадцатью апостолами.

В приделе св. Николая в алтарной части на горнем месте был размещён образ Спаса Нерукотворного с серебряным венцом и грив-

ной. Справа от иконы висел резной деревянный крест с Распятием. Слева — двухсторонняя икона с изображением Пресвятой Богородицы и св. Николая Чудотворца. Среди икон находился ветхий живописный образ Похвалы Богородицы на холсте, выполненный, несомненно, в барочном стиле. Над царскими дверьми размещалась икона Вседержителя.

Внутри Никольского придела находился резной позолоченный иконостас, царские врата были резные, позолоченные, с живописным изображением евангелистов. По правую сторону от врат — образ Спаса Нерукотворного с серебряными позолоченными окладом, венцом и гривной общим весом 60 золотников. В приделе также находился почитаемый резной образ Николая Чудотворца с шитой ризой из розового шелка, на которую был надет омофор из белой парчи и епитрахиль белая, штофная, с нашивными крестами из голубой атласной ленты. У скульптуры Николая Чудотворца, покровителя путешественников, была своя ризница со сменными облачениями, куда входил алый омофор с золотой вышивкой; епитрахиль греческой материи с нашивным крестом из алой ленты с блёстками; поручи, шитые серебром; омофор из золотой парчи; серебряная позолоченная митра с аметистом и позолоченной панагией весом 54 золотника. О том, что скульптура пользовалась особым почитанием, свидетельствует хранение четырёх ветхих омофоров и нескольких пар старых поручей.

Слева от Царских врат размещался образ Знамения Богородицы с серебряным позолоченным венцом у Богородицы и Иисуса, у которого накладным серебром было покрыто облачение с подвесным жемчугом, два крупных камня подвешены были на уровне груди Иисуса. Стилистика подобного оклада позволяет отнести его к узорочью конца XVII в. На пономарских дверях был изображён св. Дмитрий Солунский, рядом с которым располагался образ Пресвятой Богородицы. На левом клиросе был размещён образ Богоявления Господня в медном окладе и образ Великомученицы Параскевы со страданиями. На этой иконе указано восемь медных венцов, что позволяет представить количество клейм.

Над царскими вратами иконостаса размещался деисусный чин.

Над Красными дверьми в трапезной находился ветхий образ Спаса Нерукотворного на холсте, иконы св. Георгия Победоносца с серебряным венцом, св. архангела Михаила и свв. Фрола и Лавра — все эти святые покровительствуют служилому воинскому сословию. Здесь же размещался образ Богородицы Корсунской в серебряном позолоченном окладе, ветхий образ Преподобного Прокопия

Устюжского, две иконы с изображением св. Николая Чудотворца в серебряных окладах, образ Вседержителя с ангелами с двух сторон. Для крестных ходов имелись четыре железные хоругви с позолоченными лучами и двухсторонними живописными изображениями.

В паперти церкви были иконы Спаса Нерукотворного, Богоматери, живописное изображение сцены Распятия с предстоящими, Новозаветной Троицы, также написанной на холсте, образ Знамени Богородицы на шестиугольной доске, ветхое живописное изображение Николая Чудотворца в круглой раме.

В Троицкой холодной церкви в алтаре хранилась плащаница с росписью и символическая гробница голубого цвета с частично позолоченным орнаментом, на которую в Пасху ставился скульптурный образ Воскресения Христова с лучами.

В алтаре на горнем месте традиционно размещался образ Спасителя. По правую сторону — Распятие. По левую сторону — образы «Знамение Богородицы» в медном окладе и «Св. Николай Чудотворец». Против жертвенника — ветхий образ «Снятие с креста».

С правой стороны от горнего места имелся образ апостолов Павла и Матфея (эта икона была связана с патрональным покровительством императору Павлу I). Здесь же размещался ветхий живописный образ Дмитрия Ростовского, причисленного в синодальный период к лику святых. Такие изображения были очень популярны в Тобольске, так как св. Дмитрий в течение года заочно управлял Сибирской епархией.

Над Царскими дверьми в алтарной части находилась икона Спаса Нерукотворного. В алтаре также было круглое зеркало в барочной раме с резными рокайлями.

Описание иконостаса в Троицкой церкви позволяет представить его живописную программу, созданную Ф. Черепановым. Несомненно, что иконы писались в объёмном стиле со светотеневой моделировкой. Известный мастер из губернского центра следовал отличным образцам. Но можно предположить и черты барокко, задержавшегося в Тобольске до начала XIX в. Барокко могло оставить след в распределении светлых и тёмных тонов пейзажного фона в иконах, экспрессии драпировок, радостной звучности колорита.

Иконостас в три яруса был окрашен в белый цвет, украшен позолоченной резьбой, имел ордерную структуру с колоннами и базой в виде тумб, на которых были написаны сцены из Ветхого Завета. Структура иконостаса имела сужение размеров под купол и завершалась скульптурной композицией Распятия с предстоящими. Расположенные в центре резные позолоченные Царские врата кро-

ме живописных изображений Евангелистов имели в верхней арочной части сюжет Благовещения. Справа от Царских врат размещалась икона Тайной вечери, под которой на тумбе было написано «Жертвоприношение Авраама», рядом размещалась икона Успения Божией Матери, под которой на тумбе был написан сюжет «Видение Моисеем Неопалимой купины». На дьяконских дверях был изображен царь Давид.

Слева от царских врат был образ Коронования Богородицы, под которым на тумбе был написан сюжет «Лествица Иакова», рядом была икона Скорбящей Божией Матери с серебряными венцами, под которой на тумбе был изображён Ноев ковчег. На пономарских дверях был изображён пророк Моисей.

Таким образом, в иконостасе Троицкой церкви по обе стороны от Царских врат были размещены четыре иконы и являющиеся частью иконостаса пономарские и дьяконские двери. Отсюда следует вывод о том, что внутреннее пространство церкви было невелико, и, вероятно, иконы местного ряда имели значительный размер.

За правым клиросом в выносном иконостасе располагался местный образ Живоначальной Троицы в серебряном позолоченном окладе с венцами. К местной иконе был привешен серебряный образок Святой Троицы, медаль и монета на серебряной цепи. На тумбе выносного иконостаса был изображён сюжет «Жертвоприношение Авраама». Так как иконостас создавался в Павловское время, то за левым клиросом был размещён патрональный образ императора Павла I с изображением свв. апостолов Петра и Павла.

Над Царскими вратами размещался ряд с евангельскими сюжетами, в центре которого находился сюжет «Сошествие Святого Духа». С каждой из сторон от центральной иконы было по три праздничных сюжета. Справа: «Образ святых жён мироносиц», «Преположение пятидесятницы», «Беседа Христа с Самарянкой».

Слева: «Уверение апостола Фомы», «Христос исцеляет расслабленного», «Христос исцеляет слепого».

Над евангельским рядом размещался деисусный чин с двенадцатью апостолами.

Над деисусным рядом помещались три образа, вероятно, больших размеров: в центре — «Воскресение Господне», слева от него — «Вознесение Господне», справа — «Преображение Господне». И завершался иконостас резным крестом с Распятием и предстоящими Иоанном Богословом и Богородицею.

Справа в выносном иконостасе размещался большой образ Вседержителя в серебряном окладе с восемью предстоящими на полях.

Здесь же висели иконы, вероятно, вдоль боковых стен: «Иоанн Предтеча», «Богоматерь Владимирская», «Вседержитель» с серебряным венцом.

У левого клироса находилась икона Казанской Богоматери с венцом, унизанном китайским жемчугом и камешками, и икона Николая Чудотворца в медном окладе с серебряным венцом.

В куполе церкви была небольшая часовня, в которой находились одна икона Господа Вседержителя и сундуки с ветхими богослужебными предметами. На колокольне церкви висело восемь колоколов, самый большой из которых весил 57 пудов 9 фунтов⁸.

Часть икон, находившихся в Троицком соборе, происходила из Богородицкой церкви Сургута, разобранный по причине ветхости в 1835 г.⁹ Многие иконы в серебряных окладах были пожертвованы в собор казацким хорунжим Туполевым. В 1853 г. от имени тобольского архиепископа Туполеву и казаку Паньпину была объявлена благодарность за «усердие ко храму Божию»¹⁰. В 1861 г. отставной чиновник Туполев стал старостой Троицкого собора. Тобольский архиепископ Варлаам, совершавший ревизию церквей Берёзовского округа в 1865 г., писал: «При обозрении самого заштатного города Сургута усмотрено, что церковь ныне в оном только одна и иконостасами очень скудна, хотя на иконах много риз серебряных позлащённых — жертвованных домом Туполевых»¹¹. Недостаточная выразительность иконостаса объяснялась тем, что спустя полвека живопись икон потемнела, позолота деревянной резьбы стала почти неразличимой из-за копоти свечей.

А спустя 17 лет протоиерей тобольской Воскресенской церкви Пётр Попов, также объезжавший с ревизией церкви Берёзовского округа, сообщил в своём путевом дневнике и вовсе безрадостные сведения о состоянии Троицкого собора в Сургуте: «Церковь каменная с позолоченными через огонь главами, очень почерневшая от времени, с обвалившеюся штукатуркою и полуразрушенною деревянною оградой, что свидетельствует о холодном отношении причта и прихожан к своей церкви, происходящем от недостатка единодушия разносословных прихожан, соединить которых в едином духе любви христианской надлежало бы местному духовенству. Внутри церкви в своде тёплой церкви сплошные трещины и общая чернота, оставляющая в душе посетителя неприятные чувства, а в холодной — течь чрез восьмерик, заметна неопрятность в храме. Вообще невзрачный вид церкви внутри и снаружи очевидно указывает на неотлагательную нужду исправления, о чём, впрочем, начались уже суждения прихожан и причта, и на предмет исправления, кроме

производящегося сбора пожертвований, имеются церковные суммы — до трёх тысяч пятисот руб. сереб.; утварью и ризницею весьма достаточна, но эти жертвы почти все фамилии Туполевой, видно усердие их и любовь к храму Божию. Не то уже ныне их усердие по причине упадка капитала...»¹². Перевод сургутских казаков в мещанское сословие в 1881 г. произвёл раскол в местном обществе, что не могло не сказаться и на состоянии соборной церкви.

И только в 1909 г., после очередного визита тобольского архиепископа, по приговору уполномоченных Сургута ставится вопрос о ремонте Троицкой церкви¹³.

Не сохранившийся до нашего времени Троицкий собор Сургута был важным звеном в генезисе архитектуры культовых сооружений, построенных в Тобольской епархии. Его строительство пришлось на 1790-е годы, когда в Тобольске строилась соборная колокольня по проекту первого губернского архитектора А. Гучева. Ближайшая по времени окончания строительства приходская Преображенская церковь была построена в 1777 г. в селе Преображенском близ Тобольска. Среди икон, описанных в соборе, можно встретить упоминания о дорогих вкладышах, таких, как икона св. Екатерины в серебряном окладе, которая могла быть прислана самой императрицей, жертвовавшей во вновь построенные церкви; некоторые иконы можно отнести к редким.

Естественным и в то же время символическим образом судьба Троицкого собора оказалась связанной с судьбой Сургута. Оживление экономики в начале XX в. могло принести новую жизнь Троицкому собору, хотя его столетнее убранство скорее всего было бы заменено новым. Автор иконостасной росписи — иконописец из Тобольска.

Ф. Черепанов не случайно выбрал одним из сюжетов «Ноев ковчег», что уподобляло собор надёжному кораблю, ведомому Богом, в котором должны спастись жители дальнего сибирского городка.

¹ Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера. Екатеринбург, 2006. С. 49.

² Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 186. Л. 8.

³ Там же. Оп 3. Д. 265. Л. 4

⁴ Миненко Н.А. Берёзов и Сургут в XVIII — первой половине XIX в. // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период) / Под ред. О.Н. Вилкова. Новосибирск, 1974. С. 107.

⁵ Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 4. Д. 617. Л. 1—46.

⁶ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 44. Ч. 2. С. 232.

⁷ Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 189. Оп. 1. Д. 4. Л. 10, 19.

⁸ Там же. Д. 2. Л. 1–34 об.

⁹ Там же. Д. 4. Л. 16.

¹⁰ Там же. Л. 61, 80.

¹¹ Там же. Ф. 156. Оп. 11. Д. 788. Л. 100 об.

¹² Там же. Л. 9 об.—10 об.

¹³ Там же. Ф. 152. Оп. 35. Д. 854. Л. 3, 21.

**«ИЗ ШЛОТБОРКА НА ВЗМОРЬЕ...»:
ПИСЬМА ПЕРВЫХ СТРОИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
(ИЮЛЬ–АВГУСТ 1703 г.)**

История С.-Петербурга началась 16 мая 1703 г., когда в устье Невы состоялась закладка небольшой деревоземляной крепости. Вместе с армейскими полками дивизии А.И. Репнина и полками гвардии крестьяне, бобыли и мещане Новгородского уезда, а также посадские люди Великого Новгорода стали первыми строителями будущей столицы Российской империи.

Источников по истории раннего Петербурга сохранилось немного, поэтому о первых месяцах строительства можно судить лишь по кратким и отрывочным сведениям. Поэтому большой интерес представляют материалы хранящегося в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН фонда Иверского Валдайского монастыря (Ф. 181). Фонд насчитывает свыше 25 000 единиц хранения и содержит подробную делопроизводственную переписку, освещающую все стороны монастырской жизни с середины XVII по начало XX в. Эти документы хорошо известны учёным, занимающимся историей российской экономики, православной церкви, монастырей. Исследователями истории С.-Петербурга богатейшие материалы монастырского архива востребованы лишь недавно¹. Ещё не привлекали внимания учёных письма первых гражданских строителей С.-Петербурга, хранящиеся в этом фонде.

Семь отправленных в конце июля–августе 1703 г. «со взморья» в Великий Новгород подьяческих и крестьянских челобитных публикуются впервые. Письма в жанре челобитных написаны на сставах, которые были в несколько раз сложены. На обороте пяти из них указан адресат – архимандрит Иверского Валдайского монастыря Тарасий. Бумага письма № 4 пострадала от сырости, поэтому текст

по правому краю частично утрачен. Дата отправки корреспонденции нигде не отмечена. Основанием для датировки стало содержание и сохранившиеся на оборотах пометы о вручении писем.

Надо полагать, что в мае—июне 1703 г. на возведении укреплений в устье Невы трудились только военные. Лишь 30 июня, на следующий день после освящения крепости во имя Св. Апостолов Петра и Павла, Пётр I указал направить на строительство жителей Великого Новгорода и Новгородского уезда. Указ требовал к 20 июля 1703 г. прислать в Шлотбург² на четыре месяца со своими хлебными запасами по одному работнику с каждого двух дворцовых, вотчинных, помещичьих, архиерейских и монастырских дворов Новгорода и уезда³.

Новгород в июле—августе 1703 г. стал основным сборным пунктом, куда со всего уезда приводили работных людей. Крестьян и мещан Иверского монастыря доставляли на новгородское монастырское подворье стряпчие, казначеи, келари или строители. Там соответствие присланных крестьян спискам проверял сначала стряпчий Матфей Якимов, а затем гвардии капитан П.С. Глебовской (доставивший в Новгород царский указ и отвечавший за отправку на берега Невы крестьян и посадских людей). В задачи П.С. Глебовского также входило не давать «работным людям мешкать в городе ни малого часу» и проверять, «добрые» ли работники⁴.

Из Новгорода работников партиями отправляли сухим или водным путём в Шлотбург. Число крестьян в каждой из высылаемых партий не было определено. Так, вечером 16 июля 1703 г. на подворье Иверского Валдайского монастыря прибыли первые 122 работника, сопровождаемые подьячим Никифором Лукиным сыном Дретенским и монастырским слугой Фёдором Степановым. Через два дня после их ухода на подворье пришли ещё 33 работника, с которыми в Шлотбург послали монастырского слугу Андрея Белозёрова и приказчика Дементия Ларионова.

23—24 июля 1703 г. Н. Дретенский и Ф. Степанов достигли берегов Невы, а 6 августа по указу митрополита Иова в Шлотбург прибыл подьячий Семён Зимогор. С конца июля подьячие регулярно информировали монастырские власти о событиях на невских берегах.

По их челобитным можно судить о порядке организации работ по возведению крепости на Заячьем острове. Вскоре после прибытия Н. Дретенский и Ф. Степанов были приняты губернатором, который распорядился принять приведённых ими работников. Новгородских работных людей определили на возведение двух бастионов —

Г.И. Головкина и А.Д. Меншикова⁵, где они трудились до середины ноября 1703 г. Как писали Н. Дретенский и Ф. Степанов, «нарятки над ними все — начальные люди и салдаты». Кроме того, ежедневно за работой иверских крестьян были обязаны следить и монастырские служители. По сообщению С. Зимогора, «Дементий Ларионов ходит на [болвор]ки у Гаврилы Ивановичя Головкина за работники, а Андрей Белозеров на болворки у Олександры Даниловича Меншикова, и тож [...]ким отпуск бывает, как отпускают работников к обеду и на ночь». Подьячим и другим лицам, чьи подписи заверяли списки работных людей, запрещалось покидать это место берега Невы до окончания строительства. В таких случаях даже болезнь не могла послужить причиной досрочного отпуска из Петербурга. Для ухода за заболевшими Н. Дретенским и Ф. Степановым по приказу губернатора приставили особого человека, но в Новгород не отпустили.

От монастырских властей Н. Дретенский и Ф. Степанов получили указание бить челом перед А.Д. Меншиковым «об ямских дворах, которые крестьяне взяты в ямшики, чтоб с тех дворов работников не ставить». Однако губернатор «и с ямских дворов работников приказал поставить». 3 августа 1703 г. приказной архиерейского дому С.Е. Боровитинов доставил в Великий Новгород распоряжение А.Д. Меншикова отправлять работников строго по переписным книгам 1678 г.⁶ Поэтому в августе Иверский Валдайский монастырь в дополнение к 194-м направил в Петербург ещё 68 работников.

Судя по челобитным, особое внимание А.Д. Меншиков придавал вопросу обеспечения прибывавших в дельту Невы новых работников продовольствием, от работоспособности которых зависели скорость и качество выполнения работ. Несмотря на указ брать с собой хлебный запас на четыре месяца, нередко крестьяне прибывали с недостаточным количеством продовольствия. Согласно крестьянским «сговорам», «хлеб и всякие харчевые припасы» работникам следовало покупать самим на «наемные деньги»⁷. Однако часть денег крестьяне оставляли семьям, к тому же не все целиком получили положенные по договорам суммы.

Работники Иверского монастыря били челом архимандриту Тарасию, что «пить-есть нечево, а хлеб дорогой, а деньги... все издержили. А естли тые крестьяне к нем в скорых числах денег не пришлют, и мы станем хлеб займовать из государево полаты вдвоя или втроя, потому чтоб нам голодную смертью всем не помереть». На высокие цены в Петербурге, где новгородский «алтынной хлеб в две гривны и в полполтины», недостаток денег и продовольствия архи-

мандриту Тарасию жаловались не только крестьяне, но и подьячий Семён Зимогор, с благодарностью принявший от писаря В.И. Чемесова «рогожу сухарей да осмину круп».

Таким образом, ни один важный вопрос, имевший отношение к строительству в Невской дельте, не решался без указания губернатора А.Д. Меншикова, распоряжений которого новгородцы боялись слушаться. Губернаторского гнева опасались не только подьячие, но и самые высшие новгородские власти. Угроза А.Д. Меншикова — «архимандрита вашего и вас одеру кнутом» — рассматривалась как вполне реальная.

Впрочем, хорошие отношения следовало поддерживать и с другими «начальными людьми». В Петровское время в России тяжесть повинностей нередко зависела от того, кто их распределял. Монастырские подьячие полагали, что из-за недостатка денежных средств они окажутся в невыгодном положении по сравнению с другими монастырями. Н. Дретенский сообщал, что «иных монастырей стряпчие и прикащики, и от Юрьевских, многим начальным нарочитым господам был поднос. А у нас, работников ваших, того ничего нет и ничего о том от вас, государей, нам чинить не указано и подносу купить не на что, и доведетца в чем о помощи милости попросить у кого, и на нас все смотрят криво, не видя у нас ничево».

Отправленные в июле—августе 1703 г. новгородцами с берегов Невы письма содержат уникальные факты не только по ранней истории Петербурга, но и по истории русской повседневности и, безусловно, будут по достоинству оценены исследователями как важные и содержательные исторические источники.

¹ См. напр.: Петербург в эпоху Петра I: Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории. Каталог. Ч. 1 / Авт.-сост. Е.А. Андреева, Т.А. Базарова, Г.А. Победимова, Ю.Б. Фомина. СПб., 2003; *Андреева Е.А.* 1. Работные люди Петербурга (1703—1711 гг.) // Петровское время в лицах—2002: Краткое содержание докладов научной конференции, посвящённой 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 10—13; 2. Кто строил Петербург в 1703 г.? // Меншиковские чтения—2004: Материалы чтений. СПб., 2004. С. 7—25; *Базарова Т.А.* Новгородские крестьяне на городском строительстве в Ингерманландии в 1702—1703 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Девятой ежегодной международной конференции (10—11 апреля 2007 г.). СПб., 2008. С. 85—93.

² Бывший шведский Ниеншанц. До 29 июня 1703 г. заложенная на Заячьем острове крепость не имела названия.

³ Подробнее об организации сбора и отправки новгородцев на строительство С.-Петербурга см.: *Базарова Т.А.* Новгородские крестьяне на городском строительстве в Ингерманландии... С. 87—93.

⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181 (Иверский Валдайский монастырь). Оп. 1. Д. 5792. Л. 198.

⁵ Эти данные расходятся с мнением А.М. Шарымова, который полагал, что в июне 1703 г. сначала построили бастион А.Д. Меншикова, после чего приступили к возведению пяти остальных бастионов (*Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год: Книга исследований.* СПб., 2004. С. 617).

⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5792. Л. 235.

⁷ Там же. Д. 5886. Л. 24, 25, 27.

№ 1

1703 г., июля после 24. — Челобитная подъячего Никифора Лукина сына Дретенского и Фёдора Степанова из С.-Петербурга архимандриту Иверского Валдайского монастыря Тарасию

Пречистые Богородицы Иверского монастыря государю всечестнейшему отцу нашему архимандриту Тарасию со всею еже о Христе з братию.

Работники ваши Никифор Дретенской, Федор Степанов благословения вашего, государи, отеческаго просим, смиренне челом бьем.

Известно вам, государи, буди, в Шлотборк на взморье с работными людьми, которые нам, работникам, вашим отданы по росписям, приехали мы, работники ваши, сего ж июля 23-го числа и июля ж 24-го числа. О тех работниках докладывали мы, работники ваши, шлюсенбургского губернатора Александра Даниловича Меншикова. И он тех работников, которых мы привели, велел принять и спрашивал у нас, работников ваших, что де где ваш келарь, и стряпчей, и прикащики, и для чего де их здесь нет, и едут ли за вам. И мы, работники ваши, доносили ему, Александру Даниловичу, что мы присланы с работными людьми, и он изволил нам говорить: естли де у вас людем работным людем^а харч и хлеб, и чтоб де было на четыре месяца, а будет де на четыре месяца чего у вас не будет, и я де архимандрита вашего и вас одеру кнутом, и приказал поставить стряпчих и прикащиков, и зело в том на нас, работников ваших, был гневен. Да я ж, работник ваш Никифор, Александру Даниловичу бил челом об ямских дворах, которые крестьяне взяты в ямишки, чтоб с тех дворов работников приказал поставить, и никому в том свободы не будет. Прикажите, государи, и с ямских дворов против того великого государя указу работников выслать, чтоб в том не принять какова гневства, а наипаче изволте прислать работным людем харч с монахом и с прикащиками, с кем изволите.

Да нынешняго 1703-го году июля двадесят четвертого числа приехал на взморье с работными людьми новгородского преосвященного Иова митрополита приказной Сава Ефимович Боровитинов и, приехав, говорил нам, работником вашим: для чего де вы, будучи в Великом Новгороде, били челом на стряпчего и сказывались, что вы не стряпчие, и то де все донесено на

^а Повтор в ркп.

вас государю преосвященному митрополиту¹. А знатно, государи, что такое дело нанесено на нас напрасно стряпчим Матфеем Якимовым и о сем, государи, буди ваше милосердное над нами рассмотрение, еже ей, мы в то число, как были в Новгороде не токмо бить челом капитану, но и с великою доукою за ево, стряпческим неисправлением подвод против вашего указа выехали не вскоре. О сем просим милосердия вашего, государи, не дайте нам бедным сиротам от него, стряпчего, напрасно в [...]а^а быть. А челобитья нашего капитану ниже помянулось, и в том мы шлемся на всех сторонних людей, которые тут в то число, как мы на подворье стояли, были // ваш монастырской слуга Никифор Филонов с товарищи. Он вам, государем, все известит ево стряпческую правду, а нашу, убогих кривду, помилуйте, государи, ради Богоматери нашей, не дайте от таких злоишников в вечней погибели быть и в разорении, и оскорблении. А он, стряпчей, таков передо всеми явился, правда, что будучи у вас, государей, в монастыре, слова ево были добрые, а за очи, знатно отпихивая себя от дела, слова у него явились иные неправедные, и хочет нас видети во всеконечней погибели.

А с ямских, государи, дворов с архиерейских и с монастырских со всех велено работников ставить.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5886. Л. 42. Подлинник.

На л. 42 об.: Пречистые Богородицы Иверского монастыря государю всечестнейшему отцу нашему архимандриту Тарасию. 1703 го августа в 7 день подал подьячий Иван Федоров.

№ 2

1703 г., июля после 24 (?). — Челобитная Н.Л. Дретенского и Ф. Степанова архимандриту Тарасию из С.-Петербурга

Пречистые Богородицы Иверского монастыря государю всечестнейшему отцу нашему архимандриту Тарасию з братиею, еже о Христе з братиею.

Послушники, государи, ваши Никифор Дретенской да Федор Стефанов благословения вашего просим и, бога моля, челом бьем.

Известно, государи, вам буди, хотят на нас, работников ваших, бить челом Александру Даниловичу Меншикову работные люди, которые с нам работникам вашим посланы, что взяли оне из миру наем малой, а здесь де покупаем хлеб и харч самой дорогой ценой, и нам де тем наймом не прожить². И как оне станут бить челом, и в том возмут нас, работников ваших за караул и станут бить на правеже. Прикажите, государи, тем работником корм прислать, также и по найму кому, чего крестьяне на четыре месяца не додали, денги собрать же и прислать к ним, работникам, с прикашики, с которыми вы, государи, изволите немедля, чтоб нам в том не принять какова напрасного бедства. А которые крестьяне и ково наняли на четыре месяца и денги им всем даны, прикажите у них в том взять скаски или на-

^а Слово неразб. *поверх строки.*

емные их писма и прислать к монаху, которой от вас, государи, будет при-
слан, чтоб было чем оправдатца. А мы у них тому просили росписи, у кого
чего найму на ком не донято, и оне такой росписи нам не дали. Да и до-
сталных, государи, работников, которые з дороги збежали, два работника
деревни Елцына и вместо не могло то, что на дороги занемог погосту Ло-
коцка, против прежнего, государи, к вам нашего писания, изволте при-
слать же немедля, для того, что у нас работников ваших хотят брать скаски,
для чего тех работников по се число на указном месте нет.

А новгородских, государи, монастырей присланы и архиереской стряп-
чей Богдан Неелов Юрьева монастыря³ вместо келаря монах, а иных мона-
стырей стряпчие и прикащики, и от юрьевских многим началным нарочи-
тым господам был поднос. А у нас, работников ваших, того ничего нет и
ничего о том от вас, государей, нам чинить не указано, и подносу купить не
на что, и доведетца в чем о помощи милости попросить у кого, и на нас все
смотрят криво, не видя у нас ничево. А работники у нас приняты и наряд-
чики над ними все начальные люди и салдаты. А нам указано жить знатно,
что для одного харчу, как спросят, было б на ком харч взять. Да просим у
вас, государи наши, милости, помилуйте нас, Господа ради, убогих сирот
своих, прикажите прислать нам на перемену кого изволите из слуг или ис
служебников и ис прикащиков, а арьхиереские стряпчие и прикащики
живут сами, також де и иных монастырей стряпчие и прикащики, а нашей,
сирот ваших, и так волокиды перед ьными много, и ныне приняли и при-
нимает всякую несносную нужду и холод. А с ямских дворов работников
спрашивают негораздо вкруте, а будет спросят гораздо, и мы бить челом
еще и милости просить у кого пристойно, работники ваши, станем, чтоб с
тех дворов не спрашивать.

Там же. Л. 41. Подлинник.

*На л. 41 об.: Пречистые Богородицы Иверского монастыря государю всечестнейше-
му отцу нашему архимандриту Тарасию еже о Христе з братиею. 1703 го августа в 7 день
подал подьячей Иван Федоров.*

№ 3

**1703 г., ранее августа 18. — Челобитная Н.Л. Дретенского и Ф. Степанова
архимандриту Тарасию из С.-Петербурга**

Пречистые Богородицы Иверского монастыря государю всечестнейше-
му отцу нашему архимандриту Тарасию, еже о Христе з братиею.

Работники ваши Никифор Дретенской, Федор Степанов благослове-
ния вашего государи отеческого просим и челом бьем.

Спрашивают, государи, на нас работников ваших, против Софейского
дому и монастырей келарев и стряпчих, и прикащиков, и в том волочат и
чинят убытки. Изволте, государи, против великого государя указу вместо
келарев и стряпчих, и прикащиков прислать людей, чтоб нам в том напрасно
не принять какова бедства и Святому дому, чтоб не учинить убытка.

Села Борович прикащик Дементей Ларионов явился с работными людьми своего приказу на взморье сего 1703-го году августа 15 числа. А что послан был с работными ж людьми слуга ваш Андрей Белозеров, и он, Андрей, к нам по се вышеписанное августа 15 число не бывал, а по скаски крестьянской, будто он за Новым городом на дороги будто занемог. А кормов им, крестьяном, спрашивают у нас, работников ваших бессрочно.

И сказано нам, работником вашим, естли де у вас вскоре корму не будет, и вам де будет смертная казнь.

Там же. Л. 46. Подлинник.

На л. 46 об.: Пречистые Богородицы Иверского монастыря государю всечестнейшему отцу нашему архимандриту Тарасию з братьею. 1703 го августа в 18 день подана.

№ 4

**1703 г., ранее августа 18. — Челобитная Семёна Зимогора
стряпчему новгородского подворья Иверского Валдайского монастыря
Матвею Якимову из С.-Петербурга**

Пречистые Богородицы Иверского монастыря новгородского иверского подворья стряпчему Матфею Якимовичу ис Питербурха стряпчей Семен Зимогор челом бью.

В нынешнем 1703 го году июля в 26 день по указу государя преосвященного Иова митрополита велено мне ехать в Питербурх за монастырскими нашими работниками и велено у подьячего Никифора Лукина⁴ монастырским нашим работником взять имянную роспись, и их, работников, осведомить, где хто отданы на работу и, приняв имянную роспись, велено ево, Никифора, выслать за караулом в Великий Новгород и явить в ево архиерейском розряде, и в тех работниках во всяком поведении в приказе чинить всякая отповедь⁵. И по тому ево архиерейскому указу я в Питербурх нынешняго августа в 26 день в Питербурх прибрел поздорову и у подьячего Никифора Лукина которых работников он, Никифор, и слуги вели в Питербурх имянную роспись принял ево Никифоровой руки в тетратех и по смете монастырских наших работников явилось в доимке 30 человек. А ево Никифоровой с товарищи высылную роспись за рукою прикащика Ивана Варганова взял он, Никифор, к себе для справки в досталных работниках. И ево Никифора выслал я с Федором Степановым болных в Великий Новгород села Волдаю з бобылями Григорьем Кимецким да с Родионом Шилом, и отписку к преосвященному митрополиту. И как оне, Григорей и Родион, в Великий Новгород приедут и ево, Никифора, привезут, пожалуй, Матвей Якимович, у них архиерейскую отписку и ево Никифора приими, и тое отписку архиерею подай, и ево, Никифора, яви.

А досталных работников на мне 30-ти человек спрашивают и держат за караулом, и я кое как у приказных людей [...]а^а упрашиваю, а сказываю, что

^а Утрата текста из-за поврежденной листа.

досталных работников [...] в дальные места посланы из монастыря нарочные вы[...], и будут с теми работники вскоре. А на ком досталные работники по ево Никифоровой высылке доведутца взять, про то он, Никифор, сам скажет.

Господа ради, Матфей Якимович, о тех досталных работниках справясь с ним, Никифором, пиши в монастырь немедля и в забвение их не положите, чтоб для тех работников не было ис Питербурха нарочной посылки ис приказу. А соборной сын Кирьяк в Питербурх не бывал, а сказывают, что де он от Савы Ефимовича Боровитинова остался в Ладоги⁶.

А к нас ныне в Питербурхе хлеба и никакова харчевого припасу нет, и пить есть стало нам нечего, а которые денженка были, и те в дороге от провозу и в харьчах поиздержались. И приказные люди, у которых нам бывают в делах нужды, против иных обителей хотят от всякого дела почести. Про то ты, Матфей Якимович, // сам изволишь знать, что с приказными без почести вся[кому] делу бывает остановка и замедление. А нашей братьи лишь нужда и страдание от того бывает, что и дело портится. По[жа]луй, Матфей Якимович, господа ради, пришлите, а нам на хлеб и на [ха]рч, и на всякой розход для почести приказным людем.

А здесь против новгородского купят алтынной хлеб в две гривны и в полполтины, и всякие харчи велми дороги. Рублем на дни два или проживежь.

Да ведомо тебе, Матфей Якимович, бединыне монастырские наши крестьяне, которые на работы села Рахина и иных сел и деревень написали челобитную великому государю, а в [че]лобительстве своем пишут, чтоб их поить и кормить нашей братьи стряпчим монастырским хлебом и харьями, и дожидают в Питербурх пришествия государя и Олександра Даниловича, то разню на их руку, да и приказные люди говорили архиерейскому стряпчему Богдану Нее[ло]ву, что де о том будет указ стряпчим вскоре под смертию казнию о тех работницках кормах. И о том нам велми опасно, и буде тако указ стоитца, и нам не ведомом, как о том управитца и одповедь учинить. Пожа[луй], Матфей Якимович, против сего нашего доносного писания учини ведомо и государем нашем властем, чтоб нам за денежную скудость в приказ против иных обителей да и самим бы нам для прокормления по [та]барам скитатся, а хотя для подлинного ведома пошли и сию отписку к государем нашем великим, потому что мне за в[...] особой для ведома в монастырь писать не изуспел. Спрашивают [...] для писма к Олександры Даниловичю и на другой болворок к [Гавриле] Ивановичю, где монастырские наши крестьяне работают, также и в приказ для [...] отповеди астал один, а слуги Дементий Ларионов ходит на [болвор]ки у Гаврилы Ивановичя Головкина за работники, а Андрей Белозеров на болворки у Олександры Даниловича Меншикова и тож [...]ким отпуск бывает, как отпустят работников к обеду и на ночь.

Да ведомо тебе, Матфей Якимович, буди, что писано выше сего об отпуске подьячего Никифора Лукина с Федором Степановым. И написав отпуску по два дня бил челом Александру Даниловичю, чтоб их приказал,

осмотрев, отпустить болных, и доносил, что их болных присмотреть некому. И он отказал и велел взять человека к ним болным для досмотру. Господа ради, Матфей Якимович, попроси монастыря у архиерея, чтоб гневу не положил на меня об нем, Никифоре, что ево не выслал. А мне он, Никифор, не горазно под нужу, что ему у нас быть. А роспись имянную работником ево Никифоровой высылке за рукою прикащика Ивана Варганова и ты тое роспис пошли в монастырь для справки.

Там же. Л. 47–48. Подлинник.

На л. 47 об.: 1703-го году августа в 18 день подал сын боярской Козма Михайлов сын Донской с Петбурха от [...]го стряпчего Семена Зимогора. Такова ж послана в Ъверкой монастырь.

№ 5

**1703 г., августа ранее 27. — Челобитная С. Зимогора
архимандриту Тарасию из С.-Петербурга**

Пречистые Богородицы Иверского монастыря государю всечестнейшему отцу моему и пастырю архимандриту Тарасию последний работниченко ваш Семен Зимогор всечестнейшего твоего государя святаго благословения прося челом бьет.

Известно тебе, государю, буди: по вашему властинскому указу я работниченко ваш за монастырскими вашими работники в Питербурх прибрел за вашими святыми молитвами августа в 6 день, и которые работники при мне пришли, рахинские и боровицкие, и тех работников в приказе записал и на работу отданы. И всех работников, которые пришли с монастырским вашим подьячим Никифором Лукиным и с слугами, которые со мной пришли, итого всех налицо записано в Питербурхе 162 человека, да у его Никифора на дороги ушли волдайсской округи деревни Елчина два человека да погосту Локоцка остался на дороги человек болен, да у Дементия Ларионова ево приказу человека не выслано, и того человека записали мы в приказе, что остался на дороге болен⁷. И с теми вышеписанными всего в ведомо у нас в Питербурхе 167 человек. И довелось, государь донять с монастырской вашей вотчины с Навгородского уезду 27 человек, а на ком те досталние работники доведутся взять, и о том справится в Новгороде по высылним росписем подьячего Никифора Лукина, и Дементия Ларионова, и Андрея Белозерова, потому что высылние росписи Дементия Ларионова и Андрея Белозерова, кто которой деревни и хто имяны высланы оставлены в Новгороде у стряпчего вашего Матфея Якимова. Да Никифорову высылную роспись за рукою прикащика Ивана Варганова ис Питербурха послал я в Великий Новгород для справке тех доимочных работников к немее ж, стряпчему, прикажите, государь, тех доимочных работников, справяся по черным высылным росписем высылки подьячего Никифора Лукина да прикащика Ивана Варганова, на ком явятся по переписным книгам 186-го году досталние работники 27 человек выслать, опроче ямских охотников.

А тех досталних работников в приказе у меня непрестанно спрашивают по вся дни и держат за караулом. И я, работниченко ваш, кое как со дни на день упрашиваю сроку и сказываю, что будут вскоре. И в тое отсрочки мне чинятся пред иными монастырскими стряпчими от приказных людей лишние росходы, а что те работники на срок не бывали и о том неведомо, что учинится впредь и какая отповедь учинить. А ныне переманиваю, что не бывали за дальностью.

Да ведомо тебе государю буди: били челом Юрьева и Онтонова монастырей присланные старцы об отпуске, и им был выговор, что естли де будут монастырские ваши крестьяна о кормах бить челом, учинится де городовому делу за теми кормами остановка, и в то де время из вас и ис стряпчих ваших черева вымотаны будут кнутом. А ваши монастырские работники, которые отданы на болворк Гаврилы Ивановичю Головкину 35 человек боровицких и березовских, взяли из государевы казны муки по полуосмины на человека взачет, а та мука овесть им с вотчин, от которой волости оне прошли по зимнему (?) пути в первых числах и отдать вдвое, где великий государь укажет. И в той муки приказали мне работниченку вашему вместо их крестьян росписатца. Толко, государь, я не росписался, упросил сроку до Гаврилы Ивановича Головкина, чтоб им работником, хто сколко возмет, самим росписатся, потому что многие взяли из воли денги на 4 месяца. Также и иных волостей ваши крестьяна хотят бить челом и муку в зачет иметь, и о то, что учинится и я впредь, государь, к вам ведомо чинить буду.

А монастырские, государь, ваши подьячей Никифор Лукин и слуга Федор Степанов лежат болны. И я, государь, усмотря время, Александры Даниловичю по два дни об отпуске бил челом и милости просил, чтоб их отпустить. И он Александр Данилович их отпустить не приказал и велел взять к ним работника, кому их болних надсматривать. А естли, государь, оне, Никифор и Федор, обмогутся, и я для отпуску их буду бить челом и милости просить для того, что мне их держать в Питербурхе не для чего и замены мне от них никакой нет, кроме лишних убытков и проестей, потому что купят, государь, новгородцкой алтынной хлеб по восьми и по девяти алтын. Также и всякие харчи велми дороги, а я, государь, от вас из монастыря поехал с одними сумками, да и то в одной сумке платышко положено, а рублем, государь, нашей семье болше двух или трех дней не прожить, опрочье приказных росходов. А подьячей ваш Никифор толки мне денег явил 2 рубля, а которые, государь, со мною деньги были, и то в дороге в проезде в харчах и в наймах подвод, и здеся в Питербурхе на всякой расход придержались. Прошу твоего, государя, отца моего и пастыря, благословения, прикажи, государь, к нам отпустить на хлебы и на харч и на всякой приказной расход денег по своему рассмотрению. А без денег, государь и без росходу о приказных дел пробить никоторыми делы не возможно, потому что стала доимка и спрашивают крестьяном корму, // да и нам, государь, чтоб по таборам з голоду для прокормления не скитатся. А занять, государь, стало не у ково. Господа ради, прикажи досталних работников выслать с нароч-

ным посыльщиком, чтоб в тех работниках дому святому в каком поношении и в убытках не быть.

Да известно тебе, государю, буди: ныне явился у розряду монастырских ваших работников, которые отданы на болворк Александры Даниловичю, розрядник и писарь Василей Ильин сын Чемесов, родной брат монастырскому вашему слуги Федору Чемесову, и к дому Пресвятыя Богородицы являет радение и к нам посланным от вас, государей, по брате своем кажет великую помощь в монастырских ваших работниках. Да он же нам рогожу сухарей да осмину круп прислал. И тем сухарем и крупам мы ино (?) все кормим. И во всяком поведении подает помощи во всяком поведении и из нужд лишних выручает усердно и явился нам в Питербурх перво доброй человек при нуждах наших и желает от брата своего к себе писма, как он живет и кто к нему добр. Хороше бы, государь, чтоб он, Федор к нему уряднику и писарю отписал да и нас бы в писме своем не презрил впредь для случая. А мы у ево, Василья, в работниках ведомы и лишних налогов он, Василей, нас лишает.

Там же. Л. 49–49 об. Подлинник.

На л. 49 об.: Пречистые Богородицы Иверского монастыря государю всечестнейшему отцу моему и пастырю архимандриту Тарасию. 1703 го августа в 27 день подана.

№ 6

1703 г., августа ранее 27. — Челобитная С. Зимогора архимандриту Тарасию из С.-Петербурга

Пречистые Богородицы Иверского монастыря государю всечестнейшему отцу моему и пастырю архимандриту Тарасию з братиею всечестные вашей паствы работниченко ваш Семен Зимогор, прося вашего святого благословения, челом бью.

По вашему, государи, властинуму указу велено мне быть у монастырских ваших работников в Питербурхе и всякая в тех работниках чинить отповедь, в чем по указу великого государя спросят.

И в нынешнем 1703-м году августа в 15 день бил челом я, работниченко ваш, об отпуске монастырского вашего подьячего Никифора Лукина, чтоб ево отпустили в Ыверской монастырь к вам, государем моим влаstem. И ево Никифора в приказе не отпустили, а сказали посылай де с отпискою иного от себя, а ево де Никифора не отпустим, для того что де он привел к записке работников и отпустить де ево без Александры Даниловича не суметь. А Александра Данилович съехал на Олонец августа в 14 день к великому государю, а оттоль ожидают пришествия великого государя в Питербурх к Семене дни⁸. А вместо ево, Никифора, отпустил я к вам, государи, для нужды монастырского вашего слугу Федора Степанова. Прикажите, государи, достальных работников 27 человек прислать с нарочным высльщиком. А истинно, государи, за тех доимочных работников, естли не изволите прислать, учинится великое бедства. А нас прикащик Степан Онтропьев доведется с

ево приказу работников по 7 человека. Толко он, Степан, з достальными своими работники в Питербурх не бывал, а сказывают, что живет в Ладогe, а зачем в Питербурх не едет, про то Бог. А Федор Степанов на поезде своем с подьячим Никифором розчиталися и говорил он, Федор, ему Никифору, что естли де не имал он Никифор за работников денег с волдайцов, и работники были б у них все без недобору. Да прикажите, государи, по прежним моим к вам, государи, отпискам учинить о крестьянских работницких кормах, какой ни есть указ и какая мне в тех кормах чинить отповедь и, будет те наемные работники имали денги на кормы за 4 месяца, чтоб для спору прислали крестьяна скаску за руками, а естли скаске не пришлют, и им давать будет всякому работнику вновь подмога и платить заемная мука вдвое, где великий государь укажет.

Да при[ка]жите, государи, на Зимнегорском новопостроенном государеве дворце⁹ в стойле крестьяном своим построить конские ясли, как доведутся и у крыльца набить для привязывания коней колца, и в стойле около ясель, а колца у кузнецов сковали при мне. А поход государю, сказывают, будет после Семене дня к Москве в скорых числах. Да прикажите, государи, сварить квасу ячного и поставить на дворце в ледник для приезду государева и протчих ево ближних. А дьяк Михайло Алексеевич Войнов сказал, чтоб без квасу не было, нужнее пива бывает квас. Да прикажите, государи, и нам на всякой приказ на расход и на харч прислать денег по своему рассмотрению, истинно государи всякие дела за нуждою нашею от людских остаются. //

Да на отписку, государи, принесли монастырские ваши работники челобитную о дасталних рабочих денгах. А хто имени, и то писано в челобитной, и тое челобитную послал я к вам, государи, с сею отпискою, и о том, государи, укажите.

Там же. Л. 50–50 об. Подлинник.

На л. 50 об.: Пречистые богородицы Иверского монастыря государю всечестнейшему отцу моему и пастырю архимандриту Тарасию со всею, еже о Христе з братиею. 1703 г августа в 27 день подал слуга Федор Стефанов.

№ 7

1703 г., августа ранее 27. — Челобитная новгородских работных людей архимандриту Тарасию из С.-Петербурга

Государю отцу архимандриту Тарасию и всей братии бьют челом работные крестьяне села Волдай Архип Деменьтьев, Самсон Иванов, Козма Федоров, Павел Фадеев да мещанския слободы Иван Яковлев, Калина Кононов, Антип Астафьев, деревни Долгиг Борот Федор Лукьянов, Григорей Матвеев да деревни Моклокова Гаврила Юрьев, деревни Ящуровой Иван Юрьев, Козма Васильев, деревни Кабелева Петр Яковлев и все работные крестьяне.

Милости у тебя, государь, отец архимандрит, просим. Пожалуй, прикажи, государь, к нам выслать достолные наши деньги, которые по договору

остались на крестьянех. А прикажи деньги выслать к Семену дню, потому что нам пить-есть нечево, а хлеб дорогой, а деньги, государь, отец архимандрит, мы все издержили. А если тые крестьяне к нем в скорых числах денег не пришлю, и мы станем хлеб займовать из государевой полаты вдвоа или втроа, потому чтоб нам голодно смертью всем не помереть. Смилуйся, государь, отец архимандрит, пожалуй.

Там же. Л. 51. Список (?).

¹ Речь идёт о конфликте, возникшем между Н.Л. Дретенским и М. Яковлевым в июле 1703 г. В присланном в Новгород царском указе оговаривалось, что работных людей в С.-Петербург должны были сопровождать стряпчие, келари или приказчики. Н.Л. Дретенский был подьячим и, чтобы избежать поездки в С.-Петербург, объявил об этом отвечавшему за сбор новгородских работников капитану Преображенского полка П.Н. Глебовскому. Разгневанный капитан приказал отправить вместо подьячего стряпчего М. Яковлева, которому с большим трудом удалось уклониться от нежелательного путешествия (*Базарова Т.А.* Новгородские крестьяне на городском строительстве в Ингерманландии... С. 89).

² В среднем крестьяне за четыре месяца пребывания на строительстве Петербургской крепости получали от семи до двенадцати рублей. В договоре найма специально оговаривалось, что «хлеб и всякие харчевые припасы им, работником, покупать на те ж наемные деньги».

³ Речь идёт о Юрьеве Новгородском монастыре.

⁴ Никифор Лукин сын Дретенской.

⁵ Подьячий Н.Л. Дретенской увёз в С.-Петербург именную роспись работных людей, в которой «хто именем высланы и на ком достальных работников взять». М. Яковлев обвинил подьячего, что из-за отсутствия этой росписи его в Новгороде «держат в приказе и бьют напрасно на правеже» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5886. Л. 37).

⁶ 18 июля 1703 г. сопровождавший группу работных людей иеромонах Кирьяк отправился водным путём в Ладогу. До С.-Петербурга он не доехал и через месяц вернулся в Новгород.

⁷ Речь идёт о том, что не высланного в С.-Петербург работника внесли в списки отставших по болезни. Возможно, такой способ избежать наказания за нерадивость не раз применялся и в последующие годы.

⁸ То есть 14 сентября, в день преподобного Симеона Столпника и матери его Марфы.

⁹ Речь идёт о путевом дворце Петра I на Новгородской дороге.

*М.М. Дадыкина,
Т.А. Базарова*

ПИСЬМА РУССКИХ СОЛДАТ ИЗ-ПОД НАРВЫ 1700 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В СТОКГОЛЬМЕ)¹

Во время Великой северной войны доставка переписки находилась под угрозой быть перехваченной неприятелем, поэтому дипломатические депеши и важные донесения с театра военных действий обычно шифровались и доставлялись сопровождаемыми охраной гонцами. Для страховки разными путями нередко посылали дубликаты (и трипликаты) донесений. Поскольку военной цензуры не существовало, даже частные письма участников военных действий могли содержать важные сведения о неприятельской армии и представлять интерес для другой воюющей стороны.

В Государственном архиве Швеции отложилось несколько комплексов документов, происходящих из перехваченных в годы Северной войны русских пакетов². Наиболее ранние из них относятся ко времени осады Нарвы 1700 г.

Как известно, осада Нарвы в сентябре – ноябре 1700 г. стала первой и крайне неудачной операцией Петра I в войне. Отечественным исследователям хорошо известны официальные источники: «Гистория свейской войны», походные журналы, переписка Петра I и генералитета русской армии. Особый интерес представляет частная переписка, позволяющая взглянуть на те же события с другой точки зрения.

Уникальным комплексом являются письма русских солдат из-под Нарвы своим родным и друзьям. В Государственном архиве Швеции сохранилось десять документов из перехваченного под Нарвой пакета. Поскольку некоторые из писем состояли из двух разных посланий, то общее их число составляет тринадцать. Бумага была сложена в несколько раз, на обороте написан адрес, на нескольких листах сохранились остатки печати красного воска. Некоторые из

листов сохранили следы ударов острым предметом по краям, а также коричневые следы возле повреждения бумаги.

Письма написаны четырьмя различными почерками. Наиболее ранние по дате письмо № 1 и письмо № 2 написаны, вероятно, самими солдатами, они, кроме разных почерков (почерк 1 и почерк 2 соответственно), имеют выраженную индивидуальную манеру письма; № 3, 4, 8, 9 и 10 написаны почерком 3; № 5, 6, 7 — почерком 4. За исключением одного датированного 3 октября и двух без даты все остальные написаны 6 октября. Таким образом, данные документы были отправлены из расположения русской армии под Нарвой не ранее 6 октября.

Большинство адресатов проживало в Подмонастырской слободе Псковского Печерского монастыря. Солдаты писали своим родителями и женам. Одна записка адресована некому Ермоле Лукичу в третью роту Новгородского полка полковника Р.В. Брюса.

В письмах упоминается, что псковичи служили солдатами в пехоте. На обороте одного из них указано: «Отдать грамотка салдацкой жены Федосьи Адреевой дочери Ульяна Полякова жены»). Ко дню отправки писем, то есть 6 октября 1700 г., они стояли под Нарвой уже четвертую неделю. Надо полагать, что их воинская часть прибыла к шведской крепости одной из первых. Возможно, псковичи находились в корпусе князя И.Ю. Трубецкого, состоявшем из псковских и новгородских стрелецких и солдатских полков. Корпус выступил из Новгорода 1 сентября и достиг Нарвы 9 сентября 1700 г.³

Солдатские письма укладываются в определённый формуляр. Они начинались с перечисления тех лиц, кому адресовалось послание с передачей им челобитья или благословения. В зависимости от состава семьи сначала назывались отец, мать, жена и дети, затем шли братья, их жены, дяди, тети и племянники, а также приятели.

Лишь Фома Блостихин начинал с длинной цветистой фразы: «Молитвою своею яко древо посреде винограда насаждено, и прозябшего чесными своими дланми, и мене возростившего, и всяку истому мене ради претерпевша, инача своему животу покоя, государыни матушки Матроны Мироновны из Свейской немецкой земли с под города Ругодива сынишко твое безприятное, Фомка Никитин, пав на землю, со слезами благословения у тебя прося, и премного челом бью».

Затем следовало сообщение о собственном состоянии. Так, Фома Емельянов написал своему приятелю: «А про меня изволишь ведать, и я, дал Бог, по се время жив, и впредь уповаю на милость Божию». Или солдат Никита сообщил матери: «Как вас Бог милует, а я ныне

на службе государьской под городом Ругодивым, стоя в окопе, октября по 6 день, дал Бог, с ортелью своей жив, а впредь Бог волен». После чего следовали основная часть и финальная фраза: «За сем вам мало пишу, а много челом бью».

Несмотря на то, что вести домой посылались из осаждавшей вражескую крепость действующей армии, только два письма содержат подробности участия псковичей в военных действиях. Они описывают события, состоявшиеся на день Покрова Богородицы, то есть 1 октября. Так, солдат Сидор Гаврилов сообщил отцу: «И была стравка: с конницей стравка и с нами, с пешеходны, на Покров Пресвятыя Богородицы, тут мы вси, нас Пресвятая Богородица помиловала печерских, и псковские пушки пришли к нам вси под Ругодев. И теперь мы, бачко, с часу на час еще дожидаем стравки с пешеходны с нами». Фома Блостихин написал матери (к сожалению, текст плохо сохранился): «Стою я ныне под городом и ныне и за [...] стрелцы с пушками. А стоим мы ныне в шанцах... на валу, а бои у нас в шанцах без мерок с ним». Надо сказать, что в «Гистории свейской войны» день 1 октября 1700 г. отмечен тем, что под Нарву прибыла дивизия А.А. Вейде. Тогда же, в ночь с 1 на 2 октября, когда по указу генерал-лейтенанта Л.Н. де Алларта (Галларта) русские солдаты начали возводить батареи и копать рвы, состоялась и первая стычка с неприятелем. «Гистория свейской войны» сообщает, что «неприятель жестоко з города стрелял; при той работе два человека убито и четыре человека ранено»⁴. На следующий день, 3 октября 1700 г., водным путём под Нарву из Пскова доставили тридцать три медные пушки и три мортиры⁵.

Таким образом, судя по солдатским сообщениям, военные действия на начальном этапе носили более активный характер. Помимо описанного «Гисторией» ночного боя были и другие стычки, когда осаждённый гарнизон начал предпринимать попытки помешать русской армии возводить военные укрепления.

Однако гораздо больше, чем вражеские пули, солдат занимала материальная неустроенность. Очевидно, начало осени 1700 г. было холодным, поэтому в пяти письмах солдаты просили домашних прислать еду, обувь и тёплую одежду. Несмотря на полученное жалованье, солдаты из-за дороговизны не могли приобрести продовольствие в военном лагере. Сложившуюся ситуацию наиболее ярко обрисовал Ларион Степанов в письме отцу: «А стоим мы под Ругодивом четвертую неделю и помираем холодною и голодною смертию: хлеба стали дорогие, копейшной хлеб покупаем по два алтына. И ты, пожалуй, батюшко Степан Прокофьевич, будет тебе возможно

самому побывать, и ты привези мне шубу какую-нибудь да рубашку с порткам, да упоки хорошие или черевики вскоре, не мешкав. А буде самому невозможно, и ты с кем-нибудь пришли, крепко нужно. Да хлеба, хотя на гривну денег».

Аввакум Белкин сообщил, что у него в полку «во всем скудно» и попросил отца Лариона Григорьевича Белкина для себя и своих братьев «купить нам харчу снетков да заспы, да толокна по чему-нибудь, да будет, добудешь сухарей, и ты, пожалуй, пришли, сколько добудешь. А денег мы к тебе послали з братой рубль десеть денег. А чево не достанет, и ты, пожалуй, своим заплати и ко мне отпиши, а я здесь з братьи збер[у] да к тебе тотчас отошлю. Да пожалуй, батюшко, купи мне сапоги жилецкие попространней... Да пришли, пожалуй, рубашку да портки, да шубу». Ульян Поляков велел своей жене после продажи отцом двора взять положенные ему «за постройку» полтора рубля, «и, взявши половину, ко мне пришли, а сама где ни есть до меня проживи».

Женатых солдат волновали семейные проблемы. Аввакум Белкин, очевидно, получил от своих родителей жалобу на жену и написал ей письмо с наставлениями: «Пажалуйте, пишите ко мне о своем житии, и давно ль ты ис тово двора перешла и отчего ты ис таво двора перешла, и для чево ты отца и мать мою посрамляешь и к ним не ходишь, и сынишка моево Василья к ним не носишь. И то ты неведомо высокоумствуешь, неведомо глупостию владеешь, и будет ты станешь впредь так жить и от меня ничево себе доброво не чай, и впредь ко мне пиши. Возможно бы тебе у отца и матери моей и в покорении жить и ничем не сердить». Уверенность или, напротив, обеспокоенность домашними делами могла повлиять на настроение солдат во время боев, вероятно поэтому такая, казалось бы, частная и сторонняя информация была отмечена шведами при просмотре писем.

Очевидно, за месяц пребывания в «свейской немецкой земле под городом Ругодивом» солдаты имели возможность поддерживать регулярную переписку со своими семьями, посылать им деньги и получать из дома продукты и вещи. Сидор Гаврилов упомянул, что отправил отцу четыре грамоты. Однако новый гонец до адресатов так и не добрался. Предположительно, он был перехвачен шведскими солдатами (возможно, убит или ранен), письма прочитаны, а затем вместе с донесением доставлены в распоряжение шведского командования.

Слева от наиболее заинтересовавших неприятеля строк были поставлены пометы «=», письма пронумерованы⁶, на обороте неко-

торых помечено «NB». Затем был составлен общий экстракт⁷, в который вошли извлечения из писем № 1–3, 6; о содержании писем № 5 и 7 было сделано краткое замечание, после чего составлено общее донесение. Все выписки шведы сделали из тех посланий, которые содержали сведения о военных столкновениях и недостатке продовольствия и теплой одежды у русской армии.

Материалы солдатских писем дают уникальные сведения не только по русской истории, но и о русской повседневной жизни и семейных отношениях рубежа XVII–XVIII столетий.

* * *

При подготовке публикации соблюдались общепринятые правила издания исторических документов XVII–XVIII вв.⁸ Письма расположены по хронологическому принципу. Буквы, вышедшие из употребления, заменяются буквами современного алфавита, сокращения под титлом раскрываются, выносные буквы вставляются в строку без оговорок, твёрдый знак в конце слова не воспроизводится. Мягкий знак после выносных букв ставится по современному произношению, если его отсутствие изменяет смысл слова. Текст, пострадавший в результате механических повреждений, передаётся в квадратных скобках. Знаки препинания расставлены в соответствии с правилами современной пунктуации.

¹ Вступительная статья к публикации написана Т.А. Базаровой и М.М. Дадькиной. Набор текстов писем и их археографическую обработку выполнила М.М. Дадькина. Авторы выражают признательность Шведскому институту (Стокгольм), при поддержке которого они смогли работать с материалами шведских архивов и библиотек. Когда сборник «Меншиковские чтения – 2008» уже был сформирован, вышла из печати подборка этих же писем в книге: «Окопные» письма русских солдат 1700 г. // *Козлов С.А.* История России до XX века. Новые подходы к изучению. Курс лекций и материалы для семинарских занятий. СПб., 2008. С. 201–210. В настоящем издании публикации писем предпослана вступительная статья.

² SRA (Stockholm). *Extranea*. Vol. 156, 157, etc.

³ ГСВ. М., 2004. Вып. 1. С. 203; *Петров А.В.* Город Нарва: Его прошлое и достопримечательности. 1223–1900. СПб., 1901. С. 189.

⁴ ГСВ. Вып. 1. С. 203–204.

⁵ Там же. С. 204.

⁶ Очевидно, перлюстрированных бумаг было значительно больше, так как в соответствии с этой нумерацией первое из публикуемых писем имело № 26.

⁷ SRA (Stockholm). *Extranea*. Vol. 156. 3. N 1.

⁸ Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990; *Кашианов С.М.* Актовая археография. М., 1994; ПБИПВ. М., 1992. Т. 13, вып. 1; М., 2003. Т. 13, вып. 2.

**[1700 г. октября 3]¹. – Письмо солдата Лариона Степанова
отцу Степану Прокофьевичу и матери Варваре Ивановне в Псков
и записка его [?] же под вымышленным именем Фомки Емельянова
своему другу Ермолу Лукичу с просьбой сделать срочно опойки**

Государю моему батюшку, Степану Прокофьевичу, да государыни моей матушки, Варвары Ивановны, сынишко ваш, Ларка Степанов, благословения вашего прошу, пав н[а] землю со слезами, премного челом бью. Да сестрицы моей, Авдотьи Степановны, великое челобитье, да сестрицы моей, Татьяны Степановны, великое челобитье, да тетушки моей, Татьяны Ивановны, великое челобитье, да дядюшки моему, Дмитрею Прокофьевичу, великое челобитье, да дядюшки моему, Емельяну Моесеявичу, великое челобитье, да тетушки моей, Агафьи Корныльевны, великое челобитье, да зятю моему, Якову Осиповичу, великое челобитье, да племянницы моей, Домны Яковлевны, великое челобитье, да племяннику моему, Петру, великое челобитье, да братеникам моим по великому челобитью и всем моим приятелем по великому челобитью и по нискому поклону, здравствуйте на множество лет. А про меня изволите напамятовать, и я, дал Бог, по сие писание на службе великого государя под Ругодивом добр здоров, а впредь уповаю на всещедраго Бога. А² стоим мы под Ругодивом четвертую неделю и помираем холодною и голодною смертью: хлебы стали дорогие, копейшной хлеб покупаем по два алтына². И ты, пожалуй, батюшко Степан Прокофьевич, будет тебе возможно³ самому побывать, и ты привези мне шубу какую-нибудь да рубашку с портким, да упоки хорошие или черевики вскоре, не мешкав. А буде самому невозможно, и ты с кем-нибудь пришли, крепко нужно. Да хлеба, хотя на гривну денег. А я здесь денги все заплачу. Да пишите ко мне про свое здоровье, чтоб мне, слыша про ваше здоровье, о Христе радоваться.

За сем вам мало пишу, а много челом бью.

Благодетелю⁴ моему, Луки Васильевичу да Ирины Софроновны, некто о убогих, не смея имянишком своим нарещися, ис-под Ругодива Фомка Емельянов премного челом бью. За вашу прежнюю добродетель и за премногую милость другу моему, Ермола Лукичу, великое челобитье и ниской поклон. Здравствуйи, Ермола Лукич, на множество лет и з батюшком и с матушкою, и с супругою, и со всем домом праведным. А про меня изволишь ведать, и я, дал Бог, по се время жив, и впредь уповаю на милость Божию. Да пожалуй, Ермола Лукич, сшей мне упоки хорошие просторные надежные да пришли с кем-нибудь, а с кем пришлешь, и я тебе и денги пришлю. По-для Бога пожалуй, Ермола Лукич, зделай⁵ такую добродетель, пришли, а я, будет, Бог даст, буду жив, я и впредь тебя не забуду.

Зам⁶ мало пишу, а много челом бью⁷.

На обороте адрес: Отдать сия грамотка во Пскове у Михаила Ивановича Неклюдова дворнику ево о Троицкому бобылю Степану Прокофьеву.

А отдать вели в полку у Новгородского полковника Романа Вилимовича Брюсова в третьей роты. Писана октоври⁸ в 3 день.

Riksarkivet. Extranea. Vol. 156. 3. N 6. Подлинник. 16,5 × 41,5. По лев. и прав. полю симметричные следы удара острым предметом.

П о м е т к и : на об. л. крчн. чрн. Num. 26, ниже NB.

Примечания: ¹ Датировано по второму письму. ²⁻² Слева три строки имеют пометы =. ³ Далее зчркнт. И ты. ⁴⁻⁷ Ниже тем же пчрком. ⁵ Врпк. ошибочно дзелай. ⁶ Так в ркп. ⁸ Так в ркп.

№ 2

[1700 г. октября 6]. — Письмо солдата Фомы Никитина Блостихина матери Матрене Мироновне Блостихе в слободу Псковского Печерского монастыря

Молитвою своею яко древо посреде винограда насаждено, и прозябшего чesными своими дланми, и мене возростившего, и всяку истому мене ради претерпевша, инача своему животу покоя, государыни матушки Матроны Мироновны из Свейской немецкой земли с под города Ругодива сынишко твое безприятное, Фомка Никитин, пав на землю, со слезами благословения у тебя прося, и премного челом бью. Как тебя господь Бог милостию своею сохраняет, а про меня, убогово, изволишь напаметовать, и я ныне, живучи на службе велика[го] государя, Божиею милостию и твоими матерними молитвами жив обретаюсь, и впреть нада мной его всещедрога Бога воля. Ведо[мо] тебе, матушка¹, буди, стою я ныне под городом и ныне и за [...] стрелцы с пушками. И Янка туд жо приехал, и стаит он [...] возли нас. А стоим мы ныне в шанцах у неемец² на валу, а бои у нас в шанцах без мерок с ним. Да пожалуй, матушка, пришли шубу да сопаги и рубаху белую, и что ты дала мне, как я был дома. И мне прислать ли или ныне³ ль с Янкиным отцом, нешто прислать или ныне ль, и ты о том пиши ка мне о том имено. Да пожалуй, мату[шка], пиши ка ме⁴ о своем здравии, и мне, слыша твоим здравии радоватись о том.

Тобе моло пишу и [мно]го челом бью.

На обороте адрес: Отдать сие писание под Печерским монастырем в слободе вдове Мотроне Мироновой дочери Блостихи.

Riksarkivet. Extranea. Vol. 156. 3. N 2. Подлинник. 16 × 21. Правый край осыпался. На обороте остатки красновосковой печати.

П о м е т к и : на об. л. крчн. чрн. Num. 2, ниже NB.

Примечания: ¹⁻³ Слева 6 строк имеют пометы =. ² Так в ркп. ⁴ Так в ркп.

№ 3

[1700 г. октября 6]. — Письмо солдата Аввакума Белкина отцу Лариону Григорьевичу Белкину, слуге Псковского Печерского монастыря, и матери Федосье Ерофеевне

Государю моему батюшку, Лариону Григорьевичу, государыни моей матушки, Федосьи Ерофеевны, многогрешной человекелко, сынишко ваш Аввакумко, благословения прася, пад на землю со слезами, премного челом

бью. Пожалуй, батюшко, купить нам¹ харчу снетков да заспы, да толокна по чему-нибудь, да будет, добудешь сухарей, и ты, пожалуй, пришли, сколько добудешь. А денег мы к тебе послали з братой рубль десеть денег. А чево не достанет, и ты, пожалуй, своим заплати и ко мне отпиши, а я здесь з братьи збер[у] да к тебе тотчас отошлю. А денги мы послали к тебе с тем же мтеским мужиком. Да пожалуй, батюшко, купи мне сапоги жилецкие попространней, а денег десеть алтын послал я к тебе с тем же мтеским мужиком. Да пришли, пожалуй, рубашку да портки, да шубу. А хотя ль у нас всем в полку скудно, только я, многогрешной, не тужу о своем¹ домашнем житии, только мне жаль вас и сродичей своих. А о месечины мы станем бить челом великому государю и станем в челобитье означивать, как вино курили и хлеб продавали и для чево с вас яфимки збирали, и будет нам¹ челобитье поидет в лат, и мы иное сыщем, что писать в челобитье. А про то про все будет вам вестось.

За сем написа[...]вый многогрешной человекло, сынишко твое Аввакума, пад на землю со слезами, премного челом бью.

На обороте адрес: Вручить грамотка в Печерском монастыре слуги Лариону Григорьеву сыну Белкину.

Riksarkivet. Extranea. Vol. 156. 3. N 4. Подлинник. 16 × 21,5. Правый край выкрошился в нескольких местах. Остатки печати красного воска на об. л.

П о м е т к и: На лиц. стороне на об. л. крчн. чрн. Num. 5, ниже NB.

Примечание: ¹⁻¹ Слева 11 строк имеют пометы =.

№ 4

[1700 г. октября 6]. — Письмо солдата Аввакума Белкина жене Акилине Терентьевне

Из Свеиской немецкой земли ис-под города Ругодива Аввакум Белкин жены моей Акилины Терентьевны челобитье и сыну моему Василью. Мир о Христе и благословение, как¹ вас Господь милостию своею сохраняет. А про меня многогрешного изволите напаятовать, и я по сию грамотку, дал Бог, жив, а впредь, что Бог изволит. Пажалуйте пишите ко мне о своем житии, и давно ль ты ис тово двора перешла и отчего ты ис таво двора перешла, и для¹ чево ты отца и мать мою посрамляешь и к ним не ходишь, и сынишка моево Василья к ним не носишь. И то ты неведомо высокоумствуешь, неведомо глупостию владеешь, и будет ты станешь впредь так жить, и от меня ничево себе доброво не чай, и впредь ко мне пиши.

За сем мало пишу, а премного челом бью. Возможно бы тебе у отца и матери моей и в покорении жить и ничем не сердить.

На обороте адрес: Отдать грамотка жены моей Акилины Терентеевой дочери.

Riksarkivet. Extranea. Vol. 156. 3. N 7. 16 × 21. Подлинник. Остатки красновосковой печати на об. л.

П о м е т к и: на об. л. крчн. чрн. Num. 7.

Примечание: ¹⁻¹ Слева три строки имеют пометы =.

№ 5

[1700 г.] октября 6. — Письмо солдата Ивана матери Авдотье Федотьевне и другим родственникам в Псков

Государыни нашей матушки Овдотьи Федотьевны сынишко твои Ивашко, благословения прося, и челом бью, да брату моему Деяну Ондреевичю челобитье, да дворницы моей Огрофены Обрамовны челобитье, да брату моему иноку Герасиму великое челобитье. И ты, бачко Герасим, не покинь матушки моей, а как я буду во Псков, и я тебе буду платещик. Да невестки моей Марфы Сергеевны челобитье, да племяннику моему, Емельяну, челобитье и всем сродичам¹ по челобитью. А я ныне на службе под городом Ругодивом, стоим в окопе, с октября по 6 день, дал Бог, жив.

За сем здравствуйте о Христе на множество лет¹.

На обороте адрес: Отдать ся грамотка Овдотьи Федотовой дочери.

Riksrarkivet. Extranea. Vol. 156. 3. N 5. Подлинник. 16,5 × 15,5.

П о м е т к и: на об. л. крчн. чрн. Num. 15, ниже NB.

Примечание: ¹⁻¹ Слева три строки имеют пометы =.

№ 6

[1700 г.] октября 6. — Письмо солдат Алексея и Филиппа Герасимовых матери Агафье Тимофеевне Шершневской в Запсковье

Государыни моей матушки Агафьи Тимофеевны сынишко твой Алешка Герасимов да Филипко Герасимов благословения у тебя просим и много челом бьем. Да государыни нашей сестрицы Марьи Герасимовны да Анны Герасимовны от братеников твоих по челобитью, да сестрицы нашей Пелагеи Анкидиновны челобитье, да брату моему Митрофану Яковлевичю, да Филипу Ивановичю, да Ондрею Ивановичю по челобитью, да государыни моей матушки богоданой Ириньи Игнатьевны, да шурина моему Никиты Сидоровичю по челобитью, да тетушки Настасьи Тимофеевны челобитье, да тетушки Федоры Тимофеевны, да жене моей Катерины Сидоровны челобитье, да невестки моей Варвары Дмитриевны челобитье от мужа ей Алексея, да невестки моей Варвары Дмитриевны дочери челобитье. Да ты, жена моя Катерина, есть ли дядюшку моево Бог принесет во Псков, и ты возми у него шубу. Да тетушки нашей¹ от племянников Парасковьи Михеевны челобитье. А мы ныне под городом Ругодивым стоим в окопе, октября по 6 день, дал Бог, живы с ортелью своей.

За сем написал, а много челом бью¹. А про свое здоровье к нам пишите почаству. Да² пожалуй, приш[лите] ко мне обувь какую-нибудь с кем ни есть черевки и отпишите².

На обороте адрес: Отдать ся грамотка на Запсковье Агафьи Шершневской.

Riksarkivet. Extranea. Vol. 156. 3. N 18. Подлинник. 17,5 × 18,5. Часть текста справа внизу выкрошилась.

П о м е т к и: на об. л. крчн. чрн. Num. 6.

Примечания: ¹⁻¹ Слева три строки имеют пометы =. ²⁻² Приписано тем же почерком более мелко.

№ 7

[1700 г.] октября 6. — Письмо солдата Данилы Ларионова сына Суханина жене Агафье Борисовой дочери

От Данилы Ларионова сына жене моей Агафьи Борисовой дочери поклон да тестю моему Борису Федоровичю, и тещи моей Микифоровне по челобитью, да свести моей Анны Борисовны челобитье, да свести Марфы Борисовны челобитье, да племяннику моему Никиты Корнеевичю челобитье и всем моим сродичам по челобитью. А¹ я ныне под городом Ругодивом октября по 6 день, дал Бог, в добром здоровье с ортелью своей. Да что я, жена, оставил дома денги с чересом, и ты их, жена, побереги, а коли¹ я отпишу, и ты тому отдай. А мне посулил брат мой денех, а нечто я возму, и я к тебе отпишу, что жене ево отдать.

За сем, написав мало, а много челом бью.

На обороте адрес: Отдать ся грамотка Данилиной жене Ларионова Суханина Агафье Борисовой дочери.

Riksarkivet. Extranea. Vol. 156. 3. N 20. 16,5 × 12. Подлинник.

П о м е т к и: на об. л. крчн. чрн. Num. 11.

Примечание: ¹⁻¹ Слева три строки имеют пометы =.

№ 8

[1700 г. октября 6]. — Письмо солдата Ульяна Полякова жене Федосье Андреевне

Тестю моему монаху Алексею Анкудиновичу и тещи моей монахини Параскевии Тимофеевны, и жены моей Федосьи Андреевны, и всем сродичам моим челобитье и поклон. Как вас Господь милостию своею сохраняет, а про меня многогрешного изволте напаятовать, а я по сию грамотку, дал Бог, жив, а впредь, что Бог изволит. И будет отец двор продаст, и ты у отца возми за пострунку мою денег полтора рубли. И, взявши половину, ко мне пришли, а сама где ни есть до меня проживи. Да пришли ко мне рубашку да портки.

За сем мало пишу, а премного челом бью.

На обороте адрес: Отдать грамотка салдацкой жены Федосьи Андреевой дочери Ульяна Полякова жены.

Riksarkivet. Extranea. Vol. 156. 3. N 22. Подлинник. 16,5 × 11.

П о м е т к и: на об. л. крчн. чрн. Num. 23.

**[1700 г. октября 6]. — Письмо солдата Сидора Гаврилова
отцу Гавриле Васильевичу Снице в слободу
Псковского Печерского монастыря**

Государю моему батюшку Гаврилы Васильевичу и государыни моей матюшки Ирины Никифоровны с под Ругодева сынишко ваш Ситка Гаврилов, прося благословение, пад на землю со слезами, чалом бию. Брату моему Никиты Гавриловичу, Семену Гавриловичу, Андрею Гавриловичу, Ивану Гавриловичу, Дмитрию Гавриловичу и невесткам моим Марьи Антоновны, Вассос¹ Пахомивны, Агафьи Ивановны и тетки моей Марьи Харитоновны, и всем и сродичам, и приятелем нынешним по челобитию, по поклону с под Ругодева от сына твоего от Сидора Гавриловича, великое челобитие, пад на землю со слезами, чалом бью. Как вас Господь Бог милует и с милостию своею сохраняет, а и про меня изволите ведать, под Ругодевьем и я по се число, дал Бог, жив, а впредь воля всещедрого Бога, Пречистыя его Богоматере и Всех святых. Пожалуй, бачко Гаврила Васильевич, вели отписать обо всем грамотках, что я к вам писал, четыре грамотки к тебе, бачко, послал. И была стравка: с конницей стравка² и с нами, с пешеходны, на Покров Пресвятыя Богородицы, тут мы вси, нас Пресвятая Богородица помиловала³ печерских, и псковские пушки пришли к нам вси³ под Ругодев. И теперь мы, бачко, с часу на час еще⁴ дожидаем стравки с пешеходны с нами. И теперь ты помолись [о] нас Богу и Пресвятыя Богородицы, пока что будет. И етот месяц учинитсе весь указ, тут то на етом месяци будет.

И в том я, премногогрешной сынишко ваш, Ситка Гаврилов, со слезами чалом бию.

На обороте адрес: Отдать грамотка в Печерском монастыре в слабоде Гаврилы Васильевичу по прозванию Сницы.

Riksarkivet. Extranea. Vol. 156. 3. N 19. Подлинник. 15,5 × 28. На об. л. вверху остатки печати красного воска.

П о м е т к и: на об. л. крчн. чрн. Num. 27, ниже NB.

Примечания: ¹ Так в ркп., вероятно, Вассы. ² Вписано над стрк. ³⁻³ Слева две строки имеют пометы =. ⁴ Вписано над стрк.

№ 10

**[1700 г.] октября 6. — Письмо солдата Никиты матери Марии Давыдовне
и другим родственникам в слободу Псковского Печерского монастыря
с припиской от солдата Михаила Иванова своей матери Марине Евсеевне,
жене и сыну**

Государыни моей матюшки Марьи Давыдовны сынишко твой Микита, благословения прося, и челом бью, да сестры моей и Огрофены, и другой сестры Огрофены по челобитью, да жене моей Федосьи Полухтовны поклон, да сыну моему Симеону мир и благословение, да сестры моей Пелагеи

Степановны челобитье, да шурина моему Федору Полуехтовичю челобитье и всем моим сродичам по челобитью. Как вас Бог милует, а я ныне на службе государьской под городом Ругодивым, стоя в окопе, октября по 6 день, дал Бог, с ортелью своей жив, а впредь Бог волен. Да пишите ко мне про свое многолетное здоровье.

За сем, написав, много челом бью.

Государыни¹ моей матушки Марины Овсеевны сынишко твой Мишка Иванов, благословения прося, и челом бью, да жене моей Устиньи великое челобитье да сыну Емелья[ну] мир и благословение.

За сем здравствуйте¹.

На обороте адрес: Отдать ся грамотка запичерскому слоботчику Федору Полуехтову сыну Пивнику.

Riksarkivet. Extranea. Vol. 156. 3. N 21. Подлинник. 17 × 18,5.

П о м е т к и: на об. л. крчн. чрн. Num. 9, ниже NB.

Примечание: ¹⁻¹ Ниже основного текста тем же почерком.

Милостивая моя жена
 Я пишу тебе из лагеря
 где мы находимся
 и думаю тебе написать
 несколько строк
 чтобы ты знала
 что я жив и здоров
 и надеюсь скоро
 вернуться к тебе
 и к нашим детям
 которые очень скучают
 по тебе. Я люблю
 тебя и надеюсь
 скоро увидеть
 твою улыбку
 и услышать твой
 голос. Прощай
 пока. Твой муж
 Аввакум Белкин

Письмо от Аввакума Белкина к жене Акилине Терентьевне
 6 октября 1700 г. Нарва

Письмо солдата Аввакума Белкина жене Акилине Терентьевне.
6 октября 1700 г. Нарва

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив ВИМАИВ и ВС – Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)

Архив СПбИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (Санкт-Петербург)

ВИ – Вопросы истории

ВИЖ – Военно-исторический журнал

ВС – Военный сборник

ГСВ – История швейцарской войны (Подённая записка Петра Великого)

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ЖИРВИО – Журнал Императорского русского военно-исторического общества

МИИАН – Материалы для истории Императорской академии наук

МИРФ – Материалы для истории русского флота

МПМС – Медицинские прибавления к «Морскому сборнику»

ОР БАН – Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук (Санкт-Петербург)

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

ПБВП – Письма и бумаги императора Петра Великого

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года

РА – Русский архив

РВ – Русский вестник

РАН – Российская Академия наук

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)

РГАВМФ ЦХСФ – Российский государственный архив Военно-морского флота, Центр хранения страхового фонда (г. Ялуторовск Тюменской области)

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

Сб. РИО – Сборник Императорского русского исторического общества

ТрВИО – Труды Императорского русского военно-исторического общества

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете

SRA – Svenska Riksarkivet (Stockholm)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Екатерина Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела ГЭ «Дворец Меншикова» (Санкт-Петербург)

Базарова Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, заместитель директора НИЦ «Меншиковский институт» (Санкт-Петербург)

Балканова Валентина Николаевна – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания высшей категории ГОУРМЭ «Лицей-интернат пос. Ургакш» (Республика Марий Эл)

Дадыкина Маргарита Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного технологического университета растительных полимеров (Санкт-Петербург)

Дуров Иван Герасимович – полковник запаса, доктор исторических наук, кандидат военных наук, профессор кафедры политологии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Кротов Павел Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времён до XX века исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, академик Академии военно-исторических наук, директор НИЦ «Меншиковский институт» (Санкт-Петербург)

Савельева Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, заведующая Научно-исследовательским отделом редкой книги Библиотеки Российской Академии наук (Санкт-Петербург)

Сухорукова Надежда Владиленовна – заведующая Отделом выставочной работы Музея природы и человека, искусствовед (Ханты-Мансийск)

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От ответственного редактора 5

I. Научные статьи

Андреева Е.А.

А.Д. Меншиков – «полудержавный властелин»
или балансирующий на краю пропасти? 7

Балканова В.Н.

Ученики А.К. Нартова и их деятельность 17

Дуров И.Г.

Стандартизация и качество пищевых продуктов,
поставляемых флоту и в торговую сеть при Петре Великом 32

Кротов П.А.

Полтавская битва 1709 г.: цена победы и поражения 51

Савельева Е.А.

К вопросу о взаимоотношениях петровских
военачальников А.Д. Меншикова и Я.В. Брюса 74

Сухорукова Н.В.

Соборная Троицкая церковь города Сургута 87

II. Публикации источников

Базарова Т.А.

«Из Шлотборка на взморье...»: Письма первых строителей
Санкт-Петербурга (июль–август 1703 г.) 97

Дадыкина М.М., Базарова Т.А.

Письма русских солдат из-под Нарвы 1700 г.
(По материалам Государственного архива в Стокгольме) 112

Список сокращений 125

Сведения об авторах 126

Меншиковские чтения – 2008

Сборник научных статей

Выпуск 6

Редактор Л. Образцова
Художник А. Спиридонов
Технический редактор А. Слободин
Корректор М. Фрик

Главный редактор Н. Кирющенко

Подписано в печать 24.12.2008. Формат 60 × 90/16

Бумага офсетная. Гарнитура Newton.

Объем 8 п. л. Тираж 500 экз. Заказ № 95

Издательство «Историческая иллюстрация».
192019, Санкт-Петербург, ул. Глазурная, 2-89
E-mail: info@ist-il.spb.ru
Тел./факс: 567 0737

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие „Искусство России“»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38, к. 2